

на каторжном острове

*Дневники, письма и воспоминания
политкаторжан „нового Шлиссельбурга“
(1907—1917 гг.)*

575916

Составитель
К. С. ЛЕОНИДОВА

*Научный редактор,
автор предисловия и комментариев
кандидат исторических наук*
Ю. Д. МАРГОЛИС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга попадет к читателю в канун 50-летия Великого Октября.

Чем дальше бег времени уводит нас от исторического грозного 1917 года, тем все сильнее влекут к себе люди, даже в каменных мешках царских тюрем отдававшие все силы победе трудового народа, тем настоятельнее становится потребность знать все больше и больше об этих революционерах, которые, по крылатым словам В. И. Ленина «перевернули Россию».

Поучительна судьба политических каторжан «нового Шлиссельбурга». Понять ее помогает история Шлиссельбургской крепости как государственной тюрьмы Романовых.

С начала XVIII века императорская власть выбрала крепость местом заточения своих особенно опасных политических врагов. Этому зловещему выбору помогла близость крепости к тогдашней столице Российской империи, но особенно — ее полная изолированность на небольшом островке при выходе Невы из Ладожского озера.

Наряду с Петропавловской Шлиссельбургская крепость заняла виднейшее место в карательной системе царизма.

Шлиссельбургская тюрьма принимала узников только по именному императорскому повелению, и только имен- ной императорский указ мог освободить пленника «Безы- сходного острова». «Безысходного» — потому что в кре- пость заточали почти всегда пожизненно. Название од- ной из башен крепости — «Государева» — стало назва- нием всей тюрьмы.

Вначале ее пленниками были главным образом опаль- ные царедворцы. Позднее состав узников Шлиссельбур- га изменился. Сюда заточали писателей, с именами ко- торых неразрывно связан прогресс русской культуры, — Федор Кречетов, Николай Новиков, Василий Каразин. Не избежали шлиссельбургских казематов и декабристы, потерпевшие поражение в своем единоборстве с само- властью, — Михаил и Николай Бестужевы, Иван Пу- щин, Вильгельм Кюхельбекер, Иосиф Поджио... Среди «секретных арестантов» крепости были известные в ис- тории тайных политических кружков последекабрист- ской поры братья Критские, страстный обличитель кре- постнических порядков украинский крестьянин Семен Олейничук, ветеран польского национального движения Валериан Лукасиньский...

В начале 1880-х годов, после убийства Александра II героями «Народной воли», значение Шлиссельбургской крепости как «государевой» тюрьмы для «наиболее важ- ных преступников» было подтверждено особым указом императора. В дополнение к старым казематам вблизи крепостной стены, обращенной к Ладожскому озеру, под личным наблюдением Александра III возвели еще одно тюремное здание. Сорок тюремных одиночек были раз- мещены и оборудованы с учетом последних «достижений» западноевропейского и американского тюремного строи- тельства. Новый застенок должен был заменить самую секретную и страшную тюрьму императорской Рос- сии — Алексеевский рavelин.

...Глубокой октябрьской ночью 1884 года к причалу крепости пришвартовалась черная баржа, разделенная на маленькие клетки камер. В клетках находились вы- везенные из казематов Петропавловской крепости за- кованные в кандалы «государственные преступники» — народовольцы, в их числе Вера Фигнер и Людмила Вол- кенштейн. Из клеток баржи «преступников» перевели в клетки тюрьмы.

Полное одиночество. Прогулка — 15 минут в сутки. Ни книг, ни физического труда. Ни свиданий, ни переписки. Пища: черный хлеб с песком и каша с песком.

Стража — испытанные сверхсрочные жандармские унтер-офицеры, лишенные права покидать остров без особо мотивированных просьб, обрекшие себя ради гнусного палаческого ремесла на добровольное заточение.

Эта тюрьма с успехом осуществляла хладнокровно рассчитанный замысел правительства заменить смертную казнь медленным, но верным убийством. За двадцать лет, предшествовавших первой русской революции (1884—1904), в камерах Шлиссельбургской тюрьмы были заживо замурованы 69 человек. Из них пятнадцать (в том числе Александр Ильич Ульянов) казнены в стенах тюрьмы, четверо покончили с собой, пятнадцать умерли от чахотки и цинги, четверо сошли с ума.

Правительство именovalo Шлиссельбург «Безысходным островом»; а в народе и в среде революционеров его называли «Островом мертвых».

Революция 1905 года заставила Николая II приоткрыть двери «государевой» тюрьмы. Шлиссельбург опустел... Но — ненадолго. 8 декабря 1905 года под гром канонады Московского вооруженного восстания царь приказал расширить свой наследственный застенок.

В годы реакции к смертной казни были приговорены 7 тысяч революционеров, вчетверо больше пошли на каторгу, в тюрьму и ссылку.

Повсюду в империи — в Орле и Пскове, Смоленске и Владимире, Ярославле и Вологде, Саратове и Тобольске — оборудовались новые каторжные центры.

Они должны были поглотить не десятки, как прежде, а сотни и тысячи политических врагов самодержавия.

«Царское правительство, помещики и капиталисты, — писал В. И. Ленин, — бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»*.

Реализуя царский указ, Главное тюремное управление начало расширять Шлиссельбургскую тюрьму еще во время отступления революции — в первые месяцы 1907 года.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

Восемь общих камер, отделенных от коридора сплошной решеткой, были возведены над вторым этажом петровских казарм. Над фундаментом тюремного здания XVIII века вырос так называемый второй корпус на 12 общих камер. Название третьего корпуса получила народовольческая тюрьма. В 1911 году был открыт вновь построенный четвертый корпус, рассчитанный на 600 заключенных, а всего перестроенный централ мог вместить одновременно около 1700 узников.

После полутороугодового перерыва, вызванного первой русской революцией, зимой 1907 года в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму были вновь доставлены заключенные.

Началась десятилетняя история «нового Шлиссельбурга». Его первыми политическими узниками стали 20 матросов и солдат — участников героического Севастопольского восстания 1905 года — А. Х. Конуп, И. В. Письменчук, М. В. Прудкой, З. С. Циома и их товарищи.

Прибытие севастопольцев знаменовало собой изменение социального состава политкаторжан-шлиссельбуржцев. Отныне большинство их принадлежало к активным борцам первой русской революции — рабочим, крестьянам, матросам и солдатам.

«Сочетание старых мрачных стен и вольной реки, у самого подножья их омывающей остров, пригибало человека к земле, — вспоминает ветеран шлиссельбургской каторги В. Ф. Гончаров, — заставляло резче и больней чувствовать контраст между тюрьмой и волей. Самый вход в крепость напоминал спуск в подземелье, из которого нет возврата» *.

Камеры без четвертой стены, замененной сплошной решеткой, — огвратительный «Зверинец»; расстрелы без предупреждения за одно только появление у тюремного окна; водворение политических заключенных в общие камеры с уголовниками-рецидивистами; зловещие тридцатидневные карцеры; особая квалификация тюремщиков, прошедших школу народовольческого Шлиссельбурга...

Все это должно было не только убить волю к борьбе,

* В. Ф. Гончаров. Шлиссельбургская каторга. Рукопись. БП, Краеведческий фонд, л. 4.

но и растоптать самое личное достоинство плененных революционеров.

Многих из них — наиболее активных протестантов против царского тюремного режима — присылали на «Остров мертвых» из других каторжных централов для «окончательного исправления». Этим определялась важная роль Шлиссельбурга в карательной системе царизма.

— Здесь не будет того, — говорил новоприбывшим начальник тюрьмы Зимберг, — что вы творили во Пскове (или, в зависимости от сведений в бумагах заключенного, в Смоленске, Ярославле, Москве и т. д.)... Сношений с внешним миром вы тут не наладите. А ваши протесты здесь будут бесполезны. Их услышат только стены да невские волны...

Но что же оказалось?

Большевики-ленинцы Г. К. Орджоникидзе, Ф. Н. Петров, И. К. Гамбург, братья Трилисеры и многие десятки других не только сохранили на каторжном острове волю к борьбе, но и вышли из тюрьмы обогащенные светом новых ленинских идей и во всеоружии отточенного в бескомпромиссных тюремных дискуссиях пропагандистского мастерства.

В. И. Ленин, в юности с жадностью впитывавший рассказы народовольцев «о приемах революционной борьбы, о методах конспирации, об условиях тюремного сидения, о сношениях оттуда»*, будучи главой Советского правительства, выразил заботу о том, чтобы память о борьбе узников Шлиссельбурга жила «в каждом рабочем клубе»**.

Этот завет выполнен только отчасти.

«Нет тюрьмы, — справедливо писал шлиссельбуржец В. Н. Левтонов, — нет царского каторжного застенка, молва о котором была бы так же широко распространена и у нас, и за границей, как о Шлиссельбурге.

И вместе с этим — нет другой царской тюрьмы, исторические изучения и беллетристические и мемуарные описания которой так резко заканчивались бы на предпоследнем периоде ее существования, как это имеет место в отношении Шлиссельбурга»***.

* «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., 1956, стр. 23.

** «Правда», 21 мая 1927 г.

*** ЦГАОР СССР, ф. 533, оп. I, ед. хр. 231, л. I.

С тех пор как в 1930 году были написаны эти слова, многое сделано в изучении исполненной героического величия борьбы узников «последнего Шлиссельбурга». Можно назвать капитальные главы пятого тома «Истории царской тюрьмы», написанные М. И. Гернетом и Ю. И. Кораблевым, воспоминания В. А. Симоновича и Н. М. Ростова, документальные повести А. Я. Бруштейн и А. И. Вересова.

Но книги, которая объединила бы разбросанные в периодических изданиях первых лет Советской власти воспоминания политкаторжан-шлиссельбуржцев, извлекла бы их дневники, записи, письма из государственных архивохранилищ и библиотек, наконец, предоставила бы свои страницы ветеранам, не успевшим рассказать в 20-х годах или начале 30-х годов о мятежной шлис-сельбургской каторге, пока не существовало.

Такая книга издается впервые. В ней участвуют и представители «старой партийной гвардии», громадным авторитетом которой всегда гордился В. И. Ленин (Г. К. Орджоникидзе, Ф. И. Петров, Д. А. Трилиссер, И. К. Гамбург), и рядовые великой ленинской партии (рабочие-боевики Р. М. Семенчиков, Л. Н. Рубинштейн, А. К. Кукобин, Ф. А. Шавишвили), и, наконец, революционеры, пришедшие в крепость не большевиками, но именно здесь, в шлиссельбургском «университете в кандалах», испытавшие благотворное влияние идей ленинизма, в будущем активные защитники завоеваний власти Советов и участники социалистического строительства (В. О. Лихтенштадт, И. П. Вороницын, Г. М. Муравин, В. Ф. Гончаров, Н. М. Ростов, Виктор Колосовский, И. С. Мельников).

Многие герои «нового Шлиссельбурга» ушли из жизни до того, как для них наступила пора мемуаров. На фронтах гражданской войны пали Владимир Лихтенштадт, Борис Жадановский, Иустин Жук, Павлин Виноградов... В середине 30-х годов внимание к воспоминаниям о царской каторге и ссылке было признано идеологически вредным. Это было и странное, и горькое заблуждение... Несколько лет спустя безвременно погибли М. А. Трилиссер, М. В. Сафонов, М. Д. Закгейм и многие другие.

Тем дороже для нас то, что удалось собрать.

На страницах дневников и воспоминаний, составляю-

щих эту книгу, оживает правда о борьбе против царизма в «последнем Шлиссельбурге».

Авторы этой книги — люди разной судьбы, разной силы характеров, а нередко и разных убеждений. Можно было бы сказать, что книга создавалась более полувека: И. К. Гамбург писал свои воспоминания после XXII съезда КПСС, потаенные же письма Романа Семенчикова относятся к 1907—1909 гг., когда он сидел в одиночке народовольческого корпуса...

В книге собраны произведения самых разных жанров: от лирического стихотворения до своеобразных исследований (к последним, в частности, приближаются воспоминания Д. А. Трилиссера).

Несмотря на все эти различия, у книги как бы единый автор и один герой. Все воспоминания и документы одинаково доносят до нас взволнованный голос участников «движения самих масс», во всех и всяческих российских тюрьмах, острогах и крепостях продолжавших свою революционную борьбу.

Читатель заметит, что книга не свободна от некоторых повторов. Они сохранены сознательно. В мемуарах, создававшихся независимо друг от друга, повторы могут служить особо прочным свидетельством достоверности.

Общим для всех мемуаристов является, например, высокое уважение к традициям борьбы народовольческого Шлиссельбурга. Авторы книги вспомнили едва ли не всех своих предшественников с «Острова мертвых», но в первую очередь народовольцев. И дело здесь не только в том, что богатыри «Народной воли» завоевали для следующего поколения шлиссельбуржцев право на чтение и производительный труд, — право, равное жизни. Это внимание было вызвано также необходимостью преодолеть обаятельное впечатление, производимое в прошлом «героями террора»*.

Все документы, собранные в книге о шлиссельбургской каторге, объединяет и то, что они характеризуют нравственное величие революционеров, возглавивших всенародную борьбу с самовластьем.

Шлиссельбургский централ был оборудованным по всем правилам «романовско-щегловитовской юстиции»

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180—181.

средством мести народу за революцию 1905 года. С прекрасной, мужественной сдержанностью рассказывают письма, дневники и воспоминания узников о каторжном режиме. Немногие слова о «срезанных углах одиночек» народовольческого корпуса, о «тридцатисуточных карцерах», несотвратимо угрожавших ревматизмом и туберкулезом, об «уроках ношения кандалов» приобретают такую силу воздействия, рядом с которой меркнет самая совершенная литературная выразительность. Они способны удовлетворить и взыскательного исследователя. Профессор М. Н. Гернет в том месте своей широко известной «Истории царской тюрьмы», где речь идет о главной особенности шлиссельбургского режима в период между двумя революциями, цитирует воспоминания бывшего узника крепости В. Н. Левтонова: «Нагайка и плети не свистели в Шлиссельбурге, зубы не сыпались из каторжанских челюстей, и кровь не текла из их носов под кулаками администрации. Но на карцерах, на удлинении кандалного срока, на систематических переводах из камеры в камеру, из корпуса в корпус, на моральных унижениях, на целом ряде с виду мелких лишений — игра велась очень хитро и подло, доводя многих до тихой незаметной смерти, а других до какой-то жути, от которой хотелось самому как угодно, но разорвать эту липкую паутину тюремной законности или добиться перевода в другую тюрьму» *.

Письма Романа Семенчикова (С. Захарова) показывают, чего стоила политическим узникам царизма борьба с приступами отчаяния, порождавшимися изуверским режимом центра.

Какой же запас воли и моральных сил был нужен, чтобы победить не только самых изощренных в России тюремщиков, но и подкрадывавшуюся собственную слабость!

Авангардом, «дрожжами» борьбы шлиссельбургских политкаторжан против тюремщиков были большевики. Об этом дружно свидетельствуют все мемуаристы, независимо от того, к какой партии они принадлежали до заточения в крепость.

Большевики-шлиссельбуржцы показали себя в цар-

* М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Изд-во «Юридич. лит-ра». М., 1963, т. 5, стр. 143—144.

ском застенке не только носителями самой революционной политической идеологии и тактики, но и выразителями особо плодотворных человеческих взаимоотношений.

С 1912 года история шлиссельбургской каторги неразрывно связана с именем верного ленинца Г. К. Орджоникидзе. Из разысканий М. Н. Гернета и З. Г. Орджоникидзе мы довольно подробно знаем об обстоятельствах его ареста, о причинах заточения его именно в Шлиссельбургскую крепость, о том непререкаемом авторитете, который Серго завоевал своим неукротимым гемпераментом, постоянной готовностью прийти на помощь товарищу в борьбе против тюремных церберов. Известно было также, что благодаря Серго через большевиков — депутатов Думы с помощью подкупленного стражника на острове получали важнейшие ленинские документы. Но только в этой книге в воспоминаниях В. Ф. Гончарова приводится полный текст письма, отправленного Г. К. Орджоникидзе из Шлиссельбурга своим товарищам по партии. Письмо заканчивалось строками, в которых автор говорил о себе в третьем лице: «Серго просит Вас послать привет Ульянову по адресу: Paris, Marie Rose, 4. Его осудили на три года. Охранка очень интересовалась, бывал ли он за границей. Серго на допросах валял кавказского дурака и говорил: „Был“. На уточняющий вопрос, где именно, отвечал одно: „В Москве“» (см. стр. 193).

Партия всегда уделяла большое внимание судьбе плененных царизмом революционеров. Находившиеся в подполье партийные организации устраивали дерзкие побеги из тюрем и с каторги, создавали нелегальные группы помощи политкаторжанам, использовали право запроса в Думе, чтобы раскрыть правду об ужасах царских каторжных централов.

Письмо Г. К. Орджоникидзе помогло большевистским депутатам наладить со шлиссельбуржцами прочную связь, которая с тех пор не прерывалась вплоть до падения «русской Бастилии». И. К. Гамбург и Г. М. Муравин рассказали и о другой связи шлиссельбуржцев с ЦК ленинской партии, которая осуществлялась тайной перепиской через Лондон с «сестрой» И. К. Гамбурга Марией Сергеевной Шапир (Кузнецовой), коммунисткой с 1914 года.

Тюремный дневник В. О. Лихтенштадта показывает, какую роль сыграл Г. К. Орджоникидзе в его переходе с позиций «эстетического индивидуализма» к признанию величия ленинских идей.

Да только ли одного Владимира Лихтенштадта!

Дело в том, что значительную часть политзаключенных составляла, говоря словами И. П. Вороницына, «случайная масса, которая во время отлива (революции. — Ю. М.) заполнила ряды экспроприаторов и героев мелкого террора, стоявших почти на грани с уголовщиной...» *. Среди них было немало чистых душ и сумбурных голов, тех, о которых в большевистской среде говорили: «просветленный путаник». Верные ленинскому требованию никогда не отождествлять рядовых членов мелкобуржуазных партий с их оппортунистическим руководством, большевики-шлиссельбуржцы вели самоотверженную борьбу за этих людей, многие из которых именно в тюрьме стали на позиции научного коммунизма.

Ветераны ленинской партии и их товарищи по камерам «последнего Шлиссельбурга» своими письмами, дневниками и воспоминаниями восстанавливают царившую и среди большевиков-шлиссельбуржцев обстановку предельной искренности, подлинного братства, о которой с большой силой художественной выразительности писал В. И. Ленин: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки...» **.

Собранные в книге материалы воссоздают страницы истории каторжного центра как летопись побед плененных революционеров над царскими тюремщиками. Сначала это были совсем скромные завоевания, например, библиотекарь получал возможность непосредственного общения с читателями в камерах; потом удавалось отпраздновать — пусть с последующим разгулом карцерных репрессий — Первое мая. Героический общетюремный протест 1912 года вырвал у тюремщиков отказ от применения в крепости розог, а в годы предфевральской революционной обстановки уже «многое, — свидетельствует Н. М. Ростов, — в нашем быте показывало нам, что худшее позади».

* И. П. Вороницын. Из мрака каторги. Харків, 1922, стр. 51.

** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 123.

Боевое товарищество, неотторжимое ощущение единства своей борьбы с новым революционным подъемом на воле доставляли глубочайшее удовлетворение, которое политкаторжане проносят через всю жизнь.

Книгу заканчивают мемуары И. С. Мельникова («Последние дни Шлиссельбургской каторги»), нашедшего впечатляющие слова о «полете Красного знамени» над поверженной «русской Бастилией», узники которой уходили к свободной жизни и к новой борьбе не на жизнь, а на смерть.

Читатель познакомится с воспоминаниями И. К. Гамбурга, В. Я. Ильмаса, Виктора Колосовского, А. К. Кукобина, Г. М. Муравина, Ф. А. Шавишвили, написанными специально для сборника «На каторжном острове». Письма Р. М. Семенчикова, дневники Л. Н. Рубинштейна и В. О. Лихтенштадта, воспоминания Д. А. Трилессера и В. Ф. Гончарова извлечены из архивохранилищ или переданы родными бывших политкаторжан и никогда прежде не публиковались. Фрагменты из мемуаров И. П. Вороницына, Н. М. Ростова и из дневника Р. М. Семенчикова хотя и были напечатаны в прошлом, но уже давно стали библиографической редкостью.

При подготовке сборника к изданию особенное внимание уделялось выяснению возможных документальных подтверждений мемуаров. Большую часть воспоминаний удалось подвергнуть проверке на достоверность. Комментарии позволяют читателю судить о приемах такой проверки.

Книга существенно расширит наши представления о людях «нового Шлиссельбурга», о специфических формах борьбы в тюрьме, о триумфальном шествии ленинских идей даже по ту сторону крепостных стен острова.

В ходе подготовки сборника к печати удалось обнаружить и вовсе неизвестные до сих пор сведения о связи мятежной каторги с волей.

Есть в книге воспоминаний Ф. Н. Петрова «65 лет в рядах ленинской партии» глава, которая называется «Спасибо вам, умные книги...», о прочитанном в камерах Шлиссельбурга. Запоминаются страницы, посвященные чтению в тюрьме работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В тюрьму эта книга была переда-

Бывшие узники Шлиссельбурга в день посещения крепости Орешек. Справа налево: В. Я. Ильмас, И. К. Гамбург, Ф. Н. Петров. Крайний слева — Н. И. Пьяных (сын И. И. Пьяных).

Сентябрь 1959 г.

на через руководимую матерью В. О. Лихтенштадта нелегальную группу, на протяжении многих лет помогавшую шлиссельбуржцам. До недавнего времени о деятельности этой группы мы знали очень мало: М. Н. Гернет посвятил ей всего четыре строчки. В 1963 году единственная из здравствующих участниц «Группы помощи политкаторжанам Шлиссельбурга» А. Я. Бруштейн опубликовала документальную автобиографическую повесть «Цветы Шлиссельбурга», в которой рассказала о деятель-

ной подпольной работе группы. А. Я. Бруштейн писала, что больше всего о М. Л. Лихтенштадт и ее соратниках знал казначей группы, в советское время библиограф Публичной библиотеки в Ленинграде, Яков Максимович Каплан, которого писательница давно потеряла из виду.

Розыски, связанные с подготовкой сборника к печати, показали, что, по-видимому не позднее 1927 года, Я. М. Каплан написал воспоминания «Работа по обслуживанию „нового Шлиссельбурга”», лаконизм которых вполне возмещается существенными фактическими подробностями. Мемуары Я. М. Каплана и подтверждающие их документальные данные с несомненностью устанавливают прямую причастность довольно широкого круга демократической интеллигенции к материальной поддержке политзаключенных «последнего Шлиссельбурга»: К. С. Станиславский, О. Л. Книппер-Чехова и В. И. Качалов передали «Группе» чистый сбор с двух спектаклей Московского художественного театра, средства периодически поступали также от известного музыканта А. И. Зилоти, артистов П. М. Садовского и Н. Н. Ходотова, художников Е. Е. Лансере, А. Н. Бенуа, В. А. Серова и Б. М. Кустодиева, Н. П. Богданова-Бельского и П. И. Геллера. Не следует, разумеется, преувеличивать размеры этой помощи. Значительные передачи тюремное начальство принимало всего два-три раза в год. Несомненно, однако, что перед нами примечательная страница не только истории Шлиссельбурга, но и летописи демократической русской культуры.

Примеры подобных маленьких открытий можно было бы умножить.

Но эти вступительные заметки — не исследование, а только приглашение к чтению книги, эпиграфом к которой могли бы послужить слова, рожденные на земле Ленинграда:

«Никто не забыт и ничто не забыто».

Порядок размещения материалов, включенных в сборник, определяется хронологической последовательностью описываемых событий. Исключения сделаны лишь для открывающих книгу стихотворения Г. К. Орд-жопикидзе и воспоминаний Ф. П. Петрова, которые определяют ее идейный и эмоциональный строй.

Комментарии помимо кратких сведений о каждом из авторов. содержат необходимые пояснения и уточнения. Пропуски, вызванные отклонениями от шлиссельбургской темы в текстах воспоминаний, отмечены многоточиями.

В заключение о том, что хотелось бы сказать с самого начала. О сердечной благодарности всем, оказавшим помощь в работе над книгой: ветеранам революционного движения, бывшим узникам Шлиссельбурга И. К. Гамбургу, Г. М. Муравину, В. Я. Ильмасу, вложившим много сердца во все, связанное с подготовкой сборника к изданию; М. С. Кузнецовой, сообщившей важные сведения о связях «каторжного острова» с волей; А. Я. Бруштейн, А. М. Глузман, А. И. Вересову, передавшим ценнейшие документы о В. О. Лихтенштадте; родным и близким бывших узников Шлиссельбургского централа Л. А. Юрчевской, В. Р. Канатчиковой, Е. С. Гончаровой, М. А. Левтоновой и Н. Ф. Яницкому, поделившимся своими личными воспоминаниями и материалами из семейных архивов, а также сотрудникам архивохранилищ и музеев, фонды которых использованы в сборнике.

Г. К. Орджоникидзе в тюрьме.
1912 г.

Г. К. Орджоникидзе

* * *

Друг, мужайся! День настанет!
В алом блеске солнце встанет!
Синей бурей море грянет,
Волны песней загудят!
Будет весел многоводный
Пир широкий, пир свободный,
Он сметет грозой народной
Наш гранитный каземат.
Мы расскажем миру тайны
Долгих лет и долгих мук,
Вспомнишь ты, сосед случайный,
Наш условный, тихий стук —
Стук приветный, стук ответный,
Голос азбуки заветной¹,
Голос камня: тук... тук... тук!
Голос друга: «Здравствуй, друг!»

Ф. Н. Петров.

Ф. Н. Петров

В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

...Когда объявили приговор¹, мы хотели проститься друг с другом, но стража нас быстро увела в разные места заключения.

В 10-м павильоне Варшавской крепости я пробыл еще две недели, а затем попал в пересыльную тюрьму. Здесь у меня забрали собственную одежду, а выдали серое белье из мешковины, арестантские брюки и бушлат. Затем наступил самый тяжелый момент: вошел тюремщик-кузнец, вслед за ним внесли наковальню и тяжелые, двенадцатифунтовые, кандалы. Тюремщик бесцеремонно схватил меня за ногу, примерил несколько раз кольца к ноге, выбрал наиболее тесные и сжимающие ногу кандалы и стал их заклепывать. Закованного в кандалы, меня отвели в этапную камеру.

Вскоре я был отправлен в специальном арестантском вагоне в Петербургскую пересыльную тюрьму, а оттуда — в Шлиссельбургскую крепость.

...Семь лет и три месяца пришлось мне пробыть в Шлиссельбурге. Четыре месяца находился в корпусе для «новичков»². Около тринадцати месяцев (как дополнительное наказание за мои протесты против произвола тюремщиков) отсидел в «тюремной тюрьме» — карцере³. Остальные семьдесят месяцев большей частью прошли в одиночной камере № 26. Номер одиночки считался также номером заключенного в ней узника. «Не шуми, двадцать шестой!», «Выходи, двадцать шестой!» — покрикивали на меня надзиратели.

Никакими особенностями камера не отличалась. Как обычно, маленькое окно с решеткой, койка, параша и нечто вроде стола. Но все же хочется о ней рассказать: у камеры своя история.

Многие из нас, узников Шлиссельбургской крепости, знали фамилии заключенных, которые ранее находились в их камерах. До меня в камере № 26 долгие годы был заточен известный революционер 80-х годов прошлого века Николай Александрович Морозов⁴. Двадцать один год просидел он здесь, осужденный по делу «Народной воли», и только революция 1905 года освободила его из тюрьмы. Я встретился с Н. А. Морозовым впервые в 20-е годы, когда он был директором Ленинградского научно-исследовательского института имени Лесгафта. Это был талантливый человек, с чистой, прекрасной душой, очаровательный собеседник. Он рассказывал много интересного не только из области естествознания, но и литературы, искусства и других отраслей культуры.

— А помните тюремную библиотеку, которую мы вам оставили? Она была очень хорошей, — задумчиво говорил Николай Александрович. — Ведь мы ее создавали годами и с большим трудом...

Действительно, библиотека была хорошая. В ней имелись книги по вопросам философии, экономики, истории, географии, много художественной литературы, большое количество учебников иностранных языков⁵.

Не зная, будет ли он когда-либо на свободе, Николай Александрович трудился и в тюрьме, недосыпал ночей, писал книги, чтобы помочь людям подняться выше, увеличить их власть над силами природы. В ка-

мере № 26 в основном написаны его труды «Периодические системы строения вещества» и «Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего». Н. А. Морозов теоретически предсказал существование инертных элементов, высказал новое для того времени мнение о сложном строении атома, выдвинул идею о возможности разложения атомов, синтеза элементов и о возможности использования внутриатомной энергии.

В Шлиссельбурге он начал заниматься астрономией, чтобы помочь человеку проникать в космос.

Н. А. Морозов умер в 1946 году, в возрасте 92 лет, и похоронен в своих родных ярославских местах, в селении Борок⁶. Пять величавых берез стоят над могилой славного сына русского народа, замечательного человека, революционера и ученого...

Возвращаясь в свою наполненную морозовской романтикой камеру.

Как ни изолированы мы были в Шлиссельбургской крепости, все же разными нелегальными путями до нас доходили вести с воли о происходящих событиях. Перестукиваясь из камеры в камеру, мы обменивались мнениями по самым различным вопросам, даже таким, как причины поражения революции 1905—1907 годов. Прислонившись к стенке, часами стучишь соседу, высказываешь ему свои думы, мысли. После окрика надзирателя стук прекращается, а потом снова слышишь: тук... тук...

Вот раздается стук соседа слева. Это М. А. Трилиссер⁷. Одно время он был председателем временного бюро военных и боевых организаций большевистской партии. Восемнадцати лет, в 1901 году, он стал профессиональным революционером. Сосед сообщает, что состоялся V съезд партии⁸, и заключает: «В новой революции мы победим».

Спустя ряд лет я встретился с М. А. Трилиссером в Сибири, в партизанских отрядах, которые вели борьбу с белогвардейцами. С 1921 года М. А. Трилиссер работал в Москве, в ЦК партии, затем заместителем председателя ВЧК—ОГПУ.

Одновременно с М. А. Трилиссером в Шлиссельбургской крепости находился его брат Д. А. Трилиссер⁹, член большевистской партии с 1902 года. После

Октябрьской революции Д. А. Трилиссер был секретарем Петроградского губисполкома, а в дальнейшем — на партийно-хозяйственной работе. Большой любитель поэзии, он собирал стихи, которые писали в тюрьмах политические узники.

М. А. Трилиссер.
(Публикуется впервые.)

В его собрании было одно и мое стихотворение, сочиненное в камере № 26. В канун Нового года товарищ через тюремную стенку простучал мне поздравление. Свою ответную «новогоднюю телеграмму» я решил изложить стихами. Помню последний куплет. Он, прямо скажем, не блещет ни литературными достоинствами, ни глубиной содержания. Но присущая многим нам, узникам-шлиссельбуржцам, непоколебимая вера в близкую революцию выражена в нем отчетливо:

Пусть же будет идущий к нам год
Уж не годом царящих цепей.
В этот год пусть восстанет народ,
И пусть сбросит он власть богачей!

Большой радостью для меня была неожиданная встреча с Борисом Петровичем Жадановским¹⁰. Случилось так, что в одно и то же время его вели из тюремной больницы в камеру, а меня — из камеры в карцер. Маленький, худощавый Борис Жадановский радостно бросился ко мне. Несмотря на окрики надзирателей, мы крепко обнялись и успели сказать, кто в какой камере сидит. Оказалось, что его камера была соседней с моей, или, вернее, под моей, этажом ниже. Вскоре мы начали на нашем каторжном языке, путем перестукивания, вспоминать прошлое и беседовать о будущем. Я был чрезвычайно рад, что Борис Жадановский, несмотря на ранение правого легкого навылет, не заболел туберкулезом (обычная болезнь в Шлиссельбурге).

Поручик Б. П. Жадановский.
1905 г.

Б. П. Жадановский много работал над повышением своего образования. Он занимался иностранными языками, математикой, механикой, химией, физикой.

Борис Петрович принадлежал к числу тех заключенных, которые не позволяли унижать своего человеческого достоинства, держали себя гордо и независимо, за что неоднократно подвергались заключению в карцер. Часто приходилось слышать, как надзиратели избивали Жадановского, возмущавшегося дикими тюремными порядками. В знак солидарности с товарищем мы, соседи по камерам, на-

чинали стучать в двери чем попало, и надзиратели торопились увести Жадановского в карцер.

Однажды после карцера Б. П. Жадановский попал в тюремную больницу, где (также после карцера) находился и я. Два дня мы провели рядом.

Борис Петрович погиб в период гражданской войны, сражаясь с гайдамацко-петлюровскими бандами за победу Советской власти.

На одной из очередных пятнадцатиминутных прогулок я познакомился с новым политзаключенным. Произошло это так. «Новичок», смуглый, энергичный сын Кавказа, не умел носить кандалы. Цепи то и дело били его по ногам. Я решил преподать ему урок ношения кандалов, поделиться своим опытом, чтобы не было у него на голених таких рубцов, какие остались у меня на всю жизнь.

— Откуда вы все это знаете? — лукаво спросил меня «новичок», когда я сообщил, как можно при помощи кусочка мыла снимать на ночь кандалы.

— Пять лет носим эти регалии, — постарался также шутливым тоном ответить я.

— Большевик? — спросил далее «новичок».

— Большевик, — ответил я и добавил: — Петров.

— Ну, а я Орджоникидзе, он же Гусейнов, он же Серго, — отрекомендовался «новичок», используя «официальные сведения» из обвинительного заключения.

При очередной нашей встрече Г. К. Орджоникидзе рассказал о Пражской конференции, о новых работах Владимира Ильича, в частности о его знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Орджоникидзе сообщил, что революционные настроения среди рабочих нарастают и подпольная большевистская работа не только не заглохла, а достигла огромных размеров, в стране растет забастовочное движение.

Все это было для меня большой новостью и радостью. Я почувствовал, как повеяло ветром свободы. Под впечатлением того, что рассказал Серго, я даже написал стихотворение «Песнь свободе».

Вскоре, кажется через политзаключенного В. О. Лихтенштадта¹¹, который имел хорошую связь с волей¹², нам удалось получить «Материализм и эмпириокритицизм». Для того чтобы обмануть бдительность тюремной администрации, ленинская книга была сброшюрована с каким-то исследованием, прославлявшим православие и самодержавие.

Ленинская книга явилась целым этапом в нашем философском развитии. Но об этом позже.

* * *

Не могу не рассказать, как мы, политические каторжане, праздновали Первое мая в казематах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы.

От привезенного к нам в Шлиссельбург Серго Орджоникидзе все политические заключенные знали о Пражской конференции, о твердой ленинской большевистской линии этой конференции. Каторга чувствовала подъем революционного движения во всей стране, и прежде всего среди рабочих масс. В письмах с воли между строк все чаще и чаще симпатическими чернилами сообщалось о забастовках, о росте большевистских организаций, о массовках и демонстрациях.

У политкаторжан явилось сильное желание отпраздновать очередной Первомайский день. Наш 3-й, так назы-

ваемый народовольческий, одиночный корпус принял это решение первым и через тайник в бане запиской сообщил о нем в другие корпуса. Влияние политических в Шлиссельбурге было значительно и на уголовных, и на так называемых «аграрников», беспартийных крестьян — участников восстаний 1905—1907 годов в деревнях.

Еще до утренней поверки в окна камер появились матерчатые лоскуты разных цветов, так как не у всех нашлись красные платки. А затем во всех камерах корпуса загремели «Марсельеза», «Смело, товарищи, в ногу!» и другие революционные песни. Раздались свистки надзирателей, военный караул защелкал затворами, по коридорам забегали тюремщики. Но корпус и все его камеры все больше наполнялись звуками боевых революционных песен.

На требование начальника каторги Зимберга прекратить пение и убрать флаги каторга ответила еще более мощным пением и возгласами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует Первое мая!»

Сотни заключенных-уголовников присоединились к этому празднованию Первого мая и стойко перенесли вместе с политическими и последующее пребывание в карцерах, так называемых «мешках» Шлиссельбурга.

Что собой представляли эти карцеры, в которых мне пришлось просидеть за семь лет 378 дней? Очень давно, в период царствования Петра I, в стенах Шлиссельбургской крепости были сделаны камеры для хранения запасов пороха, снарядов. Вот в этих-то подземельях царское правительство и устроило карцеры.

Заключенные часто выступали с требованиями вежливого обращения, предоставления права переписки, права выписки книг. Администрация тюрьмы обычно отказывалась выполнять эти требования. Тогда заключенные объявляли голодовку.

Лично мне пришлось голодать несколько раз по 10 суток и больше. После голодовки нас обычно сажали в карцер на 30 суток. Лежишь в этом «мешке» и слышишь где-то за стеной плеск Ладожского озера, а на голову капает вода. Горячую пищу давали через три дня на четвертый, а в обычные дни — паек хлеба 600 граммов и литровую кружку воды в сутки. Расскажу об одном случае, когда я находился в карцере подряд почти 50 суток.

Я принадлежал к числу лиц, протестовавших против диких тюремных порядков. Однажды к нам в шлиссельбургскую каторгу приехал инспектор Главного тюремного управления.

Войдя в камеру, Лучинский¹³ (имевший на груди университетский значок) обратился ко мне в грубой форме, на «ты». Я ответил ему:

— Господин Лучинский, я с вами на брудершафт не шел и поэтому прошу меня не «тыкать».

Тогда он стал топтать ногами и кричать, что я должен забыть, кем я раньше был, что я только заключенный номер 26 и он не обязан каторжанам говорить «вы».

На это я ему ответил:

— Могу только удивляться, как человек с университетским образованием может превратиться в такого изверга, забывшего все человеческое, который думает только о том, как бы ему более ярко выступить в роли палача.

Зимберг, начальник Шлиссельбургской крепости, услышав это, быстро захлопнул дверь и увел генерала в другую камеру.

Через несколько часов явился заместитель начальника каторги и объявил, что состоялось решение подвергнуть меня телесному наказанию — 100 ударам розгами. Я ответил, что это удастся сделать только тогда, когда я буду мертвым. (У меня в камере был спрятан отточенный кусочек железа в виде ножика, и я твердо решил вскрыть себе вены.) Примерно через час явился доктор Эйхгольц (единственный гуманный врач в Шлиссельбурге за все годы моего пребывания там), который заявил, что он прислан администрацией освидетельствовать меня, могу ли я перенести телесное наказание.

Я ему ответил:

— Освидетельствовать себя не дам и подвергать себя телесному наказанию не позволю.

Он взволнованно сказал, что сейчас же составит акт о моем тяжелом сердечном заболевании (а я действительно в это время страдал тяжелыми формами сердечных припадков) и категорически выскажется против применения телесных наказаний.

Решительный протест врача и боязнь администрации крепости, что в случае моей смерти может последовать неприятное для Лучинского расследование, привели

к тому, что решение о наказании розгами было отменено. Как я позже узнал, об издевательствах, которым подвергала меня администрация тюрьмы, стало известно в Государственной думе и там был сделан запрос царскому правительству¹⁴. О том, что тюремное начальство творит со мной, было рассказано в письмах заключенного Лихтенштадта (он имел возможность переписываться и даже получал свидания со своей матерью).

И вот телесное наказание мне заменили двумя порциями пребывания в темном карцере. Помню, первые 30 суток я вынес довольно стойко. После 30 суток меня вывели на 15 минут на прогулку, и, выйдя на свет, я только несколько минут чувствовал головокружение, а потом бодро зашагал по кругу. Через 15 минут меня вновь препроводили для отсидки второй порции шестидесятисуточного карцера.

Обеспокоенный моим состоянием, доктор Эйхгольц на 40-е сутки моего пребывания в карцере потребовал медицинского осмотра. Администрация не могла отказать в этом. Я был вызван в амбулаторию, но идти уже почти не мог. Шатаясь, добрал до приемного пункта, а там сел на скамью, напряг всю свою волю и довольно бодрым голосом заявил доктору Эйхгольцу, что я ни на что не жалуюсь.

Осмотрев меня, он дал заключение, что я должен быть немедленно помещен в тюремную больницу.

Но администрация с его заключением не согласилась, и меня вновь отправили в карцер, где я еще просидел 10 суток. На 50-й день я оказался на больничной койке. У меня была высокая температура, суставы распухли, вставать я не мог, — словом, все явления острой формы ревматизма. Да и понятно: 50 суток я пролежал на сыром цементном полу.

Но мой организм, когда-то, как говорили, могучий, перенес эту тяжелую форму ревматизма, хотя остались осложнения на сердце.

В этой больнице я написал несколько очерков.

На каторге мы создали два рукописных журнала, один из которых был сатирико-юмористический и носил название «Параша» (так назывался выносной ушат в камерах), а названия другого уже не помню. В журналах были помещены и мои произведения. Три из них сохранились у меня.

«Наброски с натуры» — так я называл свои очерки. В одном из них рассказывалось о тюремной больнице Шлиссельбурга, о варварском обращении с больными (я был свидетелем того, как в палате № 2 творилось черное дело — умерщвление каторжан).

Я описывал наступление раннего утра в больничной палате. Пять коек заняты туберкулезными больными. Они помещены сюда в самом тяжелом, безнадежном состоянии. Дни их сочтены. Только один из них находится в лучшем состоянии, чем остальные. В палате невыносимо холодно, и больные не могут согреться. Несмотря на безнадежное положение больных, они в кандалах, а один даже и в наручниках.

Тюремный врач не пользуется предоставленным ему правом снимать оковы с тяжело больных арестантов. Один из заключенных попал в больницу после тридцатидневного пребывания в карцере, где начался его смертельный недуг — скоротечная чахотка.

Центральной фигурой моего очерка являлся бессрочный каторжанин, участник восстания саперов в Киеве поручик Жданов. Читавшие очерк догадывались, что этой фамилией назван общий любимец всей каторги Жадановский, о котором я уже рассказывал.

Другой очерк назывался «Врач Шергунд» — о типичном карьеристе, которого не интересует его профессия, которому нужны только чины и деньги.

Мои товарищи, прочитавшие очерк, знали, кого я изобразил под этой фамилией. Они сами испытали на себе холодное, бессердечное, грубое отношение врача Шермана и других.

Очерки были, конечно, грустными по содержанию, так как описывали нашу тяжелую жизнь. Но были в них образы, подобные Жданову, которые призывали к борьбе с тюремным режимом, к сопротивлению, показывали силу духа и решимость революционеров-большевиков.

* * *

Одиночка есть одиночка. Перестукивания, редкие и случайные встречи с товарищами — все это лишь словно звезды на ночном небе тюремного одиночества. Единственным постоянным соседом, другом, собеседником, наставником и оппонентом была книга.

Много хороших слов о книге сказано. Ее благодарят великие писатели и мыслители, прославленные полководцы и музыканты, всемирно известные живописцы и политические деятели, ученые всех отраслей знаний. Ее горячо благодарят сотни миллионов людей.

Присоединяю к ним свой голос и я:

— Спасибо вам, умные книги. Как хорошо, что вы есть на свете!

...На четвертый месяц заточения в крепости мне разрешили читать многие книги. За время пребывания в тюрьме я прочел около семисот книг, примерно две-три книги в неделю. Невозможно, конечно, по памяти восстановить их наименования. А из десятка тетрадей тюремных «дневников», куда я заносил выдержки из прочитанных книг, уцелели только две. Воспользуюсь их помощью.

В увезенных мною из Шлиссельбурга в ссылку тетрадях упоминаются классики русской и западноевропейской художественной литературы — Пушкин, Тургенев, Байрон, Гете. Произведения Л. Толстого, не говоря уж о произведениях революционных демократов, не пользовались «доверием» у тюремного начальства. Эти книги были, как правило, «одеты» в чужие обложки. Сочинения А. И. Герцена, например, скрывались в переплете книг И. С. Тургенева. Разумеется, делать какие-либо записи в тетради из произведений «запрещенных» писателей и мыслителей было бы неразумно.

Просматриваю пожелтевшие от времени страницы «тюремного дневника» и думаю: отбирал я книги для чтения не всегда с достаточной строгостью, не только лучшим достижениям разума уделялось время. Вот на одной из страниц упоминается «История новой философии» К. Фишера¹⁵.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что не всем читателям моих воспоминаний известно это имя. Конечно, тот, кто тщательно изучал ленинские «Философские тетради», знает, что Владимир Ильич не оставил без внимания шеститомное сочинение этого немецкого буржуазного историка философии.

Куно Фишер, отметил В. И. Ленин, излагает гегелевские «темные места» очень плохо, не указывает читателю на то, как искать ключ к трудным переходам, оттенкам, переливам гегелевских абстрактных понятий¹⁶.

Едко высмеял Ильич гегельянско-фишерские абстрактные мудрствования. «Эти части работы, — писал он, — заслуживают названия: лучшее средство для получения головной боли!»¹⁷

С этим «средством для получения головной боли» мне и пришлось познакомиться в одиночке. Должен сказать, что, читая сочинения Куно Фишера о Гегеле, я, как и многие другие, склонен был ругать свою голову, а не «темные места» гегельянства.

И вот после книги Фишера в мои руки попадает «Материализм и эмпириокритицизм».

Можно прямо сказать, язык, стиль этой книги (не говоря уже о содержании) отличаются от произведений так называемой немецкой классической философии больше, чем небо от земли.

Все восхищало меня в ленинской книге: и ясность мысли, и глубочайший анализ явлений, и беспредельные по размаху и точности обобщения.

Что такое материя? Сколько тысячелетий философы употребляли этот термин, и только В. И. Ленин дал полное раскрытие его сути.

Существует ли истина? Веками шел об этом спор, и, казалось, не будет ему конца. В. И. Ленин разъяснил и эту сложнейшую проблему.

Может ли материя отражать действительность, мыслить? Такой вопрос идеалисты всегда выдвигали как броню против атак материалистов. В. И. Ленин выбил из рук идеалистов их любимый щит. Может, ответил Ильич, и подтвердил это неопровержимыми доводами.

Когда я закончил читать «Материализм и эмпириокритицизм», то испытывал такое чувство, словно не осталось больше ни одного мало-мальски важного философского вопроса, который не получил бы обстоятельный, всесторонне аргументированный ответ.

Казалось, что для правды, объективной действительности, отраженной в ленинском труде, не существует ни тюремных стен, ни границ.

...Листаю дальше свою шлиссельбургскую тетрадь, пронумерованную и скрепленную тюремной печатью. С трудом разбираю запись (надзиратели, уничтожая крамолу, постирали многие слова и строки). В записи речь идет о книге А. И. Чупрова¹⁸. Мало кто сейчас интересуется его экономическими трудами. И сожалеть по

Ф. Н. Петров в ссылке.
1915 г.

этому поводу, видимо, не стоит. В целом работы А. И. Чупрова большой научной ценности не представляют. В них много эклектики, буржуазно-либеральных и прямо реакционных рассуждений. Но в конце прошлого века исследования русского экономиста Чупрова были довольно популярны. Их знал даже Карл Маркс. Больше того, обосновывая роль транспорта и средств связи как отраслей народного хозяйства, он использовал высказывания из книги А. Чупрова «Железнодорожное хозяйство»¹⁹.

Этот факт прежде всего рисует гениальность основоположника научного коммунизма, умевшего искать и находить жемчужные зерна под скорлупой идеалистических напластований самых различных представителей буржуазной науки. С другой стороны, этот факт показывает, что и в слабеньких книгах есть порой весьма ценные мысли и факты. Сколько бы вы книг по тому или иному предмету ни прочитали, никогда не вредно познакомиться еще с одной.

Упоминается в моих тетрадях и такая книга, как «Популярная астрономия». Написал ее в 70-е годы прошлого века французский астроном К. Фламмарион²⁰. Какими достоинствами обладала эта книга? Она популярно и увлекательно рассказывала о Вселенной. Ее могли читать и действительно читали даже малограмотные люди. Не знаю, удалось ли Фламмариону открыть какую-либо новую звезду. Но книга его замечательна. Вместе с Рахметовым, Павлом Власовым, Катюшей Масловой, Фаустом незримо жил в моей камере и Фламмарион, уносил мою мечту на крыльях книги в далекие и неизведанные миры космоса...

Ильич говорил: чтобы стать коммунистом, надо обогатить свою память всеми теми знаниями, которые выра-

ботало человечество²¹. В достижении этой цели важнейшее место принадлежит книге. «Книга, — писал А. И. Герцен, — это духовное завещание одного поколения другому... Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге; племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством...»²².

Многому научила меня книга. Научила она меня и английскому языку.

В тюремной библиотеке не было словарей с такой транскрипцией, как сейчас. Поэтому мое произношение английских слов в большинстве случаев было плохим. Но читать я мог довольно свободно. И добился этого благодаря книге. Человек, который знает лишь один язык, не представляет даже, сколько духовных ценностей ему недоступно.

* * *

Несколько слов осталось мне сказать, чтобы закончить шлиссельбургские воспоминания.

В августе 1914 года мы узнали о начале мировой империалистической войны. Среди политзаключенных пошла с новой силой дискуссия, споры. Большевики-шлиссельбуржцы всецело поддерживали ленинскую оценку характера войны и лозунг превращения империалистической войны в гражданскую.

...Но вот срок моего пребывания на каторге окончен. В январе 1915 года меня перевозят на катере с острова в город Шлиссельбург, затем под конвоем трех солдат — в Петербург (переименованный тогда уже в Петроград), чтобы оттуда отправить по этапу в ссылку, в далекую Сибирь.

Д. А. Трилиссер.
(Публикуется впервые.)

Д. А. Трилиссер

«НОВЫЙ ШЛИССЕЛЬБУРГ»

Новая история Шлиссельбургской крепости открывается... поспешным ремонтом старых корпусов; вывозом в далекие сибирские тюрьмы... старых революционеров, сидевших в ней: Гершуни¹, Карповича², Сазонова³, Сикорского⁴, Мельникова⁵. Воздвигается новый — кроме трех, ранее бывших, — громадный 4-й корпус. Отныне крепость заселяется уже не в качестве исключительно политической тюрьмы, а и в качестве одного из многих массовых российских каторжных централов, через которые проходили сотни политических и уголовных.

Пионерами «нового Шлиссельбурга» были герои-севастопольцы⁶: И. П. Вороницын⁷, Антон Конуп⁸, Штрикунов⁹, Письменчук¹⁰ и другие, а затем пришли и герои Кронштадтского восстания¹¹.

А за ними потянулись из различных углов царской России всё новые и новые борцы за освобождение пролетариата и крестьянства, которые принесли с собой на этот «Остров мертвых» свою революционную бодрость и надежду на торжество своих классовых идеалов. Это сильно помогало преодолевать нечеловеческие условия каторжного режима острова.

...Политический состав заключенных в крепости был удивительно пестрый: эсеры, меньшевики, большевики, анархисты-индивидуалисты, анархисты-коммунисты¹² и т. д. и т. д. Такая же пестрота была и по национальностям.

Суровые, сырые клетки крепости, однообразное и плохое питание сильно подкашивали здоровье, в особенности страдали южане-каторжане. Последние быстро заболели чахоткой и медленно сгорали.

Заключенные одиночек 4-го корпуса часто по утрам наблюдали, как небрежно надзиратели волокли наскоро сколоченные гробы, бросали их в лодку и уплывали в город. Трудно передать то чувство, которое овладевало... при виде этих картин...

Товарищи занимались физкультурой (в почете среди нас была система Мюллера¹³), закаляли себя, обливаясь холодной водой; зимой стали выбегать на прогулку и работу в бушлатах.

Мысли о воле и о подпольной революционной работе никогда не покидали доподлинных революционеров «нового Шлиссельбурга». На организацию связи с волей... было положено много труда, смекалки и изобретательства. Дело связи с волей было поставлено так конспиративно, что об этом знали только несколько человек. Берегли эту связь, берегли людей, которые нас связывали с волей, с товарищами по революционной работе.

Связь с волей помогала следить за ростом реакции после революции 1905 года и за подъемом революционного движения. Стаечная борьба вызывала у нас на прогулках живой обмен мнениями, марксисты глубоко анализировали этот подъем, связывали его с исключительным значением, которое имела революция 1905 года, и делали вывод, что все обостряющаяся классовая борьба должна привести к открытым боям рабочего класса, к революции. Волновали отрывочные сведения о Думе. Споры о думской деятельности революционных

фракций и их попутчиков на прогулках и в общих камерах носили иногда резкий характер. Но никогда политические споры не ослабляли среди политических каторжан товарищеских отношений, спайки и готовности помочь друг другу, отстоять друг друга.

У революционного актива «нового Шлиссельбурга» сведения с воли вызывали жажду серьезно заняться вопросами политэкономии, историей рабочего движения за границей и у нас, историей вообще, социологией, философией, а многих интересовали и вопросы военного искусства. Среди небольшой группы товарищей овладение военным искусством, вопрос о значении военных сил во время революции считались важными, и делалось все, чтобы добыть книги по интересующему вопросу.

...Тюремная библиотека была относительно неплохая, но все книги проходили через особую цензуру, которая тщательно оберегала нас от революционной «заразы».

Заклученные и сами приобретали для себя книги, если имели деньги, а библиотека пополнялась исключительно вниманием матери Владимира Лихтенштадта.

Книги сильно объединяли людей, культурно воспитывали, обогащали знаниями, помогали готовить кадры для революционной работы.

Физически оторванные от всего мира, закованные по рукам и ногам, заключенные стремились создать свой особый духовный мир, свою общественную жизнь, которая так много помогала в борьбе с тюремной администрацией, с упадочническими настроениями, с преодолением нудности серых дней, похожих один на другой, и это на протяжении долгих лет.

В общих камерах, помимо совместных занятий, чтений, бесед, лекций, общественная жизнь выливалась в форму камерных коммун, где выписанные продукты делились в равных долях членами коммуны. Это сплачивало друг с другом и помогало поддерживать физически слабых товарищей...

Такая камерная коммуна служила также и той боевой организацией, которая дружно восставала в борьбе с тюремной администрацией, когда это назревало. Тюремная же администрация всячески старалась помешать

образованию таких коммун, вырывала наиболее авторитетных товарищей путем перевода их в другие камеры других корпусов.

Большую роль в организации этих коммун сыграл Владимир Лихтенштадт. Всюду, куда перебрасывали его, он вносил идеи коммуны, бодрости, жажды знания. В этой работе он был, конечно, не одинок.

Владимир Лихтенштадт был исключительно одаренной личностью, с сильной революционной волей, непреклонный, всегда готовый к протесту за малейшую обиду, нанесенную кому-либо из нас тюремными церберами. Товарищи Лихтенштадта, в какую бы камеру он ни попадал, как-то незаметно окружались атмосферой внимания и особой нежности. Самоотверженная натура Владимира никогда не была спокойна. Почти всегда он разделял наказания тех товарищей, в защиту которых выступал.

Начитанный, образованный, он старался свои знания передать другим. Он всегда с кем-нибудь занимался, но одновременно работал и над собой.

Беседы с товарищами, книги, революционные события, гром которых доносился из-за тюремных стен, идеологически перевооружили Владимира Лихтенштадта, — он стал марксистом.

Нельзя не упомянуть и о другой светлой героической личности — о Борисе Жадановском. Мы всегда поражались, откуда в этом маленьком, хрупком теле такая сила воли, столько упорства, стойкости, выдержки и смелости. Борис и Владимир были два друга, и оба одинаково любимые всеми каторжанами...

Эти два друга были исключительно преданы товарищам по крепости и готовы были в любую минуту оказать помощь, поддержку.

Оба остались революционерами, оба героически и славно погибли, защищая завоевания Октябрьской революции.

Крепость к тому времени была достаточно насыщена непримиримыми, идейно твердыми революционерами, которые сосредоточили силы своей воли и интеллекта на духовном росте своем и окружающих товарищей, на том, чтобы сохранить свой революционный облик и физические силы для грядущих боев¹⁴.

...Большую помощь оказывал так называемый под-

Вид общей камеры „Зверинца“.

польный Красный крест. Заключение с большой благодарностью относились к помощи Красного креста. Помощь Красного креста состояла в снабжении литературой тюремной библиотеки, в переводе денег немущим товарищам от не существовавших порой родственников, общей передаче продуктов для всей тюрьмы, так как только для политзаключенных передачи не разрешались, а в крепости было больше уголовных, чем политиков¹⁵. Это требовало больших средств. Поэтому передачи бывали редки — раза два в году.

Обслуживанием Шлиссельбургской крепости руководила мать Владимира Лихтенштадта, которая целиком отдавала нам свои силы, свою любовь, свое внимание.

Два раза в году все мы чувствовали праздничное настроение... на рождество и на пасху. Не праздники, разумеется, сами по себе волновали политических заключенных, а то, что напоминало об этих днях.

В эти дни все заключенные крепости получали с воли индивидуально каждому приготовленные передачи, и это трогало, об этом говорили, так как в этом проявлялась связь с волей, забота о нас, любовь...

Потом вновь наступали серые будни, нервное напряжение, готовность к борьбе и защите своей личности.

...Крепость была разделена на четыре самостоятельных корпуса со своей особой, специфической жизнью и режимом.

Вот 1-й корпус, так называемый «Зверинец», переделанный из петровских казарм. Сплошные от пола до потолка железные решетки, благодаря которым вся жизнь заключенных была на виду у надзирателей, прогуливавшихся по узкому коридору своего отделения. В 1-м корпусе находились исключительно уголовные, которые работали вместе; большой процент среди них составляли «инородцы», которые не знали русского языка. Случайно попадали в 1-й корпус и политические. Народ здесь был специфический, тупой, безграмотный, обезличенный...

Вот 2-й корпус, переделанный из цитадели. Это постройка в виде отдельного средневекового замка со рвами, подъемным мостом, каналом вокруг стен. Характерно, что старые русские акты так ее и называют — «Секретный замок». А внутри «Секретного замка» помещался «Секретный дом», известный позже под именем «Старой тюрьмы», которую заключенные-народовольцы называли «Сараем».

...Этот «Сарай» в 1908 году перестраивается в двухэтажное здание на 12 камер. Не случайно корпус этот был назван «Сахалином»; здесь обычно сидели штрафные, непокорные тюремные «бузотеры». Корпус этот был почти полностью населен политкаторжанами, которые активно участвовали во всех выступлениях против тюремной администрации, не подчинялись ее требованиям. Тут режим был тяжелый, подбор надзирателей особый. Жили в этом корпусе в исключительном напряжении, так как малейшие провинности приводили к лишению книг, переписки и прогулок. Но зато здесь была прекрасная товарищеская спайка, исключительная солидарность.

Режим был настолько тяжелый, что не раз возникали мысли о побеге.

...Попытка бегства была сделана в пасхальную ночь 1914 года из камеры № 10 верхнего этажа. Побег был неудачным, а двое заключенных — К. Аксенов и Е. Демидов¹⁶, которые взяли на себя все последствия побега, скоро умерли от побоев в темных карцерах.

3-й корпус состоял исключительно из одиночек; но во

4-й корпус Шлиссельбургской крепости.

многих камерах сидели по два человека. Тут сидели Лихтенштадт... Жадановский, Сперанский¹⁷ и Аронович¹⁸, последние двое были высечены за протест Сперанского во время посещения крепости начальником Главного тюремного управления Курловым¹⁹. Здесь же был убит надзирателем Потаповым Краснобродский²⁰, который стоял у окна и кормил голубей. Так и свалился с куском хлеба в руках на пол своей камеры.

Корпус был исключительный по составу заключенных; сидел тут народ авторитетный, крепкий, находившийся на особом счету у начальства. Если в других корпусах тюремщики с легкостью прибегали к репрессиям и издевательствам — открыто, грубо, не стесняясь, то в 3-м корпусе осторожничали, изощрялись в тонкостях...

А вот 4-й корпус, законченный в 1911 году, построенный на месте бывших кухни и манежа; одно время корпус служил местом ожидания казни привозимых сюда революционеров. Корпус этот был рассчитан на 600 человек. Помимо общих камер, было 28 одиночных, и в этом же корпусе были мастерская, камера для свиданий, канцелярия и кабинет начальника. Вначале режим этого корпуса был мягче, чем в других, а потом, по мере заселения его, стал меняться. В этом корпусе была специальная камера — 19-я, которая... служила местом для

изоляции всех доносчиков — «легалых» и тюремных предателей. Все они были, конечно, уголовные, готовые на всякую гадость, на предательство. С политическими каторжанами уголовные каторжане не церемонились и убивали их.

Во всех общих камерах, где сидели политические, взаимоотношения между заключенными были другими, чем в остальных камерах: они были насыщены чуткостью, готовностью костью лечь, защищая друга, духовной и культурной отшлифовкой малоразвитых товарищей, материальной помощью неимущим, бережным отношением к больным товарищам. Члены коммуны камеры отказывались от выписки предметов первой необходимости, лишь бы приобрести нужные для больного продукты — молоко, белый хлеб и масло. Такие же товарищеские взаимоотношения были и в одиночках... Тут заранее, перед выпиской продуктов (это разрешалось два раза в месяц и не больше чем на 2 руб. 10 коп. в раз), давали список тому или иному товарищу с точным указанием, что он должен выписать и передать... Поистине по-братски жили и делились между собой. В общих камерах, где сидело по 20—25 человек, лишь немногие имели деньги на выписку продуктов. Но не имевшие денег никогда не чувствовали себя обойденными или обделенными теми... за счет которых делались выписки продуктов, — все шло в общий котел.

Так сложились взаимоотношения между каторжанами, так сложились и организационные формы камерных коммун, которые всегда служили сильной опорой в любом протесте против тюремной администрации...

Нужно быть каторжанином, чтобы понять то настроение, то чувство, которое переживал каждый из нас, когда над тюрьмой нависала угроза [очередной расправы с заключенными]. В таких случаях камерные коммуны играли главную роль в организации отпора, в налаживании связи с другими камерами и другими корпусами.

Тюремная администрация прекрасно понимала, какое значение имели коммуны камер, и всегда старалась их разбить путем перебрасывания товарищей в другие корпуса, камеры и одиночки.

Непрерывная, повседневная, напряженная борьба велась внутри крепости между ставленниками царизма и

Камеры 4-го корпуса.
Февраль 1917 г.

капитала, вооруженными с ног до головы, и их классовыми врагами, революционерами всех мастей — политкаторжанами, закованными по рукам и ногам, физически оторванными от своего рабочего класса, но духовно тесно связанными с ним.

...В конце 1911 — начале 1912 года стали распространяться слухи, что в одиночную камеру к каждому политзаключенному поселят из «сучьей камеры»²¹. Тюремное начальство прекрасно понимало, какое впечатление это произведет на нас и какие переживания вызовет. На одной из прогулок одиночек 4-го корпуса было решено выразить протест, подкрепив его соответствующими действиями: не выходить на прогулку, не брать пищу из рук «сучьей команды». Лишиться 20-минутной прогулки один раз в день для нас... ставка была не из малых. Этот протест не был поддержан двумя уважаемыми нашими товарищами — бессрочником по делу севастопольского восстания Канторовичем²² и старым марксистом Клинке-Лалаянцем...²³ Для нас поведение этих товарищей было большее, чем издевательства тюрем-

ной администрации. Наш протест привел к тому, что мы были разбросаны по общим камерам тюремных корпусов.

Тюремная администрация все делала, чтобы дать нам почувствовать, что мы обезличены, что мы каторжане и что с нами могут сделать все, что захотят. Так вела себя вся тюремная администрация сверху донизу, от нее не отставал и медицинский персонал²⁴.

Отношение к больным было варварским. Нередко можно было слышать от тюремного врача (политзаключенные только в редких случаях обращались к нему): «Что, котлеток с белым хлебом захотели?»

Но все это только часть общей системы издевательств над заключенными в Шлиссельбургской крепости.

Вздумала как-то тюремная администрация навести порядок в тюрьме и искоренить всякое упоминание в тюремной литературе о революции и социализме. Вспомнили о словаре Павленкова. Собрали словари у заключенных. Мудрое начальство, вооружившись ножами и ножницами, стало искоренять дух крамолы, вырезая все, что напоминало об этом, и в таком виде словари возвращались заключенным²⁵. Товарищ Энгельгардт²⁶, молодой политзаключенный, больной, с которого даже тюремное начальство раньше времени сняло кандалы, решил выразить свое возмущение, свой протест. Когда ему вернули израненный словарь, он заявил старшему надзирателю, что в таком варварском состоянии словарь не примет, и велел передать словарь начальнику как подарок от него. Через несколько часов Энгельгардт был вызван в контору, и его вновь заковали со словами: «А это тебе подарок от начальника».

Товарищ Энгельгардт не выдержал тюремной жизни и умер после общего протеста 1912 года. Умерли в крепости многие заключенные, которые не выдержали тюремного режима и сырого климата. Умерших чуть свет выносили из крепости, бросали в лодку и увозили в уездный город Шлиссельбург.

Заключенные часто прибегали к различным выражениям протеста; в исключительных случаях, когда терпеть было уже невозможно, прибегали и к голодовкам.

К голодовке шлиссельбургские политзаключенные прибегли во второй половине 1912 года, когда издева-

тельства тюремной администрации перешли всякие границы и стала применяться порка.

На протесты заключенных администрация обычно отвечала переводом из одной камеры в другую, из корпуса в корпус, в другую тюрьму и заключением в карцер на месяц и больше²⁷.

Из карцера заключенные выходили разбитыми, больными, полуживыми, некоторые из них умирали.

Над всеми заключенными, помимо мелких повседневных придинок администрации, висел еще, как дамоклов меч, пункт тюремного устава о праве тюремной администрации прибегнуть к телесному наказанию²⁸. Это держало заключенных в постоянном тяжелом напряжении.

Наряду с остальными приемами издевательств над заключенными, начиная от частых внезапных обысков, когда заключенного, абсолютно голого, держали на асфальтовом полу коридора и грязными, грубыми руками щупали голое тело, и заглядывали во все отверстия, и до холодного карцера, лишения свиданий и переписки с близкими, перевода из камеры в камеру, — прием телесного наказания был таким издевательством над личностью заключенного, что многие не выдерживали сознания возможного телесного надругательства над ними и в виде протеста кончали с собой, некоторые сходили с ума, а в лучшем случае морально и физически становились инвалидами.

Так жили изо дня в день политзаключенные Шлиссельбургской крепости, собранные со всех углов царской России, люди различных политических взглядов, но бесстрашно отдававшие свои молодые силы на борьбу с царизмом, за победу революционных идеалов пролетариата и крестьянства.

Л. Н. Рубинштейн.
1958 г.

Л. Н. Рубинштейн

ДНЕВНИК КАТОРЖАНИНА

1907 год

10 февраля. Приехал сегодня¹. Поместили в 9-ю камеру...

31 марта. Узнал, что в старом корпусе уже пятый день голодают.

4 апреля. У Секриера² был паралич.

12 апреля. Вынули двойные рамы.

18 апреля. Перевели Эрнеста³ и Скуя⁴ сюда. Сидят в 35-й камере.

21 апреля. В час ночи получили пасху и многое другое.

22—24 апреля. Был болен, лежал.

27 апреля. Начали работать на огороде.

28 апреля. Перешел ко мне Фельдман⁵.

1 мая. Праздновали 1-е Мая⁶.

16 мая. Болен, лежу.

23 мая. Был тут прокурор, зашел только к некоторым.

27 мая. Конец освещения.

29 мая. Фельдман перешел в другую, 11-ю камеру.

1 июня. Появились «шведы» (вроде майских жуков).

3 июня. Разгон Думы⁷.

14 июня. Узнал, что Карпович⁸ удрал. 29-го был губернатор, обошел все камеры. Я был на дворе и не видел его.

15—23 июня. Был болен и лежал. Был у меня Зингис⁹.

9 июля. Начало электрического освещения.

13 июля. Сильно заболел. Температура 38,7. Ночью в половине двенадцатого встал с кровати и упал в обморок. Товарищи слышали шум и подняли тревогу. Прибежал доктор, дал мне морфий.

14, 15 и 16 июля. Доктор приходил 2 раза в день. Сильные боли в груди и спине, внутренностях.

23 июля. Краснобродского и Цедзинского¹⁰ силой унесли в башню, мы подняли сильную тревогу. Увели еще Ф. Калашникова¹¹, связанного. Гуляем теперь только по часу и не больше семи человек сразу.

10 сентября. Выпал первый снег. Вставили двойные рамы.

11 сентября. Не топят — печь испорчена. Страшно холодно. Принесли нам полушубки.

1 октября. Имел свидание с сестрой.

2 октября. Сильно беспокоюсь — все нет известий из дому.

4 октября. Получил телеграмму от мамы, что все здоровы.

21 октября. Перешел ко мне Шмидеберг¹².

Ночь с 26 на 27 октября. Были в 39-й камере, поправляют замки.

27 октября. Шмидеберг перешел в 21-ю камеру.

30 октября. Перешел ко мне Эрнест.

12 декабря. Был здесь вице-губернатор Мирбах.

17 декабря. Расковали Эрнеста и Скуя.

21 декабря. Объявили нам новые инструкции по

стрельбе, изданные министром юстиции Щегловитовым¹³: не стрелять в воздух холостыми зарядами, а прямо прицеливаясь, в следующих случаях: а) при бунте между заключенными, при неповиновении администрации, б) при сопротивлении приказам надзирателей и прочей сволочи, в) бегстве, г) оскорблении и нападении на постового, д) когда будут ломать окна, передадут что-нибудь через окна, будут переговариваться через окна, то наружный надзиратель должен предупредить, а затем стрелять. О неподчинении должно быть немедленно доложено старшей администрации, и она должна приказать, после увещаний, стрелять. Если же старших нет, то и младшие чины могут употреблять холодное и огнестрельное оружие. После стрельбы начальник должен немедленно составить протокол.

31 декабря. Ожидаем Новый год. Мазин¹⁴ пел «Варшавянку». Вечером на поверке был начальник со всем штатом. Мы не сделали никаких заявлений.

1908 год

1 января. Все, кроме одного, пели. Было выпущено воззвание в память 9 января.

2 января. Был обыск с конвойными. У всех, которые пели, отобрали все, кроме съестных продуктов. Лишили их на месяц выписки, переписки, книг, тетрадей, табаку и т. д. К концу дня пришел к нам начальник. Зашел с листком в руках, спрашивает: «Вы пели вчера?» Эрнест ответил, что не пели, так как не были на прогулке, но выразил полную солидарность с товарищами и сказал, что если бы был на прогулке, то наверное пел бы. У нас делали обыск довольно строгий, забрали все книги. Забрали все наши исписанные бумаги с английскими упражнениями, все палки, чернила, перья и т. д. Увели в карцер 5 человек: Цедзинского, Симоненко¹⁵, Сметанникова¹⁶, Паслова, Маклакова¹⁷. Весь день мы пели. Написали воззвание к товарищам с предложением бороться. Конупа тоже увели в карцер.

3 января. Сильные репрессии. Теперь дают нам только одну прогулку в день по шести человек. Прогулка наша опять с пением «Марсельезы». Мы решили бороться. Были на первой прогулке после обеда (Вороницын,

Эрнест, я, Марк¹⁸, Кириллов¹⁹, Дронов²⁰). Здорово пели. Вообще все сегодня хорошо держатся, кроме нескольких, которые не вышли на прогулку. Узнал, что у Канторовича не было даже обыска.

4 января. Усиленный обыск. Разгромили почти все камеры. Забрали все, кроме тюфяков, одеял, хлеба, сахара, чая, соли и лекарств. Наложили карцерное положение...

5 января. Проснулись от шума и пения. Сперанский и Аронович получили обвинительные акты. Обвиняют их по 1404, 279 и другим статьям. Суд будет через несколько дней. Вывезли из Питера несколько адвокатов. Приедет Земмель. У Захарова был начальник и сказал, что наше дело передано губернатору и прокурору и что он только может хлопотать при хорошем нашем поведении об отмене наложенного наказания. Ну его к черту. Был прокурор. Молодов²¹ и Дронов его выгнали, и мы устроили ему убийственный концерт, от которого он и удра-
рал.

6 января. Нет больше махорки — беда. Сволочи штрейкбрехеры берут опять пищу.

7 января. Приехал к Эрнесту следователь по делу о нападении на Рижскую тюрьму. Варили вечером в камере чай. Адвокатов все еще нет.

8 января. Принесли утром для кипятка глиняные кружки, [мы] не приняли и подняли страшный шум. Начальник уступил и прислал нам чайники. Получили кипяток и горячую пищу. Получил от Циомы²² немного табаку. Циома сделал какое-то предложение о дальнейшей тактике; вызвало горячие возражения и провалилось. Объяснили Сперанскому и Ароновичу, что их завтра переведут в другой корпус и что 10 января будет здесь же суд. Фельдшер не принес лекарства. Устроили шум и выругали помощника. В 9 часов вечера получили лекарства.

9 января. Встретили день с пением похоронного марша. Получили от Письменчука по 10 папирос, к вечеру ничего не осталось. Держали речи. Обсуждался вопрос о ванне и белье... В 3 часа увели Сперанского и Ароновича. Многие ходили в ванную с той половины, но с нашей половины не ходили, так как вся наша половина (16 человек кроме Зингиса, которого мы не считаем) решила не ходить. Вечером варили чай. Скучно, ути-
хают. Охрипли все.

10 января. Страшно угнетающее впечатление производит сознание, что сегодня суд. Наверное, будут смертные приговоры. Пели, но слабо. Скуя ходил утром в ванную. После обеда приходили сюда в корпус судьи и адвокаты. Встретили их свистом и криками. Утром и вечером варили чай, камера была полна дымом. В половине девятого вечера привели Сперанского и Ароновича...

Приговорили Сперанского к 17 годам и 7 месяцам, Ароновича — к 11 годам каторги, включая срок наказания по старому делу, так что прибавили приблизительно по 9 лет. Судьи, прокурор и адвокаты очень сочувственно отнеслись к нашему бунту.

11 января. Спал ночь очень плохо. Встал в 11 часов. Получил опять салициловый натр. Аронович рассказал новости, некоторые весьма интересные. Был помощник. Объявил нам, что начальник назначил целый месяц карцерного положения. Лишены всего. Просили кое-что, не дает. Обсудили вопрос о дальнейшей тактике, решили пока еще держаться старой. Нет табаку — беда.

12 января. Получили кипяток и горячую пищу. Играл с Жадановским партию в шахматы. Скучно и весело... Ф. Калашников облил старшего надзирателя водой (сидит в 28-й камере). Вызвало тревогу у многих.

13 января. Сегодня ровно два года со дня моего ареста. Трехлетие избиения в Риге²³. Один год со дня приезда сюда Вороницына, Канторовича, Генкина²⁴, Жадановского, Гершковича²⁵ и Киршенштейна²⁶. Болен. Всю ночь не спал. Сильные боли в груди и сильное сердцебиение. Эрнест, Вороницын, Жадановский, Письменчук и я взяли белье (мы в ванной не были).

14 января. Киршенштейн, Прудкой²⁷ и Штрикунов пошли стирать белье. Варили чай.. Получили полотенце, мыло, гребешки. Был начальник и показал нам «Тюремный вестник» 1901 года, в котором сказано, что начальник имеет право наказывать нас 30 днями карцера. Это неправда, и мы его высмеяли. В 8 часов вечера пришел вахмистр Власов привязать к окну веревку. Эрнест просил у него табаку хоть на одну папироску, а он отвечает: «Что вы, что вы, лучше голову снимите, но не могу». Я спрашиваю: «Да почему, разве служба?» — «Да, — говорит, — присяга». Получили наволочки и простыни. Мыли голову и верхнюю половину тела мылом и холодной водой.

15 января. Сволочи Киршенштейн, Прудкой опять ходили стирать белье²⁸. После обеда опять пошли. Говорили о ванной и решили ходить, но мы — Эрнест, Романов²⁹, Шарапа³⁰, Циома, Шмидеберг и я — не пойдем. Мазин пошел в ванную демонстративно с пением «Марсельезы».

16 января. Получили кипяток и горячую пищу. Получили от Шмидеберга табак, бумагу и несколько спичек; от Циомы — стальную пуговицу, дали ему немного табаку. Приготовили смурку и порошок для добывания огня. Нет больше сахара — не беда. 2 часа ночи — прохвост старший (новый) устроил у Жадановского скандал. Эрнест начал бить двери, Вороницын — ругать; старший грозил стрелять. Со мной сделался сильный припадок, был фельдшер. Продолжалось до пяти часов утра. Бедный Эрнест страшно тревожился и всю ночь просидел у меня. Вечером в 9 часов я, Вороницын и Скуя выбили волчки³¹.

17 января. Получили от Шмидеберга табак, книги и спички. Эрнест держал табак у себя, ходил на парашу и табак упал туда — беда. Вынули, промыли, высушили, и опять хорошо. День рождения Мазина. Вороницын написал в честь его стихотворение и прочел³². Канторович читал реферат. Был у меня фельдшер.

18 января. Снова фельдшер. Эрнест был в ванной... Пошел в ванную и вернулся обратно с пением. Лежал. Захаров читал реферат — еще не кончил. Возражал Генкин...

19 января. Был в ванной, принес кипяток и кусок доски. Вышел у меня скандал со старшим. Старший делал обыск у «Тамары» (Ароновича) и отобрал две спички. Захаров читал продолжение — еще не окончил. Реферат вызвал сильные нападки и насмешки. Канторович читал реферат о выборах в Австрии — нам не слышно было. Генкин читал тоже реферат о милитаризме.

20 января. Встретили поверку пением. Получили кипяток, чай и горячую пищу. Беда с огнем, нет нитки. Генкин с разрешения Захарова читал возражение на неоконченный реферат Захарова и разбил его в пух и прах. Захаров здорово осрамился с его опровержением тезисов Генкина, которые суть тезисы социал-демократии: 1) современный милитаризм есть средство

для расширения владений и приобретения колоний; 2) милитаризм является оплотом буржуазных классов против революционных элементов. Спутал понятия о государстве и правительстве, что вызвало возражения... со стороны Марголина³³. Захаров старался выбраться... своими старыми приемами, но забыл, что его реферат слушали 50 человек, и поэтому еще больше запутался и осрамился. Не могли заснуть — в 3 часа ночи начали играть в шахматы. Романов предложил смотреть на рефераты как на средство для нарушения тишины и предложил не спорить и не ссориться, что вызвало бурный протест Канторовича.

21 января. Подписал повестку на пять рублей. Варили чай. После шести и во время проверки подняли убийственный шум. Слава тебе, Иисусе: Захаров закончил благополучно свой реферат... Эрнест читал свой реферат по национальному вопросу. Поздно заснули.

22 января. Варили чай. В 2 часа прибили к сломанным волчкам дощечки. Нашли спички. Помощник осмотрел все камеры. Приехал какой-то чиновник. Жадаковский изложил наши претензии. Говорил очень плохо. Эрнест заболел.

23 января. Эрнест болен... Болит у него голова, грудь и горло... Вечером варили чай с касторовым маслом.

24 января. Получили кипяток, чай, сахар и горячую пищу. Захаров опять читал реферат — об Александре II...

25 января. Пошли бриться и достали махорку от Письменчука с большим трудом, так как надзиратель заслонял дверь. Дали то же Вороницыну и Циоме. Варили чай. Старший пригрозил отобрать чайники. 5 часов. Опять Захаров читает реферат о реформах Александра II. Половина второго ночи — ровно 2 года, как меня начали истязать в Митаве³⁴. Не могу вспомнить об этом без дрожи — холодный пот покрывает все тело от одного воспоминания.

26 января. Встал в половине второго и варил чай с касторовым маслом... Вечером получили кипяток и теперь будем получать постоянно. Вчера старший пригрозил отобрать чайники, если мы будем варить в камере, но, как видно, администрация обожглась о наш огонь.

27 января. Получили большой чайник... Ужасная скука, уже 4 часа ночи, а все не можем заснуть... Полу-

чили горячую пищу. Сегодня приходили опять начальник какой-то, офицер и 7—8 надзирателей со старшиной корпуса. Неизвестно, что это означает; может быть, что пороли кого-нибудь из наших товарищей... Скучно. Опять нет махорки и не от кого более достать. Ни у кого нет.

29 января. Пускают в ванную. После обеда получили от Скуя немного махорки. Циома вчера просил начальника, чтобы его перевели в другую камеру, — не может сидеть с Мазиным³⁵. Сегодня его перевели в 22-ю камеру.

30 января. Нет махорки. По-видимому, устраивают контору в доме, где свидания. Туда перенесли мебель и вещи конторы. Шмидеберг утверждает, что кого-то из товарищей пороли — узнал от доктора. Не пускают нас, наказанных, бриться.

31 января. Получили махорку от Скуя, дали через Вороницына и Циома. Узнали, что Маклакова наказали розгами.

1 февраля. Был в ванне. Получил махорку от Шмидеберга и от Скуя, причем произошло у меня столкновение с надзирателем. Махорку дали тоже Вороницыну, Письменчуку и Мазину. Получили горячую пищу.

2 февраля. Мыли и чистили нашу камеру. Шмидеберг сильно болен. Вчера сняли у него кандалы. Захар был сегодня у него. Помощник говорил, что 6-х товарищей из старого корпуса не переведут больше к нам. Странное явление, мы сегодня получили ужин; по-видимому, начальник снял карцерное положение на целые сутки раньше. Посмотрим, что будет.

3 февраля. Пустили нас на прогулку. Получили некоторые вещи. Говорили с помощником... Я получил 21 письмо, Эрнест — 10. Писали ночью письма.

4 февраля. Гуляли. Вызвал врача, не пришел, — он в Питере и только в среду приедет... Делали выписку, получили пока одну книгу.

5 февраля. Получили выписку и книги. Помощник отправил наши письма. У Вороницына было свидание — все передал³⁶. Скуя остриг волосы и бороду. Получили новые сапоги.

6 февраля. Получили новые штаны. Был доктор, прописал лекарства и больничную пищу.

10 февраля. Сегодня год, как я в Шлиссельбурге.

11 февраля. Стирали белье, узнали, что теперь у всех надзирателей браунинги, — вот так сволочи. Что это за публика?!

12 февраля. Был начальник Главного тюремного управления Курлов и вице-губернатор Мирбах. Были тоже у Сперанского и Ароновича, произошел там инцидент...³⁷

15 февраля. Начальник получил приказ от губернатора изъять из нашей тюремной библиотеки весь отдел беллетристики и устроить из этих книг библиотеку для надзирателей.

16 февраля. Старший забрал у нас во время прогулки носки.

17 февраля. Был помощник с новой контрольной книгой и проверил все книги.

21 февраля. Объявили некоторым, чтобы собирались, сейчас их перевезут в новый корпус. Если откажутся, то переведут силой. Пошли Ф. и Д. Калашниковы³⁸, Сперанский и Аронович; Жадановский и я не пошли.

24 февраля. Объявили, что если будем лежать на окнах, то последствия будут очень печальны, так как дано надзирателям приказание стрелять.

1 марта. Мыли камеру, был в ванной. Эрнест перешел в 3-ю камеру — страшно жаль. Не могу перенести это одиночество.

8 марта. Узнали, что Сперанский и Аронович получили по 50 розог каждый по распоряжению Главного тюремного управления. Что делать? Что предпринять? Как реагировать на это бесстыдство?..

15 марта. Прибыл сегодня новый товарищ, Аполлон Кругликов³⁹ из Петропавловской крепости, по делу заговора на царя. Сидит в 18-й камере... Фельдман сильно кричал, у него после карцерного положения открылась чахотка, и теперь он явно галлюцинирует. Вот так проклятая тюрьма, что она делает из людей!

19 марта. Был тут Мирбах. Он был у Захарова и Скуя и с ними беседовал...

20 марта. Был новый врач и прописал лекарства, чувствую себя прескверно.

21 марта. Был опять врач...

22 марта. Сегодня начал принимать мышьяк.

1 апреля. Сегодня узнали, что Цедзинский сошел с ума и что всех там избили сильно.

2 апреля. Был у Эрнеста следователь, обвинил его в нападении на Центральную тюрьму, убийстве двух заключенных. В мае будет суд в Риге⁴⁰.

6 апреля. Эти сволочи и прохвосты отменили у меня больничную пищу. Красивая штука — сам доктор признал 3 дня тому назад, что у меня хронический катар кишек и желудка и маленький катар правого легкого. Сегодня же отменяют всю пищу. О бесстыдство!

7 апреля. С сегодняшнего дня дают опять две прогулки в день.

10 апреля. Были в новой бане: она хороша, ходили по 10 человек...

12 апреля. Получили из Петербурга пасхальную передачу.

16 апреля... Сегодня Романов перешел в уголовный корпус.

19 апреля. Скуя перешел на несколько дней ко мне, — поднимают водопровод, трубы, и всем придется кочевать. Вчера Эрнест поссорился с Захаровым...

30 апреля. Перешел обратно в свою камеру. Был обыск.

1 мая. Все прошло спокойно — не устраивали демонстраций. В мастерских работали — вот и революционеры⁴¹. Сильная буря и дождь.

2 мая. Всю ночь не мог спать, сильно болели зубы. Доктор вырвал мне зуб из верхней челюсти.

6 мая. Был сегодня тут Мирбах и какой-то английский корреспондент. Были они тоже у Захарова (Мирбах постоянно заходит к нему, своему земляку...) Захаров... ни на что не жаловался, казался всем довольным и т. п. Все это, конечно, корреспондент записал. Мирбах обещал Захарову его скоро выслать и даже прямо на поселение... Сперанский, Аронович, Цедзинский и Симоненко опять на карцерном положении.

7 мая. Утром от $\frac{3}{4}$ 9-го до половины 10-го гулял с Краснобродским. Несколько минут после половины 11-го утра раздался сильный выстрел — кровопийца-часовой, находясь на валу, застрелил Краснобродского, который смотрел в окошко. Ад проклятый! Раздался по всему корпусу ужасный треск и шум — все били отчаянно несколько минут в двери, а затем наступила убийственная тишина... Вечером был следователь, и они

ночью чрезвычайно тихо выкрали труп, так что никто и не услышал.

8 мая. Я болен и лежу. Не кушал, не гулял и не был в бане. Нет сил больше переносить всю эту мерзость. Узнали, что Краснобродский жил еще полтора часа, а они, мерзавцы, после того как доктор осмотрел его за 2—3 минуты, заперли дверь и оставили его издыхать, как собаку, без помощи, без всего... Говорят, что он был без сознания, но не верю этим мерзавцам. Пуля попала ему в нос и вылетела ниже левого уха. Мозг не был задет, было кровоизлияние в мозг от пролома черепа при падении. Волчок его камеры был закрыт, ничего нельзя было видеть... Фельдман слышал, что он упал и больше не двигался... Заболел...

10 мая. Сегодня только встал.

11 мая. Получил летнюю одежду.

17 мая. Открыли окна, но двойные рамы не вынули.

19 мая. Прекратили освещение.

24 мая. Идет снег. Шарапа сильно заболел — было у него кровотечение из горла.

25 мая. Перешел к Шарапе, — было опять кровотечение.

27 мая. Прибыли новые.

29 мая. Вернулся в свою камеру. Шарапа поправляется.

31 мая. Появились «шведы».

4 июня. Начали работать во дворе.

6 июня. За то, что мы демонстративно забастовали, нас больше не пускают на работу.

14 июня. Был губернатор со свитой в 10 человек. Обошли все камеры, только не были у Романова.

20 июня. Заболел.

9 июля. Перевели Шмидеберга в корпус № 1...

15 июля. Привезли двух новых, посадили в камеры № 16 и 18.

21 июля. Увеличили прогулку: до обеда один час, после — час с четвертью. Гуляем по 9 человек. Дают свечки.

31 июля. Перевели в камеру № 1 Штрикунова и Прудкого. Привели сюда Лихтенштадта и двух уголовных из 1-й камеры.

1 августа. Привели Письменчука обратно, сидит с Жадановским. Узнали, что новые в камерах № 16 и

18 — начальник и помощник начальника Астраханской тюрьмы, осуждены за убийство политических заключенных. Доктор Петров осужден за принадлежность к Варшавской военной организации социал-демократов.

8 августа. Выдали теплую одежду.

28 августа. Киршенштейн перешел в свою камеру. Узнали, что получены новые правила.

30 августа. Начали работать на дворе — в две смены по 18 человек каждая — до обеда 2 часа и после обеда 2½ часа каждая.

4 сентября. Перешел к Колосовскому.

5 сентября. Стал получать больничную пищу.

7 сентября. Вернулся в свою камеру.

10 сентября. Объявили нам новые правила.

14 сентября. Расковали Секриера.

19 сентября. Расковали Колосовского. Привели сюда из камеры уголовника-татарина.

1 октября. Заболел сильно Шарапа. Было два кровоизлияния. Ночью я потребовал для него доктора. Прибежал начальник, перевели туда Канторовича.

7 октября. Кончился сегодня кандалный срок, но еще не расковали.

16 октября. Прудкой заболел манией преследования; увели его в больницу.

18 октября. Закрыли окна.

21 октября. Увели уголовного татарина и привели опять Прудкого.

24 октября. Отменили больничную пищу. Был у меня доктор — у меня сильное нервное возбуждение и какое-то психическое расстройство.

27 октября. У Друганова⁴² чахотка. Прибыл ответ из Питера, что в его мокроте палочки Коха.

3 ноября. Увезли Прудкого.

10 ноября. Начало действовать электрическое освещение.

15 ноября. Эрнест получил копию обвинительного материала по делу о нападении на Центральную тюрьму.

4 декабря. Перешел ко мне Скуя.

5 декабря. Привели ко мне из 2-го корпуса Яковлева⁴³.

23 декабря... Сделали Вороницыну операцию...

24 декабря. Получил передачу с воли.

1909 год

5 января. Получил из Главного тюремного управления отказ расковать меня и перевести в отряд исправляющихся впредь до полного исправления.

7 января. Был у меня сильный нервный припадок. Из слов доктора могу заключить, что у меня чахотка легких.

30 января. Отменили у меня больничную пищу...

19 февраля. Грюнштейн уехал на процесс в Ригу. Письменчук был у начальника.

25 февраля. Скуя перешел с Кирилловым в 34-ю камеру. Около 24 февраля выслали Зингиса да еще троих в Нерчинскую вольную команду... Скоро вышлют более 30 человек.

10 марта. Сегодня меня расковали. Доктор писал, что необходимо меня расковать, и губернатор разрешил снять кандалы на время болезни.

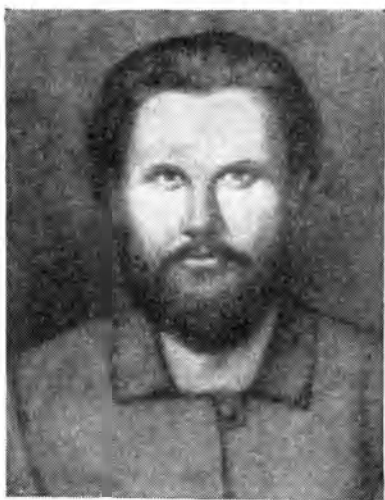
27 марта. Увеличили послеобеденную прогулку на $1\frac{1}{2}$ часа.

9 апреля. Выслали Фельдмана в Питер в больницу, а оттуда пошлют его в Сибирь на поселение. Сегодня я начал работать в столярной мастерской.

14 апреля. Получаю полубелый хлеб.

15 апреля. Открыли у меня окно. Стоят еще холода. Снег идет.

19 мая. Прибыл новый циркуляр министра юстиции, по которому каторжан, хоть раз наказанных, не вышлют в вольную команду и не сделают никаких скидок. Но нас не запугают. Будем бороться⁴⁴.

Р. М. Семенчиков.
1911 г.

Р. М. Семенчиков (С. Захаров)

МОЯ ТЕТРАДЬ

2 февраля 1907 года. Временным военным судом в Риге под председательством генерал-майора Арбузова в мае 1906 года присужден к смертной казни через повешение... По кассационной жалобе приговор отменен Главным военным судом. Вторично судился с 8 по 21 августа 1906 г. 22 августа осужден на 15 лет каторжных работ¹... В Шлиссельбурге помещен в Старую тюрьму в одиночку № 2. Впрочем, этот каземат не одиночка, в нем две кровати. Через пять дней одиночного сидения ко мне перевели товарища из 3-й камеры, Симоненко. Теперь мы живем вдвоем и не особенно скучаем. Удастся иногда увидеть и других товарищей нашего отделения — Циому, Эрнеста, Скую, Молодова и др. Каждый день дают прогулку во дворе на один час. Наш двор очень мал и окружен высокими и толстыми стенами. Здесь кем-то насажены деревья: яблони,

березки, ели, крыжовник и рябина. На дворе еще очень холодно. Гуляем в полушубках и рукавицах. Каждый раз во время прогулок носим дрова, которые сложены у одной из стен. Корпус, где мы помещаемся, невелик, в нем всего лишь один этаж с десятком казематов.

Наша камера для одиночки велика, но для двоих уже маловата, однако жить можно... Единственное окно ее обращено на северо-западную стену. Солнце сюда, кажется, совсем не заходит, впрочем, это еще увидим потом. Убранство ее состоит из стола — железной доски, вделанной в стену, и двух сидений: скамьи и доски, вделанной в стену. Железная цилиндрической формы печь, окрашенная в темно-оранжевый цвет, край для воды, параша, две кровати, мочальная швабра, посуда для чая и кушанья, евангелие и электрическая лампочка. Узенький вход закрывается толстой, обитой железом дверью. В двери волчок со стеклышком для наблюдения и форточка для передачи. В стене проделаны два отверстия — вентиляторы с решетками. Небольшое окно с двойными глухими рамами, дающее мало света и пропускающее много холода.

10 февраля. Сегодня из Смоленска привезли десять забастовщиков²: 6 матросов и 4 вольных, среди них Баканов³ и Рубинштейн.

11 февраля. Сегодня встретился с одним кавказцем, он грузин или армянин, судился за бомбы, приговорен к 15 годам каторги. Интеллигент.

13 февраля. Принесли новый столик и скамейку. Белье стирать отказался весь корпус Старой тюрьмы. Отказались и мы. Сегодня помощник объявил Симоненко, что он в течение месяца лишен всего: выписки, свидания, переписки и курения, а если этого мало, то наденут наручники. Гулял с Эрнестом и Скуей... Хорошо, что Государственная дума будет левая⁴.

15 февраля. Нервы разгулялись отчаянно — не могли уснуть всю ночь. Режим как будто становится мягче. Не знаю, является ли это результатом выборов в Думу или следствием нашего сопротивления жандармскому режиму.

20 февраля. Дни тянутся медленно в своем тяжелом однообразии. Правда, время от времени вспыхивают протесты. Сегодня день созыва Думы. На прогулке по этому поводу много острили...

25 февраля. Моя посылка получена... администрацией. А мне выпало счастье расписаться на повестке и выслушать решение о конфискации книг на основании «временных правил»⁵.

3 марта. Сегодня конфискована посылка Симоненко. Мотивировка та же, что конфискуется на основании «временных правил». Вот чудесные правила! Бедный матрос. Он больше часа катал в поднебесную канцелярию и скрежетал зубами... Что в этом проку. Шлиссельбургская тюрьма существует для того, чтобы калечить людей.

ИЗ ПИСЕМ

5 февраля 1907 г.

В Петербурге вместо пересыльной [тюрьмы] я попал в одиночную, где и пробыл с вечера 22 по 24 января. Это последнее путешествие было одним из самых неприятных. Конвойный офицер велел выбросить книги, тетради, письма и многое другое... Было кое-что и худшее, но лучше не говорить.

Вероятно, в Шлиссельбурге придется оставаться очень долго, не знаю, будет ли он для меня школой или могилой... Режим здесь очень суров. Да и самая тюрьма не навеивает радостных мыслей... Эти высокие крепкие стены и низкие здания крепости... Не знаю, как живут на острове вольные люди. Мне кажется, и им здесь не особенно приятно.

Мои занятия философией остановились. Здесь у меня единственная книга — «Новый завет» да тетрадка для записей. Живу я вдвоем с севастопольским матросом Симоненко, парнем очень живым, отзывчивым, но не особенно развитым. Живем дружно и много болтаем... С нетерпением ждем книг, чтобы хоть с неба свалились (тюремной библиотеки пока нет). В Смоленске начал я разбирать два вида исторического материализма, именно тот, который исходит из общественных отношений (марксизм) и другой — из отношений к природе (эмпириомонизм⁶). Последний меня очень заинтересовал. Пришли мне А. Богданова «Об эмпириомонизме» и, если можно, Л. И. Ортодокс⁷, критикующую

его. Мне кажется, что она не совсем права. Есть еще у Богданова, кажется, «Основные взгляды на природу», тоже интересно познакомиться, как и с этюдами Луначарского⁸, вообще всем по философии, что достать не представляет затруднения...

26 марта 1907 г.

...Только что кончил Декарта⁹ и, признаюсь, в восхищении от его метода. Такого сильного впечатления не производил на меня ни один философ. Жаль, что до сих пор был знаком с ним лишь по отрывкам, иначе не делал бы многих глупостей.

Теперь засяду для изучения эмпириомонизма, идеализма, а может быть, и материализма. Из присланных тобой книг 8 принесены сюда в Старую тюрьму, так что я могу ими пользоваться.

Заниматься философией было бы здесь отлично, если бы не было множества ненужных стеснений. Вот почему, приступая к изучению интересующего предмета, не надеюсь на блестящий успех, хотя искры мыслей то и дело летают в мозгу. Буду очень жалеть, если они потухнут бесплодно.

Иногда чувствую такой подъем духа, что удивляюсь, как эти проклятые стены не упадут под его напором. А иногда поразмыслишь о стенах и решишь, вряд ли что будет, — сколько голов раздавлено ими...

Вот на выставку (художественную)¹⁰ так улетел бы с удовольствием. Как-то двинулась Россиюшка по пути искусства? После таких бурь, как пережитые ею, искусство не должно остаться прежним...

2 апреля 1907 г.

Книги здесь, но пользоваться ими пока не могу. Я совершенно не знал, что все книги, поступающие на имя заключенного, становятся пожертвованием для всех арестантов, на это в правилах о содержании каторжан есть § 14... Относительно газет и журналов имеется в § 12 следующее: «Газеты и др. периодические издания читать не дозволяется...».

Работы существуют здесь лишь хозяйственные: топка печей, стирка белья, раздача пищи и т. п.

В цепях работать весьма неудобно. Относительно здоровья могу сообщить мало утешительного; грудь по-

прежнему, хорошо еще, что не ухудшается, голова тоже не в порядке, но что хуже всего — это общее истощение. Поправиться здесь — нечего и думать... Уж и весна близко... И здесь солнце пригревает, и снег уже тает, только не тают проклятые стены...

20 мая 1907 г.

...Декларации не посылаю¹¹ и не знаю, pošлю ли еще потом. Ведь все равно ничего не выйдет, только лишний раз разбудишь в себе застаревшую злобу. Придется положиться на время.

На свидании, так же как и ты, не успел высказать очень многого, да и неудивительно это, одурел от радости, ибо мало верил в возможность увидеться.

До нас долетают лишь изредка отрывки вестей, а между тем хочется знать все, все... Проклятые стены...

Философию временно оставил по недостатку литературы; взялся за естественную историю. В настоящее время учу ботанику.

Мои огородно-садовые работы пришли к концу, но уход за растениями должен быть в продолжение всего лета, вплоть до уборки. Кроме того, имеется еще работа — мостить двор; мне почему-то и эта работа понравилась: верно, много накопилось у меня желания что-нибудь творить, так как с удовольствием быю камни и выравниваю землю.

Что касается моего внутреннего отношения к окружающему, то оно близко к равнодушию. Испытывал ли ты когда-нибудь чувство одиночества в кругу знакомых лиц? А я испытываю¹²...

...Жизнь у нас течет так тихо, а в последнее время и гладко, что чувствуешь кругом какую-то мертвенность. Впрочем, с радостью сообщаю, что нашел здесь одного даровитого юношу-поэта, очень симпатичного, но очень бедствующего; он — севастополец, не имеет ни родных, ни знакомых¹³.

Разнообразие вносится иногда партийными схватками, правда никогда не выходящими за пределы приличия. Грызутся социал-демократы с анархистами (у с.-д. здесь почти нет теоретиков)¹⁴. Но спор их так надоедает, что теряет весь свой «цимес».

Больше, чем спорами, интересуюсь своими растениями (люблю их, как детей), потому что они положитель-

ны, а споры отрицательны. Здесь сказывается «мужицкий дух».

Цветы и деревья никак не хотят доставить мне большую радость — расцвести. Ох, и бедна наша флора!

Хорошо бы быть теперь в Поволжье, да это только мысленно и может быть осуществимо. Действительность далеко не идеальная, — Шлиссельбургская крепость остается во всей ее объективной несокрушимой цельности, со стенами, цепями и каторжным режимом. А все-таки бывают моменты, когда стучишь камнем о камень и задумываешься, но об этом лучше не говорить. Вероятно, на долгое время придется запастись «первой русской добродетелью»¹⁵, когда вспомнят о нас и выпустят на свободу.

Никак не могу переварить, каким образом могли осудить меня на 15 лет. По 2-й части 102 ст. (по которой меня осудили) должно быть доказано, что мы располагали складами оружия. Но где эти склады — ведают лишь свидетели на суде и никто более, ни судьи, ни защита, ни подсудимые. Интересно знать, как теперь судят? Все так же ли мстят за движение или на основании конкретных деяний?

26 августа 1907 г.

Несть мира в костях моих от
лица борения моего¹⁶.

...У меня проснулось жадное стремление к природе. Хочется броситься в ее дорогие объятия и слиться с нею, как подобало бы человеку вообще.

Уже второй месяц, как прекращены огородные работы. Большая часть растений выросла и дала плоды. С некоторых цветов собрал семена. Беда только с огурцами. Не успеют вырасти в два сантиметра, как кто-нибудь снимет. Так и не удалось увидеть их настоящих плодов.

Прекращение работ меня лично не печалит, даже радует, — больше времени для теоретических занятий (вся тюрьма превратилась в школу, хотя и не особенно хорошо обставленную), а для практических мне достаточно и прогулки. К тому же многие из товарищей по заключению были недовольны нашим привилегированным положением, теперь же мы равные среди равных.

Мой гербарий за лето наполнился более чем полусотней экземпляров шлиссельбургской флоры. Не осталась без исключения и фауна, давшая мне в виде бабочек, жучков, червяков, мух и букашек хороший материал для одного из отделов зоологии.

Благодаря этому зиму встречу без страха взбеситься от скуки. Вот уже третий месяц чувствую себя не в «своей тарелке». Причина чисто личная.

...Вот уже и год, как на каторге. Интересно бросить взгляд на этот период времени. Год этот не был проведен спокойно, особенно его первая половина, однако для расширения моего умственного горизонта он дал очень много. В этот год я вырос в этом отношении, пожалуй, не меньше, чем за предыдущие 10 лет. С удовольствием я констатирую и то, что в голове появился некоторый порядок. Прежде мыслей-то бродило тоже довольно много, да уж очень много хаоса-то там было! Нельзя сказать, что в настоящее время этот хаос совсем рассеялся, нет, но он оттесняется приобретенными дисциплинами куда-то назад. У меня, так сказать, произошла и, что еще лучше, продолжается реакция замещения... Вот с чувствами — так беда: очень сильно на них всевозможные гадости действуют.

Но... быть может, даже пользу извлеку из этого разлада ума и чувства — старшего и младшего братьев. У меня такая уж башка беспокойная, что как только почую разлад хоть малейший, так хочется посмотреть его до конца. Думаешь: «А ну, чем все это кончится?..» И раздуваешь его дальше. Ведь еще так многому надо научиться, чтобы ясно представить себе путаницу в наших головах и ясность, простоту отношений в природе. Иногда мне кажется, что и научиться этому нельзя, а надо переродиться, снова жить и снова страдать. От такой мысли в сердце проникает холод, но кто-то упрямый и сильный говорит: «Ищите и обряцете»... «Не гонись за всем разом, — истины даются по крупицам», — вспоминаются чьи-то слова, если не твои, то не помню чьи. И поймешь тогда убожество величия и величие убожества, т. е. не самих их, а сознания их. Сущность их вряд ли пока кому ясна, ибо еще неизвестны многие и очень многие законы жизни, еще неизвестна суть бытия...

Однако же заврался аз многогрешный. Ведь празд-

ники установлены только на $\frac{1}{7}$ часть года, остальные сами сделали. Итак, будни. Напиши, пожалуйста, какие методы исследования употребляются в геологии. Мне это очень нужно знать.

5 ноября 1907 г.

Сообщение твое о Государственной думе нерадостно, но не представляет неожиданности. Уже в июле я узнал об изменении избирательного закона¹⁷, а потому и не поражаюсь совершившимся. В сущности это уже и не так важно. Ведь процесс совершался именно в том направлении, и та неожиданность (равная чуду) в случае иного состава Думы могла бы только временно утешить, но никак не успокоить насчет того, что с роковой неизбежностью надвигалось.

Что касается утешения — я нашел его в науке. В настоящее время я большей частью только тем и занимаюсь, что разбираюсь с методами...

С первых чисел октября болел. Несколько дней лежал, потом поднялся, через 3—4 дня снова слег, а теперь снова поднялся. Во время болезни был тюремный врач, вызванный одним из товарищей (у заболевших допускается дежурство одного из товарищей). Чище, чем в «Ревизоре»¹⁸: пришел, осмотрел и пошел прочь. Нет, виноват, прописал мышьяк, но это не изменяет сущности дела, так как признать анемию и прописать мышьяк еще не значит лечить: лекарство-то хотя и было прописано, но до сих пор почти в течение целого месяца оно мною не получено. «Дорогих лекарств мы не держим; человек простой, коли выздороветь, то и так выздоровеет, коли умирать, то и так умрет»...¹⁹

3 августа 1908 г.

Несколько недель не мог писать по местным обстоятельствам.

Тюрьма наша расширяется: перестраиваются внутренние заборы, и губят все, что насажено было близко к ним. Надзирательскими и арестантскими сапогами затоптано много растений, но едва ли не больше засыпано землей и мусором: кусты крыжовника, малины, водосброса и пр. Таким образом, для меня остались нетронутыми в другом дворике чертополох, крапива,

мокричник, подорожник, хлопушка, одуванчик, энотера и многое другое. Роскошных цветов нет, все очень скромны.

От расширения тюрьмы становится не лучше, а хуже. В настоящее время заселены три корпуса, но что это за население... Не под масть нам эта публика: там уголовные и политические смешаны, но трудно сказать, которые из них культурнее. Прибытие арестантов нового типа имеет для нас ту дурную сторону, что они — в сравнении с нами их очень много — дадут своеобразный тон арестантской жизни. Уже и теперь на наш корпус смотрят как на оазис. И библиотеку разделили на две самостоятельные библиотеки.

...Настроение у всех узников подавленное; «вера в неизбежность» лишилась многих последователей. Теперь приходится вновь разбираться во всей исторической каше. Относительно товарищеских отношений говорить неудобно; на многое наложено табу самой жизнью. Вообще же я дружу больше с плебсом нашего корпуса, чем с верхами. Плебс — проще, искреннее и менее заносчив. В верхах же замечается постоянное стремление выставить свою личность в качестве объективного мерила вещей²⁰. С этим связано и второе явление — командирство. Быть мерилom вещей для себя, но не для других — признаю, больше — нет. За это с одной стороны и за корректное отношение к чинам администрации меня также недолюбливают. Я смотрю на администрацию как на людей, делающих свое дело, и только. Если бы эти люди служили из любви к искусству, а не потому, что надо как-нибудь хлеб заработать, тогда — иное дело...²¹

Возможно, что полной правды нет и на моей стороне, но я не упорствую в своих взглядах на жизнь, ибо в этом и нет особой надобности.

Теперь о местном плебсе. Большая часть его — севастопольские солдаты и матросы. Они никак не предполагали, что придется застрять в Шлиссельбурге почти — для некоторых вполне — на всю жизнь. Они рассказывают, как во время суда прокурор и судьи, сознавая нелепость осуждения их, говорили: «Вас осудили не по фактам, а по личному усмотрению; но ведь это для вас совсем не важно — через год или даже раньше будет амнистия...» С этим убеждением они пошли на катор-

гу. А теперь всех нас самое положение наше заставляет думать о себе, как о действительных преступниках.

Лучшая часть русского общества, несомненно, разделяла недоразумение гг. судей, а потому и старалась главным образом спасти от смертной казни²². Теперь же вопрос стоит глубже, это — вопрос о правосудии вообще. Наши военные юристы, по-видимому, уже забыли свою странную, но самую обстоятельную часть мотивировки жестких приговоров: «для острастки других...», иначе приходится выносить очень печальное понятие о их совести.

Больно вспоминать о судейской беспамятности, но жить все-таки надо. И вот то и дело наталкиваешься на крайнее озлобление и даже отчаяние. Утешаешься незаметно, но в конце концов и сам начинаешь терять веру в лучшее: ведь это лучшее будет лишь в результате длительного процесса, который еще вряд ли и начался. Зачем обманывать их?

Жизнь человеческая дается всего лишь раз, и где бы и как бы она ни проведена, все зачитывается, нет льготы...

Октябрь 1908 г.

Живу теперь сравнительно сносно; как и прежде, приходится извиваться угрем. Условия, вызывающие подобную тактику, весьма гнусны, но их нельзя игнорировать, так как нельзя игнорировать факты вообще. Что касается моей неофициальной стороны жизни, то ее приходится скрывать, и чем глубже, тем лучше, — кому здесь интересно знать, что переживает каторжник?..

Нас, с.-д., еще в Смоленске обвиняли нецыи* от анархистов в стремлении приспособиться к тюремной жизни. Признаю их правыми, но не вполне; неправыми, но также не вполне: прежде чем приспособиться к тюрьме, мы попробовали приспособить тюремную жизнь к себе, но условия оказались слишком гнусны для выполнения нашей задачи, а боролись мы отчаянно и заплатились горше всех. С другой стороны, уже тот, кто идет в тюрьму не влекомый за шиворот, уже такой человек приспособляется к тюрьме. Следовательно, упрек — несправедлив; то или иное приспособление необходимо.

* Нецыи (церк.-слав.) — некие (прим. ред.).

Здесь у нас произошло двойное приспособление: мы приспособились к тюрьме и, в свою очередь, значительно приспособили ее к себе...²³

Я вперед прекрасно знал, что нас не будут по головке гладить, но давить, давить, давить... Да в общем хлопцы не особенно унывают, так что ты от себя не придавай этому нытью большого значения.

Теперь мне надо расковаться, ибо срок уже окончен; представление на этот счет также сделано, но пока безрезультатно. Через два года после расковки полагается высылать в вольные команды, для чего необходимо «хорошее поведение». Не смущайся, если узнаешь, что мое поведение «хорошо», — какая кому польза от нашего торчания в шлиссельбургских казематах? Что начато, то должно быть доведено до конца...

Из всех бед одна для меня самая пагубная: приходится пропадать от бездействия. Дрожишь, ощущая то же, что земледелец, видящий осыпающееся зерно и не имеющий возможности собирать свой хлеб, или то же, что кузнец, накаливший добела свое железо и не имеющий возможности ковать его.

Это ощущение ни с чем не сравнимо. Мне кажется, что дисгармония жизни никогда так не бросается в глаза, как тогда, когда приходится ждать или догонять. Когда видишь, как втуне пропадает энергия, когда жаждешь и не имеешь питья, когда не хочешь пить, но погружаешься в воду... Но кому об этом... черт побери! В камере очень холодно, так что писать трудно: температура 10—11°Р. Не так низка, чтобы замерзнуть, но и не так высока, чтобы согреться. Крови мало — еще беда... Все, что случится важного со мною, ты будешь знать. Писать буду не особенно часто и немного²⁴.

*Начало 1909 г.*²⁵

...Около двух месяцев я совсем не работал, страшная апатия сковала все члены... Каждый раз, когда возникала мысль о работе, я ставил себе вопрос: «Зачем?» — и не находил ответа. ...Я почувствовал себя больным и одиноким, именно — близким к сумасшествию. Перспектива сумасшествия при тех условиях, в которых я нахожусь, естественно должна была вызвать во мне желание не жить. Я долго боролся с этой мыслью и уже го-

тов был... Не знаю, почему я остался жить, может быть, спасла апатия, а может быть, и другое что, но несомненно одно: все время у меня мелькала мысль о необходимости выслать работу²⁶, так как я думал, что дальше все равно не буду в состоянии работать.

Затем я стал терять представление о времени...²⁷

1909 год, весна

С меня сняли семь фунтов железа, так что здоровье стало поправляться быстрее, хотя сняли только 16 апреля. Чувствую себя сносно и понемногу втягиваюсь в работу. Из колен был выбит не сразу, сопротивлялся приблизительно до половины февраля, самый плохой период — в начале марта, а в начале апреля стал поправляться.

Пока, до лучших дней, т. е. до другого письма, ибо это мои лучшие дни. Привет всем, кто меня знал...

1909 год, весна

Чувствуется ли дыхание персидской революции²⁸ в Грузии, благословенной природой и проклятой русским самодержавием?

...Часто смотрю на луну (она хорошо видна в мое окно) и думаю: «Зачем ты теперь так холодна и носишь на себе следы бурной вулканической деятельности?» И ее бледный лик предостерегает меня от увлечения гипотезами вроде гипотезы Ярковского²⁹, как бы говоря: «Когда-то и я пылала жаром, но моя теплота уже израсходована, потому что теперь я холодна и бесстрастна». Увы! В области науки также необходимо быть холодным и бесстрастным, не следует давать воли фантазии; она хороша в поэзии, но не в науке; следует обуздать свои мыслительные процессы. Таков вывод, к которому я теперь пришел.

Как чувствуется на воле? Заметно ли хоть сколько-нибудь общественное возрождение или оно покоится в головах лучших людей в форме благих пожеланий?

Каковы виды на урожай в этом году? Сообщи мне о колебании русских государственных ценных бумаг на рынках.

Кончаю. Пишу урывками — орудия производства ни к чему не годятся: холодно отчаянно. Привет друзьям³⁰.

В. О. Лихтенштадт.
1906 г. (Публикуется впервые.)

В. О. Лихтенштадт

ИЗ ДНЕВНИКА И ПИСЕМ (1908—1917 гг.)

1908 год

Пересыльная тюрьма

Письмо жене

12 апреля. Ночь¹

Море звуков, как в крепости, — только пушек нет.

Зато, с другой стороны, море других звуков, — от цепей: идут в церковь... Ну, что же писать?

Пасхальное письмо из крепости, где я вспоминал прежнюю пасху, не дошло.

Теперь уж не хочется вспоминать.

Колокола смолкают... Только одна нота остается без конца... И в коридоре тихо.

Прощай.

Шлиссельбургская крепость

Дневник

13 сентября

Какая-то нарастающая радость на душе. Внешние поводы: желто-зеленая листва на фоне синего неба с белыми облаками... О Толстом и Владимире Соловьеве², — об искусстве. Какая-то радость, что они есть, что эти слова, эти мысли были высказаны и существуют. Вообще: увеличивается яркость восприятия. Но что «там»?

Дневник

16 сентября

Когда-то мне хотелось попытаться философски обосновать социализм. Теперь я заранее отношусь с недоверием к подобным попыткам, мало того, к тем философским течениям, с которыми его желают связать. Впрочем, это только частный случай того общего изменения, которое, кажется, произошло во мне за последние годы: конечно, и это изменение только утверждение и воплощение одной из намеченных раньше психологических возможностей. Я думаю, что это — подхождение к эстетическому индивидуализму³.

Дневник

19 сентября

Облака ярко-огненного цвета, быстро несущиеся на голубовато-сером фоне, словно огромные факелы... Вот уже картина изменилась: огненный цвет сгустился до малинового, серый стал отливать аметистом... еще минута, и все погасло... Живу изо дня в день; настоящие интересы — интересы минуты: что выписать, когда придет выписка, как распределить, и т. д., и т. д., и т. д. Очень редко бывает духовный подъем, и то скорее как предчувствие (может быть, вернее, послечувствие), чем как реальность.

Ну, разве не верно, что разменялся на мелочи: получил выписку — и выпил чашку какао, съел хлеб с маслом, выкурил папироску, закусил шоколадной конфетой (собственного производства) — и доволен! Само

собою, я всегда был далек от тех «высших точек зрения», для которых такая радость мелочам жизни является чем-то низким и недостойным.

Дневник

26 ноября

Как-то внезапно подкралась тоска — давно не виданная гостья. Как всегда — беспричинно...

1909 год

Письмо матери

16 января

Что это ты вздумала схватить такую гадость — это совершенно лишнее. Вероятно, в вашем «корпусе» условия гораздо хуже, чем у нас, ибо мы благоденствуем и не знаем ни о каких инфлуэнцах.

Письмо матери

28 мая

Узнай, представляет ли какую-нибудь ценность монета, медная, 1634 года, очевидно шведская, с тремя коронами (Швеция, Дания, Норвегия, хотя в это время уния уже не существовала) и буквами KRS (может быть, по-латыни: Карл, король Швеции⁴). Таких монет, вероятно, имеется сколько угодно, но может быть, стоит отдать в какой-нибудь музей, как «шлиссельбургскую находку». Если бы за нее дали что-нибудь, было бы еще лучше, так как нашедший неимуший. Но можно и так отдать.

Письмо матери

28 ноября

За чай-сахар коллективная благодарность, что же касается рождественских «гостинцев», то предоставляем вашему усмотрению. У нас больше — насчет «побольше», а чего именно — не очень-то разбираем⁵.

1910 год

Дневник

2 января

«Я могу быть замкнут в ореховую скорлупу, и все же я буду царем бесконечного пространства». Шекспир. Гамлет.

Опять один... Чувство отрезанности от всего и от всех... Хожу по камере, кажется, будто мои шаги — все, что осталось от меня... Раз-два-три-четыре... Раз-два-три-четыре... больше ничего.

Раз-два-три-четыре-пять... Шаги, шаги, шаги. А крыльев больше нет. Но осталось же что-нибудь и за шагами?.. Вероятно, только одно: вечная непримиримость, последняя гордость... Что же, только и остается вслушиваться в шаги и мысли, которые думаются во мне под их припев... Раз-два-три-четыре-пять...

Письмо совсем неожиданное — и по времени, и по содержанию. Вероятно, оно несколько огорчит тебя, но что делать — жизнь учит мужеству причинять близким огорчения, когда это необходимо... Может быть эгоистично. Да, я эгоист, и в каком смысле — я скажу дальше. Но предисловие выходит слишком широковещательным, и ты можешь подумать, что дело идет бог знает о чем. А «дело»-то само по себе такое пустяковое, что о нем и говорить не стоит, но вокруг него наплели столько лжи и оскорблений, что приходится говорить по существу.

Это существо — мое положение в тюрьме и ваша «опека». Сколько раз мы заговаривали об этом и ни разу не договорились. Так что если дело зашло теперь в такой тупик, то виноват в этом я сам: надо было с самого начала поставить вопрос резко и определенно и совершенно лишить Вас возможности каких бы то ни было хлопот. Ну что ж, лучше поздно, чем никогда. Да я и не думал, что здесь это так принимают к сердцу. Я объясню, в чем дело. По поводу одного — повторяю — пустякового случая... [далее несколько строк замазано тушью цензором. — *Сост.*] приходится принять крайние меры, именно по отношению к Вам, чтобы отстоять свою свободу! Свобода! Свобода в тюрьме! Да, в тюрьме больше, чем где бы то ни было. Я не буду повторять банальных фраз о том, что решетки, кандалы

и прочие жупелы, устрашающие трусливых мещан, не имеют к истинной свободе никакого отношения. Но нужно понять еще, чтобы «сохранить себя» в тюрьме, нужны не яйца, какао, фуфайки и проч., а нечто совсем иное, гораздо более трудное и гораздо более действенное... [далее несколько строк замазано тушью цензором. — *Сост.*]. Но довольно, иначе я не скажу главного. Я настолько уверен в твоём и Марусином⁶ уважении ко мне, что могу заранее сказать: раз я объяснился до конца, вы сделаете, как я хочу.

А я хочу вот чего: за исключением двух вещей — хлопот о выдаче рукописи⁷ и о моем переводе в Сибирь (если для Вас это действительно удобно и просто как перевод в другую тюрьму) — ни о чем, касающемся меня, ни в каких присутственных местах не разговаривать. Никаких... [далее несколько строк замазано тушью цензором. — *Сост.*], а когда Вы приезжаете сюда, можете говорить в конторе о погоде, здоровье и пр., а если заговорите обо мне, то как о постороннем. Повторяю, что я вполне уверен, что достаточно такой просьбы, но должен предупредить, что в случае ее нарушения, я перестану выходить на свидания и писать, как это мне ни будет больно. В заключение должен еще огорчить Марусю: мы не увидимся в этом месяце, так как я не хочу пользоваться вторым свиданием. Значит, до ноября. (И прошу также не приезжать в контору «за сведениями».) Все это может показаться со стороны несколько комичным и «мальчишеским». Пожалуй. Значит, еще одна выгода — при случае можно посмеяться, тем более что ничего «трагического» действительно нет. А что касается «мальчишества», то я надеюсь сохранить его всю свою жизнь, чего и вам желаю...

Дневник

8 октября

Кончилась и эта страница Шлиссельбурга. Были цветы — нет цветов. Замкнемся же в ту ореховую скорлупу, которой начался этот год. Без цветов так без цветов! Без прогулки так без прогулки! Без книг так без книг!⁸ Авось хватит собственного содержания, чтобы быть для себя «всем во всем». А может быть, что-нибудь вытанцуются и на бумаге: надо же заменить чем-нибудь книги!

Да, как бы не так! Такая чушь пошла, что и писать как-то совестно. Разве в стиле «Записок из подполья»⁹ могло бы что-нибудь выйти. Во-первых, инфлуэнца, во-вторых, глупейшие разговоры здесь, в-третьих, глупейшие разговоры с домашними. Последнее — самое скверное. Но — к черту! Кончится же это когда-нибудь. Через две недели объяснимся окончательно, и, надеюсь, меня оставят в покое...

«Русский язык»: гениальная могла бы выйти книга. И чего только не пришлось бы ей захватить! Не говоря уже об общих вопросах, — о языке вообще с антропологической, филологической, эстетической и прочих сторон и т. п. Но в центре вопрос: «Что такое русское? Что такое русский человек?» Само собою разумеется — все литература. В систематической форме едва ли возможно. Скорее — в художественно-публицистической... Но ведь я не напишу ни одной не то что книги, а даже одной главы. Конечно, конечно, но отчего бы не помечтать на чужой счет?¹⁰

Снег... какой родной! Какой милый! Нет, нельзя выдерживать, надо пойти поздороваться с ним, пойти в поле, в лес... Да, да, пойду прямо полем, без дороги, вот к той ели... Может быть, кто-нибудь там меня поджидает. Но кто? Не девушка ли с зелеными глазами, которая обещала когда-то встретиться со мной?.. Да, да, все дано в настоящем. Если ты в нем банкрот, то нечего утешать себя будущим: ты всегда останешься таким же банкротом.

Правда, можно создать известную обстановку, среди которой удобнее и приятнее «доживать» свои дни, как создают себе или сохраняют Обломов и доктор из «Палаты № 6»¹¹ (до катастрофы!)... Незавидная перспектива! И ведь уверен, что кроме нее или еще насильственного конца ничего не осталось, так уверен, что, кажется, нет ни одной лазейки... Так нет же! Откуда ни возьмись, опять та же надежда на чудо! Пусть крохотная, микроскопическая, пусть бесконечно малая надежда, но она есть, она не хочет умирать несмотря ни на что!.. Инте-

ресно, как меняется отношение к людям по мере того, как подходишь к ним ближе. Сейчас для меня население 2-го корпуса — серая, забитая масса «шапкоснимателей», и иногда немного неприятно думать, что будешь жить с этими людьми дни и ночи, никогда не оставаясь один. Но я знаю, что стоит лишь поближе рассмотреть каждого отдельно члена этой массы, и это впечатление исчезнет. Я уверен, что, кроме одиночных, явно отталкивающих лиц (может, и таких не будет), жить с ними будет не худо... Посмотрим, посмотрим.

Дневник

20 октября

А все-таки среда иногда больно бьет своей грубостью. Кое-что из «Мертвого дома»¹² я только теперь начинаю как следует понимать... Интересно еще вот что: наша «утонченность», уже избалованная в лживости и слабости, снова приобретает здесь, как контраст, ценность, снова привлекает и вспоминается, как чудная музыка.

Дневник

31 декабря

Новый год! Еще один Новый год! В первый раз за эти годы на людях. Вечер провели в гадании и шутках. Сейчас лежим, некоторые спят, но в 12 все-таки «встретим», хотя и вполголоса. А какой я все-таки общественный... И все-таки — да здравствует жизнь! Мне вышло: бессрочно сидеть, без конца любить, долго жить... Вот он и пришел... Тихо, шепотом, но все-таки «шампанское» (лимон, сахар, конфеты), все-таки чокнулись! О, игра в жизнь!.. Ну, что же, здравствуй, 11-й год!

1911 год

Письмо матери

14 августа

...Перейдем к Далю...¹³ Очевидно, ты не знакома с характером словаря. Задача его не только дать возможно полный справочник, но также и мирозерцание русского народа, поскольку оно отражается в языке... В моих случайных выписках за последние два месяца (из наших классиков и разговоров) я нашел более 500 слов, не включенных в словарь...

1913 год

Письмо жене

23 февраля

Какой ветер! По ночам так жалобно завывает в трубе и окне, словно просится погреться. С Невы сдуло и растопило весь снег, и она почернела, как будто и в самом деле подходит весна. Я сейчас, впрочем, в отъезде: странствую вместе с Ключевским по лесам и долам древней Руси — Киевской, Новгородской и Суздальской... Удивительно цельную, яркую и образную картину дает Ключевский, хотя с научной точки зрения, конечно, не безупречную, но это лучше чисто профессорской бесстрастной «объективности», которая ценна лишь как сводка чужих мнений¹⁴.

Дневник

8 марта

Ну, да ладно, — раз корыто все-таки не разбито, нечего над ним и причитать. Сколько еще впереди!

Дневник

14 декабря

14 дней в больнице: струя жизни. Людей, людей, людей! Как мне нужны люди, как заражает меня все молодое, задорное, смеющееся... Итак, да здравствует жизнь, и — к работе!

1914 год

Дневник

14 мая

Только один день «свободной» жизни, а кажется, что прошло уже много времени, хотя сделано мало. Нет, не надо больше давать затягивать себя в ярмо. Совсем одному долго, впрочем, не удастся оставаться: невозможно писать, когда сидишь спиной к окну и правая рука висит в воздухе¹⁵. Придется поэтому перейти к Муравину¹⁶. Привлекает при этом еще то, что попаду на одну прогулку с Трилиссером¹⁷, а мне хотелось бы подольше побеседовать с ним: чувствую, что эти беседы очень «оплодотворили» бы мою умственную жизнь, а здесь подобные стимулы приходится чрезвычайно вы-

соко ценить. От Вороницына совсем не получил того, на что надеялся: он еще больше замкнулся... Он мне очень нравится, с удовольствием беседую с ним и при случае вылавливаю кое-что для своего обихода, но так же, как вылавливаешь из книги, а не так, как «оплодотворяет» живая беседа последнего...

Дневник

27 мая

Последний день одиночества — 27-й; пожалуй, и хватит. Я стал общителен и понимаю теперь, что полная изоляция может быть нестерпима. Впрочем, уже шестимесячное крестовское одиночество¹⁸ к концу стало скверно на меня действовать. Да, теперь я очень рад избавиться от этой роскоши, особенно же рад тому, что избавитель мой — Трилиссер. Но что нехорошо — это Гете¹⁹. Всюду он мешает! Ведь возможно, что с Трилиссером мне придется просидеть месяца полтора, значит, каждая минута дорога и должна бы быть использована для самоорганизации, а тут изволь сидеть над переводом.

Письмо матери

13 июля

Наконец — дождь! И, кажется, настоящий, обложной. Дождались-таки его! А нам он особенно кстати, так как я как раз сделал последнюю посадку астр, осеннего цветка...

Дневник

14 августа

Один! Трилиссер схватил что-то вроде острого ревматизма и ушел в больницу. Подводишь некоторые итоги, мечтаешь, наслаждаешься одиночеством, осенним шелестом листьев... Куда-то отлетела война²⁰, которая за последние дни недели вышибла из колеи... Что дали мне эти 2½ месяца? Меньше, чем я ожидал. Прежде всего, Гете (как я, впрочем, и ожидал, думал) не удалось устранить, так что для совместных занятий было мало времени. Затем, я нашел в Трилиссере худшего экономиста, чем ожидал. Правда, тот факт, что он вообще еще недостаточно установлен, — идет, как и я, — является с моей точки зрения плюсом, так

как именно совместная работа двух ищущих бывает часто наиболее плодотворной. Тем не менее здесь между нами замечается какая-то дисгармония: мы не стимулируем друг друга, часто — только раздражаем... Так или иначе, я чувствую себя теперь дальше от социологического обоснования мировоззрения, чем несколько месяцев тому назад (особенно до Гете!). Довершила сумбур война, которая свалилась на нас совершенно неожиданно...

Писать о ней и о тех противоречивых настроениях, которые она пробуждает, сейчас не буду... Неоспоримо одно, что совершаются мировые события, которые, быть может, отразятся на нашей судьбе и раньше кинут нас на арену жизни; тем усиленнее надо работать над собой...

Письмо матери

27 августа

...Не получил еще ни одного письма от тебя — война и у нас вызвала маленькие заминки... Сообщай только газетные, следовательно прошедшие через военную цензуру, вести о войне... Достань, по крайней мере, одну хорошую карту России и Западной Европы... События разворачиваются с такой быстротой, что кажется, будто с того воскресенья прошло ужасно много времени. От всякой философии воздерживаюсь...

Письмо матери

14 сентября

...Сама по себе эта война вовсе не является неожиданностью. Что несколько изумило вначале — это поведение Вандервельде²¹ и его французских, немецких и т. д. товарищей. Но, в сущности, и это надо было предвидеть: империалистические корни были очень сильны среди них и в последние годы все усиливались; сейчас мы имеем *Reducilis ad absurdum*²², и это имеет свои хорошие стороны, так как поведет к совсем иного рода «ревизии», чем та, за которую ратовал Бернштейн²³ и К⁰; прежде всего, эта новая «ревизия» выбросит их самих и создаст совершенно новую организацию — международную не по одному только имени...

Что действительно интересно было бы знать, это — насколько эта война, давно подготовлявшаяся соперни-

чеством Англии и Германии (их борьбой за рынки), была форсирована «личным режимом» второй, но по существу любой ответ на этот вопрос не меняет дела. Не думай, однако, что из всех возражений я делаю какой-нибудь конкретный вывод, выражая сочувствие противоположной стороне. Несмотря на то что победа коалиции грозит разгромом самого могучего и передового экономического организма Европы, что может повлечь за собой целый ряд отрицательных последствий, я все же придаю такое значение политическим формам Англии и Франции, что чашка весов склоняется больше в сторону последних²⁴.

Повторяю, хочется обосновать и углубить свои исторические знания и воззрения. Жду отъезда своего сокамерника Трилессера²⁵, теперь ведь он уже поселенец и потому как на биваках — на днях поедет; затем поселимся с Мишей²⁶ и принимаемся за дело; планы у нас с ним огромные, думаю, что дело пойдет на лад; уча ведь лучше всего и сам учишься, а я хотя и опоздал, но чувствую себя достаточно молодым, чтобы идти форсированным маршем и брать все позиции с бою и на «плечах бегущего неприятеля» — незнания, недоумения, обывательщины и т. д., особенно с таким союзником, как Миша, у которого молодости и молодого смеха и задора и натиска такой избыток, что хоть кого заразит. Он тебе очень кланяется, также и Марусе. Поклон и от Трилессера. Осенний ветер рвет листья и ветки и безжалостно раскачивает головки астр; огород и сад уже совсем бросил, тянет больше комната и книги. Сейчас уже предвкушаю удовольствие от VI тома Кареева («История Западной Европы»), пока только заглянул в него, но уже видно, что он содержательнее прежних томов; глубокого анализа и обоснования от Кареева не жду, но изложены события, кажется, блестяще, живо, увлекательно, а главное, огромное внимание уделено социальной динамике²⁷.

Посылаю несколько засушенных цветов.

Дневник

16 сентября

Страшное время, безумное время. Там кипит борьба не на жизнь, а на смерть, здесь борьба словесная... Хотелось бы в ответ на те пошлости, которые доносятся

сюда от господ Метерлинков²⁸, дать отповедь этому бесноватому зверю, проснувшемуся в обывателе. Но после. Внутри — совсем особенные дни, дни ожидания: Трилиссер уезжает, жду Мишу... В общем, у меня кристаллизировалось... резко отрицательное отношение к войне — до конца, притом не пассивное, а активное...

1915 год

Дневник

17 января

Здравствуй, тетрадь! С Новым годом, с новыми мыслями и новой работой — это первое мое пожелание. После долгого перерыва буду, верно, не раз опять болтать с тобой... Настроение у меня сейчас бешено-книгоглотательное. Да ведь и осталось всего два месяца — в конце марта, наверное, потянет на воздух. Надо за это время: 1) кончить Гете, 2) прочесть V том Кареева и кое-какие главы из VI; «Австрию» Баха²⁹, некоторые главы Железнова³⁰, Богданова и Степанова³¹, Финна³², Маслова³³ и Каутского, Чупрова («Историю...») ³⁴ и попытаться составить конспект по некоторым спорным вопросам, особенно по вопросу об «убывающем плодородии» (Энгельс, Меринг³⁵, Крживицкий³⁶, Каутский, Будин³⁷, Морган³⁸ и т. д.), да и русскую беллетристику немного — для отдыха... Настроение, повторяю, удивительно хорошее. Страшно доволен беседами с Орджоникидзе и все более убеждаюсь, что опасаться мне в области общественных наук нечего³⁹. Ну, а пока спокойной ночи.

Дневник

7 февраля

Сегодня два года, как я вернулся из «Крестов». Проматривал сейчас набросанную тогда программу. Что же из нее осуществилось? Только одно: основы политической экономии. Основы эти действительно заложены, хотя работать предстоит еще много. Тем самым и отчасти основы социологии, марксистской конечно. Этика выброшена, по праву ничего не сделано... по истории — мало, только за последнее время три тома Кареева, этнография совсем выброшена, языки заброшены. А все

Гете! Что дальше? Общая программа остается без изменений. На ближайшее время она определяется так: по политической экономии будем проходить с Мишей Железнова, а время от времени я буду обращаться к пройденным курсам — Богданова, Туган-Барановского⁴⁰, Милля («Капитализма...» еще не прочитал, впрочем⁴¹). Налечь же хочу на социологию, как ни жалок здешний материал, все же имеются: Энгельс, Крживицкий, Будин, Меринг, кое-какие статьи в журналах (особенно в «Научном обозрении»⁴²), отчасти Каутский, Плеханов, Чернов⁴³, надо познакомиться и с Летурно («Эволюция собственности...»)⁴⁴. Вот, кажется, и все... Сейчас превосходное настроение.

Дневник

5 апреля

Ни писем, ни телеграмм — снег идет! Но зато и весна идет — уже настоящая. Почти все время провожу на дворе, за две недели здоровья прибавилось вдвое, жаль только, что мало времени остается на чтение, ну да это не беда — за зимний сезон опять наверстаю. Этой зимой я доволен — свалил с плеч Гете и принялся вновь за историю: теперь она нужнее, чем когда бы то ни было...

Письмо к матери

12 апреля

...Хорошо было бы, если бы летом удалось достать кое-какие многолетние растения: в прежние годы то, что ты привозила, пропадало; теперь есть теплица, так что можно не только хранить, но и размножать. Впрочем, особенно надеяться на «цветы из Шлиссельбурга» нельзя. На летние букеты эти цветы годятся, но ведь за такие букеты дают гроши, а ценных цветов для резки — роз, гвоздики и т. п. — у нас совсем мало. Даже левкоев в этом году будет мало. Ну вот, с садовыми делами покончили. А кроме того, и материалу немного. Принялся опять за Ключевского — какая великолепная книга! Теперь проштудирую все 4 тома уже основательно.

Дневник

2 июля

...Мало сделал за последнее время; много времени отняли... новости. Сколько интересного! Но как в об-

щем у нас здесь мысль шла теми же путями, что и на воле!

Ленинские 7 пунктов⁴⁵ — или теорем — приятно действуют среди повсеместного разврата, ренегатства и т. д. Верность социализму сохранена, но какой ценой! Жаль, что не выписал, но, кажется, и так помню.

1916 год

Письмо матери

5 января

Еще раз с Новым годом! И не будем рассыпаться на тысячу желаний: пусть кончится война — больше ничего, остальное само приложится. Не в буквальном смысле приложится, конечно, а будет создано людьми... Тебе же побольше здоровья и спокойствия и поменьше беспокойства обо мне.

Письмо матери

12 июня

Сейчас бушует ветер, на озере, должно быть, разыгрывается буря. Из камеры приятно слушать все крепчающие порывы...

Дневник

4 августа

Завтра иду в четвертый корпус, в библиотеку. Иду почти охотно: мелькает надежда, что там скорее поправлюсь. А поправляться надо — совсем развинтился. Пришел сюда... относительно здоровым, ухожу полуинвалидом. Буду считать все это временным, поправимым, буду бороться до конца.

Дневник

26 августа

С головой в библиотечных делах — ни читать, ни писать не могу; возможно, живешь как голодный среди изобилия пищи и не можешь насыщаться... Ну, некогда, сегодня самый рабочий день.

Письмо матери

8 сентября

С добрым утром — и каким чудесным утром! — встанешь, и сразу к окну: солнце уже золотит верхушки сосен и играет в стеклах Шереметевских избушек⁴⁶.

Дневник

3 октября

...Сегодня уехал Орджоникидзе. Это была большая потеря для меня. Какой живой, открытый характер, сколько энергии, отзывчивости на все! И главное — человек все время работает над собой... Только с ним и можно было потолковать серьезно по теоретическим вопросам, побеседовать о прочитанной книге. Из людей, стоящих приблизительно на одном со мной умственном уровне, это был здесь единственный, у которого можно было и поучиться.

Дневник

4 октября

Только что прочел «18 брюмера» и другие исторические работы, относящиеся к 48 году⁴⁷. Как изумительно здесь сочетание исторического объективизма со страстностью политического деятеля! Беспощадный бич гнева и негодования, убивающий смех презрения — и в то же время тонкий анализ момента, далекий от догм, трафаретов и обязательных суждений.

Дневник

27 ноября

Почти месяц прошел — и здоровье не лучше. Сегодня в первый раз напишу об этом маме, — все равно она видит и еще больше беспокоится.

Письмо матери

27 ноября

Полная луна светит прямо в окно, серебрит широкую полосу реки... А вы все, верно, еще не спите?.. Вообще чувствую себя великолепно. Говорю это и знаю, что ты состроишь сейчас же ироническую улыбку и заведешь разговор о здоровье. При этом ты говоришь не с настоящим мною, сидящим в 18-й одиочке... а с «воображаемым мальчиком», как любит говорить Толстой (а именно — с «мальчиком без усов и бороды»⁴⁸), причем мальчик не хочет лечиться и т. д...

Взошло уже солнце — и трудно оторваться от окна: по бирюзовой зеркальной поверхности реки плывут опаловые льдинки, прорезаемые огненными мечами — отражениями отражений, так как большое солнце рассыпается на столько маленьких, сколько окон в Шереметевских избушках; сами избушки, покрытые инеем, стоят точно игрушечные, а дальше за ними — дорога, красноватый кустарник, зубчатая линия леса — все так ясно видно сквозь морозный воздух, так все хорошо.

В. О. Лихтенштадт.
1917 г. (Публикуется впервые.)

Нет, солнце лучше луны, и день — яркий, полнокрасочный и полнозвучный день — лучше «таинственной ночи».

Прости за смесь поэзии и прозы. Передай сердечный привет всем родным и друзьям. Будь здорова и не беспокойся обо мне.

Володя.

Нет, не могу не поделиться этой радостью глаз: сейчас на реке, на инее, в струях дыма от парохода, появились нежные, чуть заметные розовые и лиловые оттенки, а на льдинках то и дело загораются огоньки; загорится, поплывет и погаснет, а там уже горит другой, третий — совсем сказочная картина!

Дневник

2 декабря

Две недели пил запоем «Общественное движение»⁴⁹; жалко, что пришлось так глотать — проконспектировать удалось лишь часть. Но приобрел все же бездну. Пожалуй, самое ценное для меня — выяснение основных тенденций большевизма и меньшевизма. Надо бы только выслушать теперь и другую сторону. Чувствую, однако, даже более близкое знакомство не позволит мне склониться безусловно на одну сторону. Оценка обоих течений — это оценка нашей революции, которая может быть дана лишь по ее завершении. А я все более убеждаюсь

в том, что она не завершилась в 5—6—7-м годах, что это был только 1-й акт ее, ожидающий продолжения.

Дневник

8 декабря

Для здоровья стал ходить на работу — пилку дров... 10 лет просидел — и не научился мириться с решеткой. А все нервы... Образуется? Черт его знает, когда оно образуется...

Дневник

16 декабря

34 года! И для рождения — светлый, морозный, праздничный день. Устрою же духовный праздник — набросаю материал для темы «Социализм на перепутье».

1917 год

Дневник

6 января

Печально начался новый год: 4 января останется в анналах Шлиссельбургской крепости, как один из дней траура — не по человеку, а по книгам — и по каким книгам⁵⁰. Жалко старого, жалко остаться в будущем на прежнем положении — отрезанным от живого слова. И не хочется даже гадать, что принесет нам 17-й год...

Дневник

21 января

Мечты, мечты! С 15-го снова в библиотеке после месяца отпуска. И вот за неделю спустил то здоровье, которое нагулял за это время... А как нужны бы сейчас силы! Сколько еще работы в библиотеке, сколько новых планов. Одна школа чего стоит⁵¹... Нужно идти самому в общую⁵², нужно руководить всем делом, — станет ли сил на это? А хорошо бы окунуться с головой в такое живое дело.

Письмо матери

6 февраля

Я в последнее время в великолепном настроении, «всем доволен» — и погодой, и библиотекой, и сокамерником, особенно последним: вот она, молодая Рос-

сия, полная сил и веры... Впрочем, ты не подумай, что в нем есть что-то особенное: обыкновенный молодой рабочий, сохранивший резко выраженный ярославский говор — пошехонец! — простой, жизнерадостный, вот и все. Но очень хорошо мы с ним спелись, а это здесь далеко не последняя вещь.

Какое солнце! Мороз морозом, а весна не за горами...

Письмо матери

19 февраля

Какой чудесный день. Все утро был на дворе, возил дрова. Синее небо, яркое солнце, покрытые инеем березы, все так чисто, свежо, бодрит душу... По горло занят библиотечными делами... Теперь о школьном вопросе. Так как ты пишешь, что для школы легко достать все нужное из особых источников, то придется поэксплуатировать этот источник... Не хватает здесь самых простых вещей: грифелей, вставочек, бумаги для тетрадей.

Письмо матери

28 февраля

Здравствуй, мама! И здравствуйте все, друзья! Только пара слов — голова идет кругом — полетел бы к вам, но дела так много, что надо сидеть здесь, помочь вышедшим, помочь выйти еще сидящим⁵³.

И. П. Вороницын.
1914 г. (Публикуется впервые.)

И. П. Вороницын

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КАТОРГА (1908—1909 гг.)

Наступил новый, 1908 год. Особенно торжественной встречи не было. Мы не ложились спать. Весь вечер только и слышно было оживленное перестукивание во всех направлениях, да сосед мой, Прудкой, время от времени барабанил кулаками в стену, чтобы уgomонить сту- чальщиков, мешавших ему спать. По стенке я вечером сыграл в шахматы с моим другом, соседом Рубинштей- ном, две партии, отмечая ходы на разграфленной гри- фельной доске, так как шахматные фигуры, даже сде- ланные из хлеба, у нас отбирались. В 12 часов мы устроили «залп». Для этой цели за несколько минут до полуночи мы, вооружившись крышками стульчаков, ста- ли у двери и, когда часы на коридоре отбили шестой

раз, с силой ударили в дверь. Эффект получился ошеломительный, хотя в сговоре было всего несколько человек. Надзиратель заметался от двери к двери, но обнаружить виновников «беспорядка» ему, понятно, не удалось.

С этого, собственно, и началось. Днем без всякого заранее обдуманного намерения, а просто разогретые воспоминаниями и надеждами, возвращаясь с прогулки, мы грянули «Марсельезу». И когда вошли в коридор, к нам присоединились голоса из «негулявших» камер. Вторая «прогулка» вернулась так же шумно. Чудесный был день!

А 3 января наступила расплата. В тюрьму была введена воинская команда. Одного за другим нас подвергали обыску, отбирали книги, тетради, грифельные доски и т. д. Обысканные и обобранные поднимали протестующий шум: стучали в дверь, пели революционные песни, издавали крики, осыпали руганью начальство. К тому времени, когда очередь дошла до меня, вся тюрьма грохотала, пела, ревела...

Вваливается куча надзирателей и солдат с винтовками, оттесняя меня в угол к окну. За ними появляются начальник, помощник и воинский начальник. Все они взволнованы, озлоблены.

Весь красный, Зимберг обращается ко мне:

— Вороницын пел... По приказанию тюремного управления на него налагается наказание: лишение выписки, переписки, чтения книг, курения табаку и карцер.

— Я готов. — И, ожидая, что сейчас меня поведут в карцер, протягиваю руку за шапкой.

— Нет, карцер отбываете здесь...

Я молча наблюдаю сцену разгрома. Выносят из камеры все, что является при карцерном положении лишним: книги, табак, съестное. Впопыхах кое-что и забывают. Наконец, вся команда отчаливает.

В свою очередь присоединяюсь к какофонии...

Не скоро умолкает шум. Начинаем сговариваться перестукиванием. Но сговориться всей тюрьме по целому ряду вопросов таким путем слишком трудно. Решаем, что можно теперь кричать через дверь, для нас уже не обязательны тюремные правила, так как естественно, что, пока мы находимся под наказанием, мы перманентно протестуем и этим правилам не подчиняемся. Начинаем перекрикиваться. Но тут препятствием становятся,

с одной стороны, ограниченность голосовых средств человека, а с другой — толщина тюремных дверей. Хорошо слышно, пока молчат соседи, только напротив; снизу вверх и наоборот уже много хуже, а в стороне совсем не слышно.

Кто-то из наиболее предприимчивых вооружается шваброй. Примеряет, подходит ли верхний конец палки к глазку, и... трах! тррах! Нескольких сильных ударов оказалось достаточно, и толстенное стеклышко глазка лопается, крошится... Осколки вынимаются уже пальцами. Пальцы же приподнимают щиток, и чистый, отчетливо слышимый голос разносится по всей тюрьме:

— Товарищи! Ломайте швабрами глазки, тогда хорошо слышно!

Надзиратели начинают бегать от глазка к глазку, уговаривая, угрожая. Но кто с ними будет считаться!

Тюрьма оглашается частыми свирепыми ударами, стекло звенит, трещит. Я тоже плыву по течению. Но у меня конец швабры оказывается толст, надо его обстругать. Самодельный ножик, сделанный из куска сломанной пилы, запятан далеко, в отдушине под батареей. Снимаю ремень с кандалов, завязываю его в виде стремени на батарее, вставши на койку, шагаю одной ногой в стремя и в то же время руками хватаюсь за отдушник. Держась на одной ноге и одной руке, свободной рукой шарю в самой глубине и извлекаю наиболее ценное из всех арестантских сокровищ: «перышко»¹. Швабра приспособлена, и в несколько ударов мое стеклышко вылетает тоже. Потом Зимберг вычел из собственных денег у нас что-то очень много на вставку новых стекол.

К вечеру у нас все было оговорено и решено. Стало известным, кто наказан, кто нет. Канторович не был наказан, потому, очевидно, что надзиратель в рапорте о певших его фамилию не проставил, может быть по простоте душевной решив, что почтенный человек не будет глотку драть, когда это не полагается. Наш «старик» тем не менее заявил начальнику, что он от товарищей не отстаёт, и сам выкинул в коридор все вещи, какие были у нас отобраны; отказался также принимать обед и ужин — словом, сам себя определил на карцерное положение к великому удивлению и негодованию тюремщиков. Латыши Шмидеберг и Зингис наказаны не были и к нам не примкнули, сознательно идя навстречу угро-

жавшему им бойкоту. Было еще человека три или четыре, оставшихся вне репрессии и не примкнувших добровольно к протесту. Им всем постановлено было объявить бойкот на некоторое время.

Из обмена впечатлениями выяснилось, что срок карцера никому сообщен не был. Все наши догадки клонились к тому, что продлится он не больше недели. Зато, думали мы, свиданий, переписки и прочих удовольствий мы будем лишены на более продолжительное время. У кого-то из нас даже были сведения, что в карцер на хлеб и воду можно сажать не больше как на неделю, и лишь приговором суда срок карцера может быть значительно увеличен.

Только через несколько дней князь Гурамов², заявившись к кому-то в камеру, объявил и просил передать всем, что карцер нам назначен на тридцать суток и, следовательно, кончится 2 февраля. Ему тут же было заявлено, что это незаконно, что незаконно также и то, что нам горячую пищу дают на четвертый только день, тогда как полагается давать ее на второй или на третий. Он пожал плечами и вышел. Впоследствии мы выяснили, что, действительно, точных указаний о порядке применения карцера не было³ и что три дня хлеба и воды — тоже нововведение. Но распоряжение об этом исходило от Главного тюремного управления, включившего этот срок и порядок отбывания наказания карцером в опубликованную в 1909 г. инструкцию⁴.

Не успел еще помощник выйти из тюрьмы, как принесенная им новость была выкрикнута для всеобщего сведения. Буря возмущения вылилась в криках, свистках и ругательствах.

— Проклятый чухна! — крикнул Молодов. — Он нас хочет заморить голодом. Разве можно выдержать тридцать дней на хлебе и воде!

Эта фраза мне особенно запомнилась. С одной стороны, потому, что еще в тот же день услышавший ее и доложивший начальнику Гурамов явился с торжественным заверением от имени начальника тюрьмы о том, что он только исполняет приказ Главного тюремного управления. А с другой стороны — и особенно — потому, что в ней выразилось наше общее мнение. Мы тогда еще были настолько наивны и неопытны, что нам казалось чем-то ужасным и превосходящим человеческие силы

в течение тридцати дней только один раз в четыре дня получать казенную горячую пищу и не иметь обычного подкрепления в виде выписываемых продуктов. Впоследствии опыт нас научил, что не только тридцать, но и шестьдесят выдержать можно, хотя это и мучительно. Теперь мы сидели не в карцере, а в светлых, теплых камерах, могли сидеть на стуле, пользоваться в неограниченном количестве водой и для питья, и для умыванья, мы продолжали менять белье и ходили в ванную, а самое важное — мы спали на своих койках, на постелях с подушками, простынями и одеялами. Этот первый наш карцер мы отбыли в чрезмерно благоприятных условиях.

Здесь уместно будет описать в общих словах настоящий каторжный карцер, тот *carcere durissimo*⁵, который был в большинстве тюрем редкостью, но которым наш гуманный, как он сам себя называл, Василий Иванович, он же «чухна», с особой любовью и предпочтением заменял все другие виды дисциплинарного взыскания.

Меньше чем на тридцать суток сажал нас Зимберг очень редко. И он очень не любил, когда вызванный к наказанному врач признавал его больным, брал в больницу и тем прерывал отбытие наказания. По его мнению, карцер достигал своей цели, т. е. укрощал строптивого, отбивал охоту ко всякого рода протестам, вызывал желание быть тише воды, ниже травы — одним словом, «исправлял» лишь тогда, когда он действовал непрерывно.

У сажаемого в карцер отбирали шапку, очки, если он был близорук, галстук, снимали поясной и кандальный ремни, подкандальники и поджилыники (принадлежность подкандальников) и, наконец, забирали портянки. Ни полотенца, ни носового платка, ни мыла, ни бумаги — одним словом, ничего, в чем человек испытывал нужду, в карцер не допускалось. Вас сразу низводили в некультурное, первобытное состояние. Что касается одежды, то если у вас была целая одежда, не рваная, не истершаяся, то ее у вас тоже отбирали, давая взамен рваную, грязную, годную только для мусорного ящика. В таком виде вас запирали в темную конуру, грязную, большей частью сырую и холодную даже летом, в которой не на чем сесть и в которой несколько настланных на полу досок служат постелью. В карцерах 4-го корпуса это ложе было приподнято от пола на аршин. Были карце-

ры (2-го корпуса), в которые не проникало даже самого маленького луча света. В этом мраке и в этой грязи с открытой парашей (в карцерах 3-го и 4-го корпусов были ватерклозеты) вы проводили три дня подряд безвыходно. На четвертый день вас переводили в светлый карцер или оставляли в том же, если окно его было закрыто ставней (а если светлые карцеры были все заняты, то на день включали тусклую электрическую лампочку). В темные дни наказанный получал пайку хлеба и кружку воды на весь день, на четвертый день ему выдавали горячую пищу и горячую воду. Просидеть в этих условиях тридцать дней было мучительно. Люди выходили из карцера серыми, истощенными, с окончательно ослабленным организмом, психически подавленными. И эти результаты были последствием не столько недостаточности питания, сколько холода, мрака, сырости и отсутствия воздуха. Но были стойкие люди, даже физически и не так уж сильные, на которых эта пытка не действовала подавляюще. В летописи нашей каторги известны случаи, когда некоторые по окончании тридцати суток снова садились на столько же.

По сравнению с карцером позднейших лет наш первый карцер был раем.

Что и говорить, было голодно. Как ни стараешься распределить эти два фунта хлеба на весь день, к вечеру все равно есть нестерпимо хочется. Это не голодовка, когда перетерпишь два-три дня и теряешь непосредственное ощущение голода. Здесь голод с новой остротой возрождался каждый день, и томил, и грыз. Не у всех это ощущение было одинаково сильным. Наши «слабенькие», как, например, Жадановский и Романов, не испытывали этих ощущений в той острой степени, как это было с матросами — здоровяками, привыкшими к обильной пище.

Во все время карцера мы усиленно поддерживали бодрость друг в друге. Никогда не было у нас столько веселья и смеха, как в это время. Романов визгливым фальцетом изображал нам песенки парижских кафешантанов, причем звук кандалов его, доносившийся к нам во время исполнения этих номеров, показывал нам, что артист не только голосом, но и всем телом стремится уподобиться воплощаемым в данный момент героям и героиням парижских подмоствок.

Вход в темный карцер.

Темный карцер.

Канторович своим приятным, хотя и не обработанным баритоном пел: «С плеч могучих сняли...» и «Стеньку Разина». Пели и другие. Произносились речи, декламировали, делали доклады. Все это из-за закрытых дверей, причем исполнитель прижимался губами к открытому глазку, а слушатели к этому же отверстию в своих камерах прикладывали ухо.

В честь дня рождения Мазина, сидевшего подо мной в 16-й камере, состоялся особый вечер. Произносились тосты, речи. В заключение я прочел тут же на скорую руку придуманные стихи, начинавшиеся так:

Товарищ Мазин! В день рождения
Прими ты наши поздравленья.
Ты этот день в тюрьме встречаешь,
Тридцатый год с ним провожаешь
И тридцать первый начинаешь.
Не падай духом, брат! Тюрьма
Ведь только издали страшна.
А ты с тюрьмой давно знаком...

Когда я закончил:

Товарищи! Кричите разом:
«Да здравствует товарищ Мазин!» —

раздалось общее «ура». Овации продолжались несколько минут.

Праздновали мы затем 9 января. Похоронный марш. «Марсельеза». Речи.

Единственное, что угнетало многих, это отсутствие курева, так как табак был отобран при обыске. Но нигде вы не встретите столько предусмотрительных людей, как в тюрьме. Некоторые из записных курильщиков, в предвидении всяких осложнений и памятуя, что лишение табаку за дурное поведение предусмотрено инструкцией, позаботились «позатырить» в разных местах достаточные запасы этого чудесного средства от хандры, уныния и голода. Некоторые из ненаказанных, желая смягчить нас, стали нашими поставщиками, оставляя табак еженедельно на условленном месте в ванной комнате.

И несмотря на все эти развлечения, дни тянулись убийственно медленно. Как-то раз в тюрьме появился товарищ прокурора. Известие моментально было оглашено, и начался «тарарам». Из-за каждой двери, в за-

висимости от темперамента и настроения стоявшего за ней, по адресу прокурора летели остроты, крепкие слова, а то и просто свистки и тюканье. Бедняга не рискнул стать лицом к лицу с невидимыми авторами этих приветствий и вылетел, как ошпаренный, из корпуса. Князь Гурамов поставил нам на вид, что это, мол, уже из рук вон, и если дальше будет так продолжаться, карцерное положение будет продлено. Если мы хотим, чтобы 2 февраля все кончилось, мы должны прекратить это непрерывное буйство и стать покорными и послушными.

Этот ультиматум подвергся открытому, публичному, так сказать, диспуту. Единогласно вынесенное решение гласило: волюнку продлить, пока карцер не будет снят, а дальше посмотрим.

Наступило наконец 2 февраля. Радостный и смеющийся князь Гурамов объявил, что наказание кончилось. Нам выдали отобранные вещи, принесли накопившиеся за месяц письма.

Но мы не успокоились. Сразу перейти на мирное положение признали невозможным. Начальник тогда решит, что мы напугались его карцера. И несколько дней еще продолжается перекрикивание из двери в дверь. В шахматы также продолжали играть живым голосом, а не по стене. И лишь понемногу, когда были починены глазки, все успокоилось.

В первом же легальном письме своем, прошедшем через цензуру князя Гурамова, я писал:

«Кончился «осадный» месяц. Жизнь у нас вошла в колею. Гуляем $\frac{3}{4}$ часа по пять человек. По коридорам гремят кандалы, и надзиратели днем уже не крадутся в валенках, опасливо озираясь на выбитые «волчки», чтоб нехватили чем-нибудь «с жиру», как они иронически говорили. И в волчки уже вставили новые стекла, еще толще прежних. Но медной посуды не дают: нашли, что в руках таких строптивых ребят, как мы, она может стать опасным оружием. Обедаем из глиняных мисок. Как пойдет жизнь дальше, трудно сказать. Нынешнее положение мы называем «усиленной охраной». Наступит ли «мирное благоденствие» или опять настанет «военное» или «осадное» (карцер), трудно сказать: все в руке начальства; по мановению сей руки мы готовы опять затянуть царицу маршей «Марсельезу», но способны и быть паншками».

...Жизнь вошла в свое русло. Те же занятия над книжками, дебаты на прогулках; тот же острый интерес к происходящему на воле.

В эти годы — 1907—1909, — как известно, реакция на наш российский период *Sturm und Drang*⁶ особенно сильно развилась. И новая молодежь, и та, которая сумела и успела окупиться на короткий миг, в порыве опьянения, в революционный поток, стремительно била отбой. Настроения похмелья, общественного *Katzenjammer*⁷ охватили собой литературу и жизнь, порождая свинство, сологубовщину⁸ и вехизм⁹, с одной стороны, а с другой — манию самоубийств. С острым интересом прислушивались мы к долетавшей из-за стен вакханалии общественного распада, требуя от своих корреспондентов подробного реферирования тех художественных произведений, которые к нам не пропускались в их оригинальной форме. И благодаря тому, что в эти первые годы наши связи с волей еще не порвались и не ослабли и корреспондентов у нас было много, мы по письмам знакомились с первыми новыми произведениями литературы, наиболее важные места которых просто переписывали, занимая десятки листов почтовой бумаги. Те факты из текущей политической и общественной жизни, которые прямо или иносказательно не могли быть изложены, сообщались в тех же письмах симпатическими чернилами, недоступными обычным жандармским негативам и простым способам проявления. Таким путем, например, мы узнали об аресте и суде над членами социал-демократической фракции Второй думы¹⁰, о разоблачениях азефиады¹¹, потрясших наш эсеровский коллектив¹², в котором оказалось несколько крестников Азефа. К концу 1908 года такой способ сношений с волей нас уже перестал удовлетворять. После долгих поисков нашупали мы «голубя». Эту почетную роль согласился за значительное вознаграждение играть один из пользовавшихся особенным доверием начальства надзирателей эстонец Ребане. Впоследствии на погонных жгутах у него появились новые бомбочки, отмечавшие его повышение по службе. Став старшим надзирателем, заведующим цейхгаузом и складами, он отказался от этого опасного ремесла. Нашелся и в городе Шлиссельбурге владелец аптеки или аптекарского магазина, не помню уж, который согласился быть посредником между во-

лей — Петербургом — и крепостью. К нему на квартиру доставлялась почта для нас и сдавались наши письма. Там же происходили свидания «голубя» с уполномоченным от волн. Мы получали вырезки из газет и журналов, отдельные номера выходивших за границей партийных изданий, не говоря уже о таких письмах от родных и партийных товарищей, которые к нам легально пройти не могли.

К этому времени усилилась цензура наших писем, заливавшая типографской краской целые листы или просто конфисковывавшая письма целиком. Вспоминается мне возмущенная нескладная фигура Мазина, тыкавшего в нос растерявшемуся помощнику полученное письмо. Письмо начиналось: «Дорогой Антоша». За этими словами следовало черное поле, переходило на вторую страницу, со второй на третью и на четвертую, и только в самом низу этого потока выплывало: «Любящая тебя имярек».

— Это не я просматривал, а сам начальник, — оправдывался князь, чувствуя, что это действительно тот «пересол», которому не миновать отразиться «на спине» его.

— Так скажите начальнику, что он профос, — кричал Мазин.

Как всегда, помощник брался передать начальнику все, что нам угодно было передать ему, и тем дело кончалось.

Не надо думать, что упадочные настроения не отразились и на нас. И среди нас появились уходящие, до которых реакционное поветрие докатилось и через ладожские волны, и через крепостные стены. Первым, кто повернулся к нам спиной, был юноша Руванцев-Тюпалов, севастополец, осужденный на десять лет каторги, музыкант флотской команды. Он пользовался общей любовью и покровительством наших матросов за свой веселый нрав и за искусство писать недурные стихи. Во время карцерного сидения он вступил в переговоры с начальством и написал холуйское прошение о помиловании на «высочайшее имя». Царь в помиловании ему отказал. Он не выразил раскаяния, а продолжал прислуживаться перед начальством, перебрался в «сучий куток» и позже, после вторичного прошения, поддержанного известной ханжой и «благотворительницей» Вороновой¹³, удостоверявшей искренность его обращения, был совершенно

освобожден от наказания. Это был не единственный случай. Я вспоминаю о нем особо потому, что он больно поразил многих из нас, симпатизировавших талантливому юноше. Многие из подававших прошение потом раскаивались и, бывало, восстанавливались в товарищеских правах. О факте подачи прошения некоторыми узнавалось случайно. Бывали и находившиеся под подозрением, вынужденные доказывать свою невиновность. Случалось и ренегатство более приличное. Анархист С. просто повернулся к нам спиной, уйдя в чистую науку и наплевав на «подобный вздор», как он стал называть революционность. Не знаю, стал ли он впоследствии реакционером, так как я после 1909 года потерял его из виду, но он весьма недвусмысленно восторгался политическими методами и изречениями Столыпина¹⁴. На этом пути он был не единственным.

Удивляться явлениям отступничества и ренегатства не следует. Нет в мире той тюрьмы и бастилии, на лоне которой слабые духом не начинали бы поклоняться тому, что сжигали. Физическое и психическое угнетение способно приводить и не к таким результатам. Я, наоборот, часто удивляюсь тому, что в этой многосотенной массе политических, прошедших перед моими глазами и глазами близких товарищей в этой и во многих других тюрьмах, описываемое явление было все-таки единичным, а не массовым. Ведь нужно принять во внимание, что наша политическая каторга рекрутировалась из самых глубин, из недр потрясенных революцией народных масс. На каторгу шли главным образом не сливки революции, не вожди и руководители революционных партий, как это бывало до 1905 года. Наблюдавший в период реакции отход от революции не только интеллигенции, но и передовых рабочих, у нас, я еще раз повторяю, носил характер случайный, не общий. Можно больше сказать: революционные взгляды и чувства в этой обстановке консервировались и укреплялись.

Философские споры в лагере марксистов, материализм и махизм во всех видах нашли у нас живой отклик. Увлечения и в одну, и в другую сторону доходили до крайности, обострялись. Не удовлетворяясь устным обменом мнениями, мы писали политические статьи, создали значительную рукописную литературу и в тетрадях, и на полях книг. В философии мы были тогда новичка-

ми, более или менее, ухватывались за одну или за другую доктрину без всякой подготовки и, естественно, «махианствовали» больше, чем сам Мах¹⁵, и стукались лбом о матерную крепче, чем сам Плеханов¹⁶. Но надо добром помянуть эти споры. Мало кто остался целиком на занятых тогда в пылу драки позициях и вряд ли для кого-нибудь из этих «столкновений мнений» родилась «истина». Но благодаря спорам каждый из нас, в первое время только нащупывавший то место в системе наук, к которому он наиболее склонен приложить свои силы, эту точку приложения нашел и осмыслил.

Общий интерес к отвлеченным вопросам в это время позволил мне ближе познакомиться и сойтись с В. О. Лихтенштадтом, переведенным к нам весной 1908 года из Петербурга. Это был чрезвычайно оригинальный и высокоинтеллигентный человек. Всесторонне образованный еще до ареста, он в тюрьме не терял драгоценного времени и даже в последние годы, заведая библиотекой и с увлечением отдаваясь физическому труду, много и упорно работал.

В революции 1905 года он был человеком случайным, как сам он не раз говорил мне, рассказывая о своем прошлом. Общественные вопросы его почти не интересовали. И самое движение бурного года привлекло его к себе не своей социальной основой, не своим содержанием и перспективой, а внешней красочной стороной, своим романтизмом.

Владимир — вся каторга звала его просто по имени — был романтиком и импрессионистом; это было основное свойство его увлекающейся, вечно кипящей натуры. Случайные, не идейные связи привели его к максимализму¹⁷. Не будучи членом партии, он оказывает максималистам важные услуги, привлекается к делу о Фонарном переулке¹⁸ и приговаривается к смертной казни. Смерти, как рассказывал он без всякого хвастовства, ждал он совершенно равнодушно. Его только волновала мысль, что он не закончит начатого в Петропавловской крепости перевода книги Отто Вейнингера «Пол и характер». При confirmации приговора смертная казнь благодаря хлопотам и связям его родных заменяется бессрочной каторгой.

Кроме Вейнингера Владимир Осипович еще до тюрьмы перевел небольшую книжку Бодлера¹⁹ и «Единствен-

ного» Штирнера²⁰. Уже эти названия показывают его устремления в то время. Когда я в первые дни нашего знакомства просматривал привезенные им с собой в Шлиссельбург книги — небольшую библиотечку любимых авторов, я недоумевал. Это сплошь была библиотечка философского идеализма. Начались у нас споры, побудившие его обратить взоры свои в другую сторону. Он кроме философских начинает интересоваться вопросами социальными и политическими. Новая среда с совершенно иными интересами, с традициями и революционным опытом привлекает к себе его, пылкого индивидуалиста и дилетанта в революции. Он долго не поддается.

Последних фазисов этой борьбы за мировоззрение мне наблюдать не пришлось. Я на два с лишним года уезжал из Шлиссельбурга²¹. Переписка между тюрьмами невозможна. Доходят только внешние новости. Одна из них гласила, что Лихтенштадт отбыл месячный карцер, втянувшись в вечную и неизбывную борьбу за режим.

Осенью 1911 года, «из дальних странствий возвратясь» и сидя во 2-м корпусе, я встречаюсь с Жадановским. Расспрашиваю его о товарищах.

— Ну, а как Лихтенштадт?

— О, вы его теперь не узнаете. Он совсем наш стал... Окончательно и бесповоротно.

Действительно, Лихтенштадт окончательно порвал с революционной романтикой. Во всех тюремных анкетах он стал именовать себя социал-демократом. Марксизм его был глубоким и продуманным, в философии он стал реалистом, не будучи материалистом, но и не прикрепляясь ни к одному из течений в «махизме». Мне казалось, что в этой области эволюция его еще не закончилась, он точно оставил ряд проблем еще не законченными, про запас, так сказать, чтобы после, в результате какого-нибудь естественного поворота в мировоззрении, снова вернуться к ним. Его многогранный ум не останавливался на какой-нибудь одной области. То он интересуется новейшими течениями в физике; то изучает испанский язык, чтобы в подлинниках прочесть новейшие произведения испанской литературы. Его лингвистические способности были огромны. Кроме трех главных европейских языков, в тюрьме он изучает итальянский, ис-

панский и датский. Он в совершенстве знал латинский и греческий. Один раз после крупной тюремной истории его с целью изоляции переводят в камеру, где сидят исключительно уголовные и аграрники-крестьяне великорусских губерний. С жаром начинает он вести среди них культурную работу. Учит их грамоте и письму, арифметике. И в то же время со словарем Даля в руках учится у них, заинтересовывая и их в особенностях и тонкостях наречий различных губерний. Он начинает собирать слова и корни, фиксировать оттенки речи, отыскивать происхождение различий в обозначении одних и тех же вещей, орудий человеческого труда. Кое-что из собранного им было послано в редакцию словаря. После массовой истории в 1912 году²² его забирают из карцера и отправляют в Петербург «на исправление». Он возвращается таким же неисправимым...

Нажим между тем усиливался. То один, то другой товарищ выхватывался из нашей среды и подвергался карцеру. Была опубликована новая, выработанная Главным тюремным управлением, инструкция, сильно урезывавшая наши права и развязывавшая руки тюремной администрации.

К этому периоду относится тяжелая драма, разыгравшаяся у нас с приездом Курлова, детали которой в то время нам были неизвестны и о которой мы узнали много позже.

Герой неудавшегося побега Сперанский вообще не ладил с администрацией. Он упорно отказывался давать свои тетради и в день приезда начальника Главного тюремного управления почему-то ожидал, что к нему придут отбирать их. Без скандала он решил их не отдавать. Когда открылась дверь его камеры, он вместе со злополучными тетрадями делает попытку выскочить в коридор, сталкивается с входящим начальством и, естественно, отходит назад. У начальства создается впечатление, что заключенный бросается на Курлова с целью нанести ему оскорбление. Начальник тюрьмы выхватывает из ножен шашку, Курлов отступает назад. Сперанского через некоторое время уводят в карцер. Вот все, что мы знали об этом. Мстительный палач, не произведя расследования, не расспросив Сперанского, делает распоряжение о наказании розгами заключенного, покушавшегося якобы оскорбить его. Послушные тюремщики

приводят распоряжение в исполнение не колеблясь. Описывать душевное состояние наказанного, человека впечатлительного, остро реагирующего на всякую несправедливость, испытавшего гнусное насилие, не приходится. Рассказывали, что он пытался покончить с собой. Когда это не удалось, он стремится заставить тюремщиков убить себя. Сидя в карцере и не имея возможности вызвать это, он берет толстую медную кружку и изо всей силы бросает в лицо открывшему дверь надзирателю. Тот выхватывает револьвер и стреляет в спокойно стоящего перед ним Сперанского. Раненный в ногу, он после перевязки был оставлен в том же корпусе в карцере и лишен всякой медицинской помощи. Он продолжает ту же тактику. Его увозят в другую тюрьму.

...Инспектора Сементовского в посещениях нашей тюрьмы сменил инспектор барон Мирбах. Сама физиономия этого остзейского выроodka вызывала в нас чувство протеста. Он был вдохновителем тех строгостей, которые мало-помалу начали просачиваться в нашу жизнь. Сам же он со свойственной таким типам трусливостью на столкновения прямо не лез. С ядовитой улыбкой появлялся он во время прогулки у нас во дворе. К этому времени надзиратели уже получали приказ командовать при появлении начальства в местах, где заключенные работают в шапках или гуляют: «Смирно! Шапки долой!» Мирбах задумчиво оглядывал наши остававшиеся на головах и лишь в некоторых случаях в вежливом поклоне полуприподнимавшиеся шапки и отчетливо громко произносил:

— Накройсь! Накройсь! — делая вид, что не замечает.

— Ну, есть у вас какие-нибудь заявления, претензии?

Обычно у нас не было желания с ним разговаривать. Но вспоминаю, как однажды кто-то ему говорит:

— У нас есть вопрос.

— Вопрос? — с каким-то недоумением спросил он. — Ну, какой вопрос?

— Нас интересует, господин инспектор, какими соображениями руководствуется Главное тюремное управление, так скверно кормя нас. Намеренно ли действует оно так, учитывая, что при больших сроках мы вымерем от недоедания, от чахотки, от цинги. У нас все учащаются заболевания.

— Нет, такого расчета нет. Но признано, что пища, которая вам отпускается, вполне достаточна для сохранения организма в равновесии. И я по некоторым из вас вижу, что она очень идет впрок.

— Ну, а по мне вы это видите? — подходит к нему один из истощенных и больных.

— А по мне? А я как, по вашему мнению? А я? — слышались голоса.

— Больничным полагается больничная пища. На определенный процент общего количества арестантов ежедневно отпускается по одному рублю на медикаменты, содержание больницы и улучшенное питание.

— Но нас врач больными не признает. Если бы он брал всех истощенных в больницу, не хватило бы коек и ваших рублей. Мы медленно таем.

— Ничего. Практика показала, что все-таки значительная часть выдерживает. Русский крестьянин питается ведь гораздо хуже вас.

И после этих циничных и лживых заявлений он поворачивается и уходит, провожаемый негодующими возгласами.

Он нас ненавидел. Это чувствовалось в каждом взгляде, бросаемом на нас, в каждом презрительно и свысока выцеживаемом слове, обращенном к нам.

По его инспирации главным образом и начался «прижим». Сначала взялись за 1-й и 2-й корпуса, где заключенные сидели в общих камерах, где политические начали к тому времени уже сильно разбавляться уголовными. Да и из политических туда отбирались наименее стойкие люди, вся та случайная масса, которая во время отлива заполнила ряды экспроприаторов и героев мелкого террора, стоявших почти на границе с уголовщиной. Не обходилось без сопротивления и там, но дружные коллективные протесты там не вырастали. На нас это ставшее проводиться в жизнь «неминдальничанье» отражалось лишь косвенно.

...В начале лета 1909 года Зимберг решил отделаться хотя бы от части непокорного элемента. Около ста человек было выслано в новую каторжную тюрьму — Вологодскую, бывшую до того, как и большинство централов Европейской России, арестантским исправительным отделением.

Не хотелось оставлять товарищей, с которыми

сжился так тесно и близко, и идти на новое и неизвестное. Полушутя, полусерьезно я обещал:

— Я еще вернусь в Шлиссельбург, вот увидите. Камера № 37, помните, остается за мной.

Нас после переодевания в старое барахло (не посылать же в чужую тюрьму хорошую одежду), после обычной сдачи-приемки, сопровождаемой обыском, после неизбежных криков, отбирания жестянок, стеклянных предметов и т. п. вывели за ворота. Глаза, отвыкшие за эти два с половиной года пребывания в ограниченном от перспектив и простора пространстве, как-то ни на чем не могли остановиться. Калейдоскоп ярко-зеленых, голубых и серых красок — вот первое впечатление, которое дала мне воля. Постепенно начинаешь осваиваться: яркая молодая зелень берез, бурые и темно-зеленые тоны дальнего хвойного бора, стальные, поблескивающие солнечными бликами волны Невы, а направо бесконечно уходящая вдаль Ладога.

Небольшой пароход Финляндской компании пыхтит у пристани, покачиваясь на волнах. По сходням мы всходим на него, спускаемся в каюту, занимаем места. Часть конвойных идет за нами, остальные остаются на палубе.

Пронзительный свисток. Мы поворачиваемся. Стены крепости серо проплывают в окнах каюты.

«Прощай или до свиданья?» — задаю себе вопрос²³.

В. Я. Ильмас.
1927 г.

В. Я. Ильмас

В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ЗАТОЧЕНИИ

Петроградская судебная палата осудила меня на 6 лет каторги по делу социал-демократической организации¹. Из пересыльной тюрьмы я прибыл в Шлиссельбург 11 сентября 1908 года. В нашей партии насчитывалось около 80 человек, из них не более 15—20 человек политических, а остальные уголовники и незначительная часть аграрников-крестьян преимущественно из Прибалтийского края.

Как только пароход Финляндской компании остановился у крепостной пристани, нас высадили на берег острова и выстроили попарно у ворот в ожидании тюремного начальства. Нам известны были мрачные слухи

о Шлиссельбургской тюрьме. Да и по дороге конвойные солдаты порассказали осужденным немало страшного. Я помню, какое тяжкое впечатление произвел на всех рассказ конвойного о якобы поголовной порке всех «политиков» из новоприбывших.

Миновало несколько минут, и перед нами появился начальник крепости Зимберг в сопровождении своей свиты. Он крикнул «здорово». Каторжане ответили вяло. Зимберг пересчитал нас по статейным спискам и приступил к чтению устава крепости. Он особенно подчеркивал те места, где говорилось о телесных наказаниях, многозначительно останавливался, наблюдал за произведенным впечатлением. По окончании чтения Зимберг сказал, что он строгий законник и от устава не отступит ни на йоту; за всякое нарушение тюремной дисциплины поступит согласно уставу и будет пороть.

После такой «приветственной» речи начальник велел открыть крепостные ворота. Нас впустили в кордегардию, где каждого тщательно обыскали. Выстроив в шеренгу, повели в баню.

Мыться дали минут двадцать. После бани одели нас в тюремную одежду. Свои вещи мы сами сложили в одну кучу по приказу старшего надзирателя Никандрова (впоследствии покончившего жизнь самоубийством). Затем по спискам разделили всю партию на политических и уголовных.

Меня, Манкевича², Яковлева, Ходякова³, Жукова⁴ и Колосовского⁵, одного солдата, осужденного за Свеаборгское восстание, и нескольких крестьян, фамилий которых не помню, отправили в карантин во 2-й корпус в 12-ю камеру.

Карантин продолжался две недели. В течение этого времени, кроме тюремной баланды, нам ничего не давали. Выводили на 20-минутную прогулку в прямоугольнике, со всех сторон огражденном высокими стенами. Кончился карантин, и нас оставили в 12-й камере в том же составе.

Как удалось потом выяснить, во 2-й корпус после 1905 года политических не заключали. Мы были первыми.

Состав каторжан во 2-м корпусе был крайне пестрый. Здесь обитало человек 15—20 «чистых политиков», размещенных по разным камерам, несколько аграрников-

крестьян, довольно много солдат, осужденных за революционные выступления, и группа уголовных во главе со старым сахалинцем Орловым⁶.

Условия заключения во 2-м корпусе были намного хуже, чем в 1-м. Узникам 1-го корпуса тюремщики, не скрывая от нас, делали некоторые льготы: выводили на всякого рода хозяйственные и дворовые работы, разрешали передачи, переписку с родными и свидания почасе. Допускалась выписка продуктов из тюремной лавочки на свои деньги.

Нам же, второкорпусникам, на свои деньги можно было выписать только зубной порошок и грифельную доску, а в продуктах отказывали. Зимберг даже возвращал деньги, присланные нам родными.

Прошло несколько месяцев. К началу 1909 года политические каторжане 2-го корпуса уже знали друг друга. Большинство перебивало в карцерах за протесты и пререкания с начальством. Мы сплотились, организовались для борьбы за наши человеческие права.

Тюремный быт был очень тяжелый. За малейшее улучшение приходилось упорно бороться. Нас стали выпускать на уборку снега возле своего корпуса, водили на стирку белья в прачечную.

В камерах мы жили коммунами, куда вместе с политическими каторжанами входили и уголовные. В коммунах мы все делили поровну.

Письма на волю нам разрешали писать раз в месяц — один почтовый листок и только родственникам по крови. Писать вызывали в коридор, где торжественно вручали перо, бумагу и чернила, так как в камере хранить указанные предметы не позволялось.

Процедура писания была такова: утром во время проверки желающий написать письмо должен был об этом заявить старшему, тот наводил справку в конторе и либо отказывал («срок еще не вышел»), либо же разрешал. Но само собой разумеется, что писать можно было исключительно о здоровье. Был такой случай: кто-то описал в самых общих чертах жизнь во 2-м корпусе. Зимберг сам возвратил письмо обратно и на проверке вечером сказал, что он вышибет «дурные мысли из башки у всякого, кто вздумает подобное писать». Автора письма лишили на полгода переписки и посадили на 7 суток в карцер. Такие условия были с перепиской.

Что же касается книг, то тут дело обстояло очень и очень скверно. Библиотека 2-го корпуса была более чем скудная, читать нечего, беллетристика совсем отсутствовала. Всего насчитывалось около ста книг, и то преимущественно религиозно-нравственного содержания, и кое-какие учебники.

Библиотекой корпуса ведал «князь»⁷ — помощник начальника крепости. Он категорически запрещал нам пользоваться книгами из общекрепостной библиотеки. На требование, заявленное всеми заключенными корпуса, «князь» передал нам слова Зимберга:

— Вы, скоты, никаких книг не получите, я вас сгною в камере.

Несмотря на все эти невзгоды, мы все же старались кое-чему учиться и учить других.

В моей камере, то есть в 12-й, мы занимались преимущественно языками, преподавали арифметику, грамматику и синтаксис солдатам и крестьянам. Были и общие камерные чтения. Политкаторжанин Яковлев читал вслух книгу о путешествиях Хансена⁸. Другой «политик», Жуков, читал свои переводы с английского языка.

Редкий месяц проходил во 2-м корпусе без стычек с начальством. Волнения обострялись еще тем, что тюремщики натравливали уголовников на политических каторжан. Ночью в могильной тишине корпуса какой-нибудь «Иван»⁹ вдруг пропост петухом. Надзиратель сообщает Зимбергу

В. Я. Ильмас в Шлиссельбургской крепости.
1909 г. (Публикуется
впервые.)

о «бесчинстве». А Зимберг сажает в карцер «политиков», якобы виновных в «происшествии».

Такого рода выходки имели место очень часто. Некоторые из нас по месяцу не выходили из карцера. Карцерный срок увеличивался произвольно, просто по усмотрению начальника.

Во 2-м корпусе большинство заключенных было из рабочих и крестьян. Поэтому для нас было очень важно, когда к нам попадали профессиональные революционеры, интеллигенты. Они занимались с нами, рассказывали о последних вестях с воли. Из других корпусов в наш переводили потому, что тут находились самые страшные во всей крепости средневековые карцеры — каменные мешки.

Так побывал в карцерах 2-го корпуса Ф. Н. Петров и революционеры-черноморцы Калашников, Конуп и Симоненко.

Много бед и всяких злоключений было в нашем тюремном быту. Но жили мы в камерах сложившимися коллективами и не давали себя разобщать.

Однажды «князь» объявил нашему товарищу Жукову, что его переводят в другой корпус. Жуков отказался наотрез, сказав, что только силой его могут разлучить с товарищами. «Князь» настолько растерялся после такой дерзости, что, пробормотав: «Начальник вас накажет», вышел. Новость эта скоро сделалась известной всем. Десятки каторжан поддерживали Жукова, и он остался с нами.

Каждая такая победа над тюремщиками радовала нас, укрепляла наши силы и сплоченность.

Проходили дни за днями, друг от друга особенно не отличаясь. Но бывали и события, бурно переживавшиеся всеми каторжанами.

В 11-й камере, соседней с нашей, сидели уголовные, в том числе и сахалинец Орлов. Так как наша 12-я камера была по своему составу самая большая политическая, то обычно все планы и проекты, задуманные каторжанами, сообщались нам для совета и одобрения. Так было и в данном случае. Как-то заключенные 11-й камеры сообщили нам план побега из крепости: из 11-й камеры должен быть разобран ход к нам в 12-ю камеру. Мы же в свою очередь должны были выпилить решетку крайнего окна у крепостной стены. Когда все будет

готово, каторжане должны выйти на крепостную стену, обезоружить там часового и убить его. Один из заключенных переоденется в его форму, захватит и убьет второго часового, спустится вниз и откроет камеры 2-го корпуса. Тогда беглецы перелезут через крепостную стену, захватят стоявшие у пристани лодки и переправятся в Шереметевку.

План этот осуществлен не был. Не прошло и суток, как к нам в 12-ю камеру пришла толпа надзирателей с винтовками наперевес. Нас выгнали в коридор, обыскали. Камеру всю перерыли и перестукали. Всех каторжан на неделю оставили без горячей пищи.

Можно было подумать, что после этой неудачи всякие попытки к побегу лишены смысла. Но не тут-то было.

Приблизительно в марте 1909 года в нашем корпусе произошли довольно крупные протесты. Их причина — грубое обращение надзирателей с заключенными и отказ каторжан снимать шапку перед тюремщиками. Нас таскали то отдельно, то группами в карцер.

Вот тогда-то и был придуман новый план побега. План такой: вечером, когда по одному человеку из каждой камеры выпускали в кухню за кипятком, нас всегда сопровождал старший надзиратель Котов. И вот во время такого маршрута в условленный день идущие за кипятком должны были накинуться на надзирателя, отобрать у него ключи, выпустить всех заключенных из корпуса и всем вместе бежать.

Помню, что этот план нас очень волновал. У некоторых закралась мысль: нет ли тут провокации?

Был назначен даже день для побега.

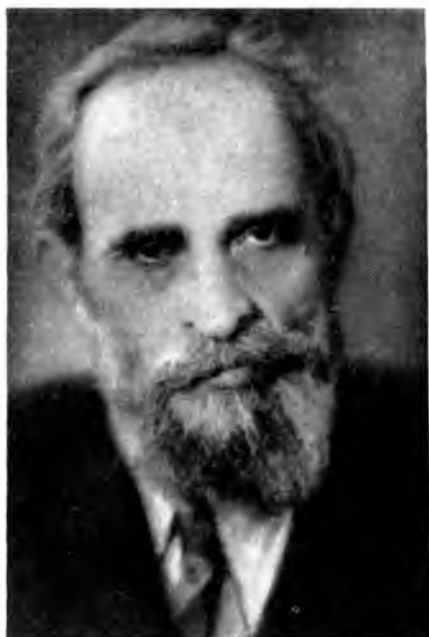
Но и этот план привести в исполнение не удалось. Зимберг узнал о готовившемся бегстве. К тому же накануне большая группа каторжан заявила недовольство недоброкачественной пищей. Вызвали начальство, предложили ему испробовать тухлую кашу. За такую «дерзость» около 25 человек посадили в карцер на 30 суток. Так как карцеров не хватало, то 6-ю камеру превратили в карцер, заколовив снаружи окна досками.

Сидя в темном каземате, мы пели песни, громко протестовали против насилий, которые совершались в крепости на каждом шагу. Чтобы утихомирить бунтарей, нам стали давать воду на 20 человек не более 5 кружек в сутки. Тюремщики выключили паровое отопление.

И без того ужасная сырая камера превратилась в холодильник. Чтобы не замерзнуть, приходилось все время ходить до полного изнеможения, до потери сознания. Кандалы у нас заржавели, впились в тело.

В карцере я отсидел 28 суток. Меня вызвали в контору и объявили, что ввиду окончания срока «испытываемых», согласно предписанию тюремной инспекции, я отправляюсь на этап.

Очень горько было, что мне даже не дали проститься с товарищами.

Н. М. Ростов.
1956 г. (Публикуется впервые.)

Н. Ростов

ЗА ТОЙ СТЕНОЙ

1

К часу дня поезд остановился у небольшой станции Шлиссельбург¹. Крепость мы увидели, только спустившись с обледенелого берега на ладожский лед. Вначале очертания «Острова скорби» были слабы. Легкий туман, поднимавшийся с незамерзавшей части Ладоги, обволакивал его. Мрачным пятном крепость серела на белом ледяном фоне. По мере нашего приближения отчетливее вырисовывались мрачные детали. Пройдя полпути по льду, мы свободно могли разглядеть высокие крепостные

стены, бастионы, башни. Новейшие постройки из красного кирпича резко выделялись на фоне строго выдержанного средневекового стиля. Обогнув слева крепостные валы, мы подошли к высокой четырехугольной Государевой башне, в которой был единственный вход в крепость. На башне над самыми воротами, сверкая золотом, горела надпись: «Государева». Тяжелые ворота раскрылись. Пройдя сквозь широкую арку в стене, мы очутились на переднем крепостном двореке...

Начальник Шлиссельбургской крепости Василий Иванович Зимберг принял нашу партию в небольшом коридоре у дверей канцелярии нового корпуса. Стараясь придать себе как можно больше важности, он произнес перед нами большую речь. Смысл ее сводился к тому, что мы очень опасные люди. Сидя в каторжной тюрьме, сумели завязать сношения не только с русской прессой, но и заграничной, возбудили необычайный шум вокруг каторги, чем причинили высшей власти множество хлопот. Сюда мы присланы на исправление.

— Здесь не будет того, что вы творили в Пскове. Да и Шлиссельбург не Псков. Сношений с внешним миром вы тут не наладите. А ваши протесты здесь будут бесполезны. Их услышат только стены да невские волны, — закончил он, как оказалось потом, стереотипной фразой.

Давно привыкшие к ораторским упражнениям начальства, мы стояли молча. Нас больше слов интересовали дела.

Когда все формальности приема были закончены, меня повели через крепостной двор мимо братской могилы воинов, павших при штурме крепости. Остановились у невысокой каменной ограды. Надзиратель позволил, и вскоре калитка раскрылась. Я вошел в другой дворик и прямо перед собой увидел знаменитую народовольческую тюрьму. Ничто абсолютно не изменилось в ее внешнем облике. Двухэтажная, с маленькими окнами, с крыльцом посередине, она напоминала рисунок с нелегального издания. Поднявшись на ступеньки, мы вошли в коридор. И там было все, как описывалось в воспоминаниях народovolьцев. Надзиратель указал мне одиночку и захлопнул тяжелую, окованную железом, дверь. И вот я в печально-знаменитой Шлиссельбургской крепости, в народовольческом корпусе, в одиночной камере.

Внутренний вид одиночки удивил меня своим необычным устройством. В камере было шесть углов. Дабы заключенный не укрывался от взоров стражи, передние два угла срезаны. Окно в камере расположено так высоко, что, стоя на полу, можно было видеть только клочок неба. Железная подъемная кровать прикована к стене. Напротив — вделанные в стену железный столик и табурет. В левом углу от входа — водопроводный кран, раковина и уборная.

Отопление было паровое. Над столиком висела небольшая электрическая лампочка. Пол когда-то был выкрашен в красный цвет, но за долгие годы одиночества в нем выбили широкую дорожку, и краска осталась только в углах. Что поразило меня, так это тишина в корпусе. Лишь изредка доносились издалека слабые звуки кандалов.

Утром прогулка. Я надеялся встретиться с товарищами. Но меня повели одного. Оказалось, что, согласно предписанию свыше, я подлежал строгому одиночному заключению. На прогулку повел старый надзиратель из бывших жандармов. Храня традиции крепости, он не проронил со мной ни звука, указав лишь рукой место прогулки. Обойдя корпус, я очутился на пустыре, с двух сторон охваченном колоссальной высоты стенами. Я сразу сообразил, что это бывшие огороды народовольцев. Следовательно, слева за высоченной стеной находится знаменитый, сооруженный еще шведами, Секретный замок, или крепость в крепости. Сооружение это занимало угол, омываемый Ладогой и Невой, между Королевской

Внутренний вид народовольческого корпуса.

1917 г.

и легендарной Светличной башнями. В этом месте крепостные стены имели семь сажен высоты. Замок был устроен как последнее убежище для гарнизона на случай падения крепости. После взятия Петром крепости внутри цитадели был выстроен Секретный дом, известный в истории под именем Старой тюрьмы. В качестве места заключения крепость была использована царизмом еще до постройки Секретного дома. Для этого пригодились крепостные башни, и в первую очередь сказочная — в полном смысле — Светличная. С прогулочного двора ее не было видно. Внешне осмотреть эту башню мне пришлось потом, когда я сам попал в один из ее чудовищных карцеров.

Княжеская, или Светличная, башня расположена была в углу внутренней цитадели. Состояла она из трех этажей. В очень давние времена два окна третьего этажа были пробиты в наружной стене и выходили прямо на Неву. Лет двести назад эти окна были заложены, и Светличная башня была абсолютно изолирована от внешнего мира. Вход в башню находился в маленьком дворике внутренней цитадели. Таким образом, чтоб попасть в Светличную башню, надо было пройти сквозь две крепостные стены. Это в наше время. А в старину вокруг Секретного замка внутри крепости был широкий канал с переброшенным через него подъемным мостом. И мост и канал были уничтожены лишь в XIX веке.

Во всем Шлиссельбурге Светличная башня представляла собой самое страшное место. Узники появились в ней уже в начале XVIII века. Следовавшие после Петра I один за другим дворцовые перевороты² поставляли «сидельцев» из лагеря знати. При восшествии на престол Анны Иоанновны в Светличную башню заточены были Бироном³ князья Долгорукие⁴. Там их пытали, и там же они были подвергнуты лютой казни. Новый дворцовый переворот привел в башню самого Бирона по дороге в Пелым. Наконец, в 1756 году во второй этаж Светличной башни был заточен низложенный император Иоани Антонович. Безвыходно провел он в башне восемь лет и тут же был убит при попытке освободить его офицером Мировичем⁵. Его камера существовала еще при нас.

Но не для одной опальной знати уготованы были казематы в Светличной башне. Нашлось там место и пред-

ставителям народных низов. Обращались с ними так, что без чувства ледящего ужаса нельзя об этом читать и поныне. Императрица Елизавета, как учат нас буржуазные историки, была женщина очень религиозная. Охраняя ортодоксальное православие, она нещадно истребляла всяких вольнодумцев и еретиков. Один из них — сектант Круглой⁶ — по ее указу был буквально замурован в каменном мешке башни. 21 октября 1745 года Круглой был доставлен в Шлиссельбург. Коменданту приказали «посадить его в палату такую, мимо которой бы народного хода также бы и в ней никакого не было, и у оной палаты, где посажен будет, как двери, так и окошки все закласть наглухо, в самом же скорейшем времени оставя одно малое оконце, в которое на каждой день к пропитанию его, Круглого, по препорции подавать хлеб и воду...»⁷ Круглой понял, что ожидает его в каменной могиле, и предпочел сразу покончить с жизнью. Он с первого дня отказался от хлеба, пил только воду. Может быть, в истории крепости это была первая голодовка. Тринадцать дней замурованный не прикасался к хлебу, а на четырнадцатый день нетронутой оказалась и вода. В течение недели стража окликала замурованного, но ответа не было. С разрешения сената каменный мешок был вскрыт, и, как доносил комендант Бокин, «Круглой явился мертв, и мертвое тело его в той крепости зарыто».

И в последующие годы казематы Светличной башни не пустовали. Один за другим входили туда представители только зарождавшейся русской революционной общественности. Одни под гнетом беспощадного режима быстро погибали, другие теряли рассудок, и лишь небольшое число возвращалось к жизни. Последним узником Светличной башни был знаменитый польский патриот и деятель национального освобождения Валерьян Лукасиньский. За подготовку народного восстания Лукасиньский в 1822 году был арестован царским правительством и, после девяти лет пребывания в польских тюрьмах... в 1831 году был переведен в Шлиссельбург. Тридцать семь лет он провел в этом застенке в состоянии абсолютного одиночества да плюс еще девять лет в тюрьмах до Шлиссельбурга. В этом же каземате Лукасиньский умер в 1868 году. После Лукасиньского в Светличную башню узников больше не сажали, ибо

к этому времени во дворе цитадели была выстроена государственная тюрьма на десять казематов. В этой тюрьме и содержались все государственные преступники, начиная с декабристов и кончая Михаилом Бакуниным⁸. От декабристов остался оригинальный рисунок, имеющий несомненное отношение к Светличной башне: «Каземат с орудиями пыток в XVIII веке, рисунок с натуры в 1826 году». Известный историк и писатель В. И. Семевский⁹ полагал, что рисунок сделан Н. А. Бестужевым¹⁰. Некоторые орудия пыток до того замысловаты, что, глядя на них ныне, мы даже не можем себе представить, как они употреблялись. Так, у серединной колонны стоит семиконечная звезда с острыми концами и с кольцом посередине. Вероятно, остриями кололи людей¹¹. У стены стоит таинственная машина с рукоятками. Длинный железный крючок для подвешивания за ребро расположен над люком в полу. Тут же валяются клещи, обручи для ломания суставов...

Все атрибуты императорской власти налицо. Не хватает лишь скипетра и державы.

И при Николае II вспомнили о Светличной башне¹². Ее исторические полуподвальные казематы были превращены в карцеры, самые жуткие и самые мрачные.

В эпоху первой революции, когда в Старой тюрьме уже никого не было, малый двор цитадели использовали для смертных казней. Как раз против окна камеры Иоанна Антоновича стоял эшафот, на котором нашли свою кончину Балмашев¹³, Каляев¹⁴, Коноплянникова...¹⁵

Все эти мысли мелькали в голове, пока я взад и вперед ходил у крепостной стены. Прошлое витало, да и поныне витает над крепостью. Ничто не в силах стереть его.

Незаметно прошло время. Надзиратель открыл дощатую калитку и пригласил меня в камеру. Я нарочито замедлил шаги, думая встретить кого-либо. Но напрасно. Во дворе было тихо и пустынно.

На следующий день меня вывели на прогулку опять одного, но уже в другое место. Обойдя корпус, я увидел ту же крепостную стену, но в левом углу стояла высокая круглая башня, называвшаяся Флажной. Прогулка происходила во дворе новой тюрьмы, там, где во времена народовольцев находились их прогулочные клетки. Надзиратель жестом предложил мне гулять по дорожке у

самого корпуса, дабы кто-либо, став на койку, не мог увидеть меня из окна. У дощатого забора, отделявшего огороды от двора прогулок, стояла скамейка, на которой разрешалось сидеть. Едва я сел, как со стен стаями ко мне стали слетаться голуби. Я понял, что на этом месте заключенные кормят их хлебными крошками. На следующий день я набрал в карманы хлеба, но попал опять в огород. Только через три дня я сумел заняться кормлением голубей. Они поразили меня своей доверчивостью. Точно ручные, голуби садились на колени, плечи, брали хлеб прямо из рук. В тогдашнем одиночестве это была приятная забава. Первые дни пребывания в Шлиссельбурге наша изоляция не только не томила, но была даже приятна. После бурных переживаний последних трех месяцев чувствовалась внутренняя потребность в отдыхе, внешнем покое. Но скоро этот режим стал неприятен. Изоляция доходила до смешного. Для стрижки и бритья заключенного из одиночки выводили к парикмахеру в коридор. Прежде чем вводить в корпус заключенных, стража снаружи оповещала внутреннюю охрану звонком. Часто во время бритья раздавался звонок. Надзиратель водворял сидящего уже с намыленным лицом заключенного в камеру, впускал вернувшихся с прогулки, выпускал новую партию, и лишь затем заключенный получал возможность закончить бритье.

Все это заставило меня обратиться с заявлением к начальнику о прекращении нелепого уединения. Ответ получил отрицательный со ссылкой на предписание Главного тюремного управления. К этому времени я уже сумел связаться не только кое с кем из псковской партии, но и с местными старожилами. Когда все наши настойчивые домогательства остались безрезультатными, мы решили прибегнуть к протесту. Считая, что этот вопрос касается только нас одних, и не желая впутывать в конфликт других заключенных, мы избрали самую безобидную форму протеста. Было решено, что псковская партия предъявит требование о прекращении нашей изоляции, а в случае отказа объявит своеобразную забастовку: не будет выходить из камеры. Так мы и сделали. В конце февраля предъявили на поверке требование об общей прогулке. Получили отказ, и на следующий день никто из камеры не вышел. Вечером помощник начальника, опросив каждого из нас, услышал:

— До тех пор, пока не прекратится изоляция, из камеры не выйду.

Потянулись длинные дни. Всякий раз надзиратель открывал дверь, приглашая на прогулку, получал один и тот же ответ и молча уходил к следующей камере, где повторялась та же сцена.

Прошел месяц. Сквозь ладожский туман и мрачные тучи, все время висевшие над крепостью, все чаще и чаще стало проглядывать апрельское солнце. Так и тянуло на двор подышать свежим воздухом, взглянуть на раннюю зелень.

Начальство несколько раз уговаривало нас прекратить забастовку, давало обещания дать общую прогулку, если мы смиримся. Но после столь долгого сиденья в камере уже не было смысла идти на капитуляцию. И мы продолжали отсиживаться.

Так длилось шестьдесят пять дней. После пасхи надзиратель, открыв дверь, провозгласил:

— На прогулку!

Я продолжал сидеть за книгой. Но вдруг увидел, что дверь осталась открытой, а надзиратель ушел открывать другую. Я выглянул в коридор — из камер выходили забастовщики.

Мы получили общую прогулку, но опять-таки только псковичи отдельно от местных аборигенов. На том пока и примирились.

2

По окончании забастовки наша шлиссельбургская жизнь потекла в спокойной обстановке. От остальной тюрьмы мы по-прежнему были отрезаны, поэтому не имели понятия о том, как живет вся тюрьма. Впоследствии оказалось, что условия были не так уж хороши, как то могло казаться нам после Пскова и петербургской пересылки. И здесь нашлось достаточно поводов для бесчисленных столкновений и конфликтов. Общие каторжные законы в Шлиссельбурге были столь же обязательны, как и в любом центре. Если грубое обращение (в особенности в 3-м корпусе) не было столь вопиющим, то только потому, что Зимберг избегал излишеств. Но зато здесь довольно широко практиковались карцеры, а порой даже розги.

Имелись в Шлиссельбурге и свои специфические издевательства. Медицинская помощь в центре была из рук вон плоха. Крепостной врач Шерман поражал невежеством и грубостью. Его обращение с заключенными носило в себе все элементы хладнокровного издевательства. Кончилось это уже совсем необычайно. Один из заключенных покушался на жизнь врача, легко ранив его самодельным ножом в руку. Только после этого эс-кулап был уволен.

Под стать доктору был и фельдшер. Его небрежность не имела границ. Был случай, когда одному больному он пустил в глаз не то лекарство, какое следовало, в результате узник потерял зрение.

Положение в больнице вызывало нескрываемый ропот среди заключенных. Негодование усиливалось в связи с массовой смертностью от чахотки, одно время принявшей в крепости грозные размеры.

Больше всего недовольства накопилось в Старой тюрьме, где содержались так называемые «волынщики». В отношении их администрация позволяла многое такое, чего не делала в других корпусах. Из Старой тюрьмы чаще таскали в карцеры Светличной башни, случаи применения розог имели место главным образом там.

Кто знает, может быть, все это сошло бы безнаказанно, если бы не новый фактор в нашей общественной жизни. Бурные выступления петербургских рабочих в связи с ленскими событиями 1912 года, первомайские забастовки и демонстрации, общий революционный подъем — все это хотя и с запозданием, но все же доходило до заключенных, будило во многих чувство активности, толкало на протест.

Как раз в это время в крепость прибыл новый помощник начальника Любенецкий, пытавшийся насадить в Шлиссельбурге порядки Пскова и подобных ему центров. На его грубости заключенные заявляли протесты. Их брали в карцер. Таких случаев в одном только июне было до тридцати. В ответ заключенные составили письменное заявление, в котором говорилось:

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем свой протест по поводу грубого обращения помощника Любенецкого, выражаем солидарность с наказанными товарищами и подвергаем помощника Любенецкого бойкоту, пока он будет находиться в пределах крепости».

Под заявлением подписалось до ста пятидесяти человек.

Явившись на вечернюю поверку, Любенецкий по обыкновению проговорил:

— Здорово, ребята!

Во многих камерах 2-го и 4-го корпусов заключенные стояли молча.

Предвидя неминуемость общего протеста, в 4-м корпусе, где находились наиболее авторитетные товарищи (Б. Жадановский, В. Лихтенштадт), была создана небольшая организация для руководства движением.

Мы же продолжали находиться вне всех этих событий. Поэтому начало беспорядков для нас явилось неожиданностью. Впрочем, не только для нас, но и для всего 3-го корпуса. В тюрьме вообще трудно провести массовое выступление в строго организованном порядке. А в Шлиссельбургской крепости это было еще труднее. Все четыре корпуса находились в разных дворах и были друг от друга совершенно изолированы. В итоге план общего выступления с самого начала был сорван. В то время как в 4-м корпусе готовились только начать борьбу, 2-й корпус после оскорбления Любенецким одного заключенного начал протест. Две камеры отказались повиноваться и были посажены в карцер. Узнав о беспорядках, из Петербурга приехал инспектор Лучинский, лишь подливший масла в огонь. Обходя камеры, он зашел к большевику Ф. Н. Петрову и обратился к нему на «ты». Петров не ответил и за это был посажен на 14 суток в карцер. Поведение Лучинского подбодрило Любенецкого, и 20 июня по его приказу трое протестантов политических были наказаны розгами. Через несколько дней факт этот стал известен в 4-м корпусе, где начался общий протест. До двухсот человек предъявили требование вежливого обращения, удаления Любенецкого, прекращения телесных наказаний. Всех протестантов посадили в карцеры или перевели камеры на карцерное положение.

8 июля вечером к нам через окна донеслись звуки «Марсельезы». Это было настолько неожиданно, что мы вообразили, будто поют шлиссельбургские рабочие, катающиеся на лодках. Звуки доносились издали, но пение было стройное. Наутро оказалось, что «Марсельезу» пели во 2-м корпусе, отделенном от нас семисаженной

стеной. По этому выступлению мы узнали о начавшихся в крепости беспорядках. На утренней прогулке несколько политических каторжан, гулявших отдельно от нас, во главе с И. Вороницыным присоединились к протесту и были немедленно посажены в карцер на 30 суток. Через некоторое время пришла наша очередь. Ничего не зная о характере выступления и его содержании, я заявил о необходимости присоединиться к ушедшим в карцер товарищам. Там мы сможем узнать, в чем дело. Пять человек из нашей партии согласились с этим и по возвращении с прогулки отказались входить в камеру. Тут же мы были отправлены в карцер. Но увы! Нас на этот раз совершенно изолировали от остальных товарищей. Так как карцеры были переполнены, нас поместили в какой-то дыре 1-го корпуса, по устройству своему напоминавшей псковские клетки. Камера была без окон, передней стены не было, вместо нее до потолка стояла железная решетка. Оказалось, что так был устроен весь 1-й корпус.

Между Государевой и Светличной башнями вдоль всей крепостной стены находилось длинное двухэтажное здание воинского караула. Казарма эта была надстрое-на и превращена в тюрьму. Но так как пробивать окна сквозь крепостную стену было немыслимо, то камеры остались без окон, получая свет из коридора сквозь железную решетку. Подобное устройство придавало камерам вид клеток в зоологическом саду. Вот почему 1-й корпус получил название «Зверинца».

Наша камера находилась у самой Государевой башни и имела отдельный ход. Никаких заключенных поблизости не было. Поэтому и здесь мы продолжали оставаться в неведении о событиях в крепости. Так длилось почти до конца беспорядков.

18 июля наконец удалось получить первые известия о положении дела. Оказалось, что накануне по распоряжению из Петербурга наиболее активных протестантов заковали и вывезли в Орел. Среди высланных были Б. Жадановский, И. Ионов¹⁶, Н. Билибин¹⁷, А. Конуп, З. Циома, а всего 14 человек. На следующий день был отправлен в Петербург и В. Лихтенштадт. Орловский централ — это совершенно достаточная угроза. Многие охотнее пошли бы на смерть, нежели на те муки, которые предстояли там. Вот почему после увоза товарищей

настроение пало. Отбывшие срок в карцере возвращались в камеры без всяких условий. Внешне протест окончился неудачно. Вернулись и мы в свои одиночки.

Июльское выступление дорого стоило многим. Одним из первых погиб матрос Письменчук, болезнь которого жестоко осложнилась в карцере. Вскоре совершенно больного перевели к нам в 3-й корпус и Ф. Н. Петрова. Но больше всех пострадали высланные в Орел. В этом прославленном застенке их подвергли совершенно исключительным истязаниям, систематически повторявшимся в течение долгого времени...

Кое-кому удалось вырваться из орловского ада, но большинство шлиссельбуржцев провело там весь срок.

Участие в протесте имело для нас, оставшихся в Шлиссельбургской крепости, совсем неожиданное последствие. В середине августа кончилась наша изоляция, и мы были влиты в общие прогулки 3-го корпуса. Хотя протест закончился без всяких официальных уступок и соглашений, но результаты его скоро сказались. В корпусах стало гораздо меньше поводов для столкновений. Многих политических из 2-го корпуса переместили к нам в 3-й. Сюда же вскоре был переведен из Петербурга и В. Лихтенштадт. 3-й корпус в большинстве своем снова стал политическим, и это накладывало известный отпечаток на поведение администрации.

3

После карцера я попал в новую одиночку на втором этаже окнами на Ладожское озеро. Но надежда, хоть украдкой, став на стол, взглянуть на широкий водный простор, не оправдалась. Крепостная стена была столь высока, что закрывала полностью весь корпус, за исключением крыши. Зато в окна явственно доносился шум волн, особенно в бурную погоду. Крепость лежит на острове у самого устья Невы¹⁸. Местами крепостные стены высятся прямо из воды. Целые века ладожские волны разбиваются об их гранит. Твердыня же стоит и в наши дни несокрушимой громадой. Только в немногих местах вокруг крепости имеется берег, растет зелень. Во время весеннего ледохода огромные глыбы льда

с треском налетают на крепость, разбиваются о стены. Весенний ледоход всегда давал себя чувствовать в крепости резким понижением температуры. Дальний лед проходил поздно. Поэтому среди теплых дней вдруг наступал холод, а иногда выпадал и снег. Так как отопление крепости прекращалось по-казенному — в установленный срок, то в такие дни мы изрядно зябли в камерах.

С наступлением тепла на нас обрушивалось уже настоящее бедствие в виде нашествия «шведов».

Приладожские болота кишмя кишели комарами и всеми видами болотных насекомых. Но больше всего там было фриганидов. Это небольшое коричневого цвета безобидное насекомое из сетчатокрылых на некоторое время превращало нашу жизнь в сущий ад. В крепости их прозвали «шведами», так как они прилетали с севера. Как только устанавливались теплые дни, тучи «шведов» снимались с болот и садились на крепость. Проникали они всюду, и нигде не было от них спасения. Сплошным живым ковром они покрывали в крепости все — крыши, стены, траву. Причудливыми гирляндами свисали с деревьев, с водосточных труб. Массами забивались в камеры, падали в пищу, чай. Жили «шведы», видимо, недолго, ибо по утрам их сгребали в огромные кучи, которые быстро разлагались, отравляя воздух. Каждый день без конца на тачках вывозили их за валы, сбрасывая в воду. В такие дни рыба обыкновенно близко подходила к крепости за богатой поживой. «Шведские» мухи приходилось за лето переживать дважды. Только похолодание избавляло от них.

После июльского протеста в тюрьме воцарились будни каторжного прозябания. Точно ладожские волны, мимо нас проходила жизнь. Мы были в стороне от начавшейся огромной революционной схватки годов подъема. Рабочее движение, вырвавшись из мертвых тисков эпохи реакции, внесло огромное оживление в общественную жизнь страны. Борьба на воле принимала гигантские размеры. Мы были вне всего этого. Вот почему наша тогдашняя жизнь так бедна красками. Лишь в следующем году, когда в крепость пришли политические каторжане уже новой эпохи, повеяло чем-то новым. Их рассказы, дышавшие энергией и верой в близость революции, всколыхнули даже тех, кто по-

рой начинал терять веру в близкое торжество своего дела. Новые каторжане прибыли к нам весной. А до этого мы пережили трагикомическую историю с «высочайшим» манифестом.

В 1913 году исполнилось 300 лет царствования Романовых. О юбилее предварительно было много шума, предвещали чуть ли не политическую амнистию. Не только родные на воле, но даже многие каторжане и те поверили, что их по манифесту отправят в Сибирь на поселение. Вслух строились планы, особенно мало-срочными, которым оставалось сидеть год, два. Скептики же, умудренные опытом или не желавшие пользоваться милостями царя, равнодушно прислушивались к бурным дебатам на прогулках.

Наконец настал день юбилея. Заочно принявшие манифест волновались, усиленно перестукивались, нервничали. Велико же было их разочарование, когда оказалось, что политических каторжан «милость» почти не коснулась. Несколько дней они ходили как потерянные, точно уже побывали на свободе и снова вернулись за крепкие стены тюрьмы.

Почти вся политическая каторга до 1913 года теснейшим образом была связана с эпохой первой революции. Это был в некоторой мере итог ликвидации первой революции восторжествовавшей монархией. Но в 1913 году появились новые люди. Одни пришли на каторгу вторично. Отбыв свой небольшой срок, они убегали из Сибири, возвращались к революционной деятельности и получали новый срок, хотя бы за один побег. Другие были новичками, попав на каторгу впервые за свою деятельность в условиях революционного подъема после ленинских событий.

Одним из первых прибыл к нам С. Орджоникидзе, арестованный после Пражской конференции, в самый разгар борьбы между большевиками и ликвидаторами. Он был тогда уже совершенно законченным большевиком-ленинцем, наиболее непримиримым и последовательным.

Орджоникидзе принес в Шлиссельбург большевизм, насыщенный содержанием послереволюционных годов. Еще до встречи с ним мы знали о нем, как о страстном последователе Ленина. С его появлением в нашем корпусе на прогулках политические страсти вновь раз-

горелись с невиданной силой. В этих схватках время проходило быстро, так что незаконченный спор приходилось возобновлять на следующий день.

Орджоникидзе был непримирим в отношении всего, что шло вразрез с его ленинскими установками. Воинствующий большевик — таким он был увековечен на рисунке нашего художника Сухорукова¹⁹.

С 1913 года в крепости... и жизнь стала легче: многое в нашем быту подсказало нам, что худшее — позади, что самый страшный отрезок нашего пути пройден и недолго уж осталось волочить постылую железную цепь.

Весной нам разрешили работать на огородах, созданных еще нашими предшественниками-народовольцами. За последние годы площадь эта находилась в запустении. Кругом валялись остатки строительного материала, который надо было убрать. После семи лет одиночного заключения я впервые взялся за носилки. Поработав полдня, после обеда я уже не мог приняться снова. Все мускулы так болели, точно кто-то истязал мое тело плетью. Так было и с другими. Через некоторое время мы, однако, привыкли. Работали с большой охотой, выращивали овощи и цветы. От обилия света и воздуха порой кружилась голова: так это было необычно.

Для удобрения грядок мы решили использовать «шведов». Вырывали большие ямы и зарывали их там, чтобы они сгнили, а затем откапывали и клали на грядки. При этих земляных раскопках мы иногда натывались на диковинные вещи. Однажды я нашел огромное круглое ядро с двумя петлями по краям. Некоторые товарищи находили образцы старинного холодного оружия. Но эти находки были мелочами в сравнении с открытиями в других местах.

В 1913 году во дворе 2-го корпуса, примыкавшем непосредственно к Светличной башне, производились земляные работы. На глубине двух метров работавшие наткнулись на человеческие кости. Оказалось, что это были могилы здесь же казненных С. В. Балмашева и З. В. Коноплянниковой. Останки двух революционеров немедленно были унесены начальством и, по видимому, уничтожены. Многие таит в себе не только наземный, но и подземный Шлиссельбург...

Рано наступила осень, пришедшая под завывание ладожских ветров. Прогулки становились менее оживленными, иногда весь час мы простаивали под небольшим навесом, ежась от холода и укрываясь от проливного дождя.

Я вспомнил о своей старой профессии и начал работать в переплетной мастерской. Еще до меня там устроились Вороницын и Барышев²⁰.

Вместе с нами сидел известный максималист и переводчик В. Лихтенштадт. Его мать Марина Львовна, горячо привязанная к сыну, чуть ли не всю свою жизнь посвятила нуждам политических каторжан Шлиссельбурга. Велика и беспредельна была ее заботливость о нас. Пользуясь всеми возможностями, она снабжала нас вещами, деньгами, книгами. Через Марину Львовну мы связались с парижским комитетом помощи политическим каторжанам, во главе которого стояла Вера Фигнер²¹. От этого комитета я часто получал денежные переводы, несмотря на то что мою фамилию по-французски коверкали до неузнаваемости.

Марина Львовна явилась главной поставщицей работ для переплетной мастерской. Факт этот открыл новую страницу в нашей шлиссельбургской жизни. Переплетая книги, мы прежде всего сами читали их. Марина Львовна заботилась о том, чтобы переплетали периодику, журналы. Запрещенные «Русское богатство»²², «Современный мир»²³, большевистское «Просвещение»²⁴ приходили к нам с небольшим опозданием. Но мало читать самому и потом сообщать товарищам на прогулках. Мы стали вырывать из журналов наиболее интересовавшие нас отделы и тайно проносить их в камеры. Переплетенные книги возвращались несколько тощими, но это протестов не вызывало. А потом стали присылаться журналы специально для нас. Мы без зазрения совести кромали их, возвращая обратно всякий хлам.

От журналов перешли к книгам, получая интересовавшие нас и отправляя на волю никому не нужные экземпляры. Таким образом я получил «Историю России» М. Н. Покровского²⁵. Воспользовавшись тем, что у Покровского было много хорошо исполненных гравюр древнеславянской иконописи, я надел на книги обложки

известного труда Е. Голубинского «История русской церкви», а самого Голубинского вернул на волю под обложками истории Покровского.

Возможность читать журналы и интересные книги была для товарищей настоящим праздником. Правда, пользовались этим лишь те, кому можно было вполне доверять. Но таких было много в нашем корпусе.

В работе, чтении время летело. Миновала зима. Весна в 1914 году была ясная, теплая. Лето установилось жаркое, сухое. На огромных болотах в окрестностях то здесь, то там вспыхивали пожары. Горел торф. Дым стлался по озеру, проникал к нам. Солнце казалось необычайно багровым сквозь дымную пелену.

Известия с воли день ото дня становились все более тревожными и более радостными. Надзиратели в мастерской, ездившие в Петербург за материалами, иногда проговаривались:

— Большие в столице беспорядки...

О непрекращающихся забастовках и демонстрациях мы узнали также из журналов. Настроение у всех повышалось. Из Смоленского централа перевели к нам доктора Эйхгольца, довольно популярного в то время тюремного врача-общественника (насколько это выражение вообще может быть применено к тюремному врачу той эпохи).

Доктор Эйхголец своей деятельностью быстро заслужил доверие каторжан. С ним мы часто вступали в беседы, узнавали от него разного рода новости.

Было 14 июля. После обеда мы вышли на прогулку. Наши садовники, поливая цветы, тихонько сообщили, что надзиратели чем-то сильно взволнованы. В это время во дворике появился Эйхголец. Быстро проходя мимо нас, он шепотом обронил:

— Черт знает что такое, объявлена война...

Повернулся и ушел.

Это было совершенной неожиданностью. В первое время мы даже не могли себе представить весь размах событий, до того далеки были мы от жизни. Но затем окружавшая нас стена неизвестности рухнула. Каждый день приносил новое необыкновенное известие. Помню, как поразило нас убийство Ж. Жореса²⁶. Все мы прекрасно знали это имя. Но почему Жорес пал в связи с объявлением войны, мы не только не знали, но даже

понять не могли. Где-то около нас, рядом, начиналась совсем новая страница истории. Мы же продолжали пребывать невольными свидетелями грандиозных событий, лишенными возможности даже ориентироваться как следует во всем происходившем.

Война сразу же сказалась на тюремном режиме. Он заметно ослаб. Нам разрешили даже получать официальные газеты. По вечерам, сидя у себя в камере, мы читали «Правительственный вестник», а под его прикрытием — изредка нелегально получавшиеся другие газеты. Таким образом, в сентябре — октябре мы уже имели достаточно сведений о случившемся. Это позволило и нам создать свой взгляд на события.

Течения политической мысли на воле нашли своих приверженцев и в крепости. По вопросу о войне у нас совершенно отчетливо обрисовались три течения. Одни безоговорочно стали на позиции оборончества. Тогдашняя Россия в союзе с демократами Запада должна была победить Германию, этот оплот юнкерского владычества. Иной была позиция революционных оборонцев. Эти не были противниками поражения Германии, но победу должна была одержать революционная Россия. А для этого следовало использовать войну прежде всего для нанесения удара самодержавию. Наконец, третья группа сразу стала на позиции интернационализма, со всей яростью призывая громы и молнии на головы всех империалистов. Они вообще не признавали войны и звали к восстанию против империализма, виновника бойни. Первая группа состояла из социалистов-революционеров и части меньшевиков. Во второй было большинство меньшевиков. В третью входили большевики во главе с С. Орджоникидзе. Между этими тремя группами началась ожесточенная полемика. Спасало нас только наше пребывание в одиночках. Спорить можно было лишь на прогулках и в бане. Несмотря на то что аргументы каждой группы десятки раз были повторены, споры неизменно повторялись каждый день при первой же встрече противников. При этом споры иногда принимали совершенно исключительные формы. Так, в пылу полемики один социалист-революционер оборонец крепко ударил Орджоникидзе банной шайкой по голове.

В течение первого года войны все шло как будто согласно взглядам оборонцев. Но в 1916 году положе-

ние резко изменилось. Даже нам, сидевшим за высокими стенами, видно было, в какую бездну влечет царизм страну. Поражения на фронте говорили о неизбежных конфликтах внутри страны. Как и в 1905 году, мы снова стояли перед возможностью внутренних потрясений. Чем больше тревожных симптомов накапливалось за стеной, тем больше растерянности мы наблюдали в рядах нашего начальства.

...28 ноября 1916 года кончился мой десятилетний срок. Еще за месяц до этого я бросил работу в переплетной мастерской. Все помыслы были там, на воле. Правда, воля была своеобразной и выражалась в форме ссылки в далекую деревушку где-либо на Лене. Но это все же была не каторга. Надо было готовиться к длительному пути.

...Только тот, кто долгий десяток лет провел в каменных одиночках, волоча по асфальтовому полу железную цепь, поймет, каким счастливым краем издали казалась далекая сибирская ссылка...

Виктор Викторович Колосовский.
1916 г.

В. В. Колосовский

НАША БИБЛИОТЕКА

После освобождения из Шлиссельбургской крепости народовольцев тюрьма несколько лет пустовала¹.

Революция 1905 года закончилась массовыми арестами, казнями и приговорами к каторжным работам. Тюремное ведомство вновь вспомнило о Шлиссельбургской крепости. Там были использованы не только имеющиеся застенки, но и построен еще новый четырехэтажный корпус.

Крепость заселялась каторжанами, для которых был установлен особо строгий режим. Первые заключенные нашли в тюрьме всего несколько десятков книг религиозного содержания, которыми распорядился один из надзирателей.

С приходом в Шлиссельбург политкаторжан-революционеров началась упорная борьба за расширение библиотеки. Много книг привозилось родными при ежемесячных свиданиях. Библиотека пополнялась. Размещение, учет и хранение книг стали требовать четкой организации. С такой работой не мог справиться надзиратель, и, естественно, встал вопрос о привлечении к ней самих заключенных.

Приговоренные к вечной каторге заключенные В. Д. Малашкин² и В. О. Лихтенштадт были основателями библиотеки и работали в ней все время существования тюрьмы, вплоть до освобождения всех заключенных в феврале 1917 года.

В связи с тем что в книгах, поступавших с воли от родных, была обнаружена тайная переписка путем отметки точками букв на каждой странице, этот вид снабжения тюрьмы книгами скоро отпал и основным пополнением библиотеки стала выписка книг самими заключенными.

Режим каторжной тюрьмы предусматривал полуголодное существование заключенных. Поэтому каждый из них имел возможность тратить из получаемых им с воли или из заработанных в мастерских денег на свои нужды только 4 рубля 20 копеек в месяц³. Этих денег хватало на махорку, мыло, почтовые марки и изредка на кусок масла или сала. На приобретение книг средства не ограничивались, что давало возможность некоторым товарищам ежемесячно выписывать литературы на 10—15 рублей.

С первых же лет заполнения Шлиссельбурга политкаторжанами матери заключенных, живущие в Петербурге, организовали комитет помощи заключенным, который иногда назывался «политическим Красным крестом». Постоянно работали в этом комитете Бибергаль, Колосовская, Кругликова, Лихтенштадт, Пумпянская и многие другие родственники каторжан⁴.

Этот комитет развил значительную деятельность, которая не ослабевала до самого освобождения заключенных. Периодически комитет организовывал передачи продовольственных продуктов и табака в больших количествах как «пожертвование» для заключенных. Эти передачи, допускаемые перед большими церковными праздниками, были для заключенных некоторой поддерж-

кой, особенно необходимой во время войны в 1915 и 1916 годах, когда казенное питание каторжан сводилось к выдаче хлеба, гречневой каши и миски слегка заправленной горячей воды, называемой супом. Повседневной же работой комитета была доставка разными путями книг и наличных денег в мелких купюрах.

Непосредственно с воли в индивидуальном порядке книги для заключенных уже не принимались. Членам комитета приходилось постоянно изменять методы пересылки книг в крепость.

Установилась целая система, которая действовала до самых последних дней пребывания каторжан в Шлиссельбурге.

Раз в месяц библиотекари составляли списки выписываемых книг. Из этого списка начальник тюрьмы вычеркивал все книги, имеющие, с его точки зрения, неблагонадежные названия, особенно по социологии и философии. Урезанный список посылался на утверждение Главного тюремного управления, где он подвергался вторичной и столь же свирепой обработке. Утвержденный и разрешенный список книг вновь поступал в библиотеку тюрьмы и направлялся в издательство П. Сойкина⁵ для исполнения.

Члены комитета, связанные с издательством, принимали активное участие в подборе книг. Кроме того, все расходы по упаковке и пересылке литературы комитет брал на свой счет.

Тогда же у членов комитета, по подсказке шлиссельбургских узников, возникла мысль — в книги с самыми невинными названиями вплетать запрещенную в тюрьме литературу. Делалось это таким образом: в какой-либо духовной книге бралась первая тетрадка в 16 страниц с заголовком и титульным листом, а с 17-й страницы вплеталась брошюра запрещенная.

Такую замену сделать было не так просто, так как оттенок бумаги, шрифт текста и заголовков — все должно было быть совершенно одинаково как в 16 страницах основной книги, так и в «начинке», вплетенной с последующей страницы. Сперва робкими шагами, далее все смелее и смелее библиотека стала пополняться запрещенной литературой.

«Начинка» обязательно вплеталась в книгу, второй экземпляр которой без «начинки» уже имелся в библио-

теке или присылался в нее одновременно с первой. Обе эти книги заносились в каталог и получали свой номер, но книга с «начинкой» после общего номера имела звездочку. Дубликаты книг без «начинок» после инвентарного номера обозначались римскими цифрами.

Крепостная библиотека, в особенности запретная литература, представляла для заключенных источник жизненной энергии и силы. Оторванность каторжанина от политической жизни влияла на его настроение, вызывала у некоторых сперва апатию, а потом и отчаяние, доходившее до убеждения в бесполезности дальнейшего существования в заточении. Свежая струя, приносимая нелегальной литературой, восстанавливала интерес заключенного к жизни, укрепляла его волю к борьбе и в конечном счете спасла не одну сотню политкаторжан.

Книги с «начинкой» выдавались в основном в одиночные камеры по очень строгому выбору и в те общие камеры, где возможность их провала была минимальной. Содержание «начинок» знали на память только библиотекари. О новинках нелегальной литературы сообщали товарищам при личной беседе во время обмена книг.

Комитет помощи заключенным имел возможность пересылать в библиотеку книги и в редких случаях популярные журналы старых лет. Политкаторжан же, особенно во время мировой войны, интересовали современные толстые политические журналы, чтение которых давало представление о настроениях на воле.

Получение таких только что вышедших из печати журналов через издательство Бонч-Бруевича⁶ было абсолютно невозможным.

Пришлось искать другие пути. Были использованы возможности, которые открывали переплетная мастерская крепости, а также переплетная соседнего шлисельбургского завода.

Комитет помощи заключенным установил связь с заводом и нашел там группу рабочих, сочувствующих революции. Эти товарищи с большим риском согласились переплетать книги по методу «начинки». В мастерскую завода нужные журналы доставлялись членами комитета.

Этот способ оказался надежным и не вызывал подо-

зрений администрации, так как из переплетной возвращалось количество изданий в точном соответствии с их описью при сдаче.

Так библиотека тюрьмы пополнялась самой свежей периодической литературой, дающей заключенным энергию и силы для преодоления жуткой каторжной действительности, с ее голодом, кандалами и одиночеством.

В переплетах книг поступали в крепость и деньги, собранные комитетом.

К сожалению, фамилии товарищей из переплетной мастерской шлиссельбургского завода не сохранились. Это были настоящие герои, ни перед чем не останавливавшиеся ради помощи узникам.

К началу 1916 года библиотека крепости представляла собой солидное книгохранилище. В ней насчитывалось около 10 тысяч томов — собственность библиотеки — и почти 2 тысячи экземпляров учебников и справочников, принадлежавших отдельным заключенным и приобретенных на личные средства. Эти книги поступали наряду с основным фондом также в общее пользование всех заключенных. Читатели-каторжане могли иметь на руках одновременно не больше трех книг, а потому некоторые учебники и справочники часто сдавались и вновь брались из хранилища.

В основном фонде библиотеки были все классики, как русские, так и иностранные; много литературы художественной, технической, исторической.

В тюрьме в это время содержалось более 950 заключенных. Обслуживали их 4—5 библиотекарей. Кроме указанных уже Лихтенштадта и Малашкина работали Закгейм⁷, Колосовский, сменивший Калашникова и В. Н. Левтонова⁸.

1909—1910 годы ознаменовались в крепости большими протестами, голодовкой заключенных и гибелью десятков каторжан. Шлиссельбуржцев поддерживали петербургские студенты и рабочие. По поводу волнений в крепости был запрос в Государственной думе⁹. В результате каторжане добились некоторых «свобод».

Были отменены вставание перед начальниками во время утренней и вечерней поверок, снятие шапок при встрече с офицерским составом тюремщиков. Надзирателям запретили называть политических заключенных на «ты». Так как по инструкции администрация

тюрьмы не имела права называть «лишенных всех прав» на «ты», то установилась прочная привычка объясняться в третьем лице. Так, начальник тюрьмы Зимберг при объяснении с библиотекарями говорил: «Довожу до сведения библиотекаря, что из составленного списка нужно вычеркнуть следующие книги...» В тон ему следовал ответ: «Сообщаю начальнику тюрьмы, что...» Разрешили свободное передвижение библиотекарей по всем корпусам и камерам без ограничения времени на беседы с читателями.

В. Н. Левтонов.
1924 г. (Публикуется впервые.)

Такое привилегированное положение библиотекарей дало им возможность стать связующим звеном между разобщенными корпусами и камерами. Так библиотека постепенно превратилась в штаб политкаторжан.

Пользуясь свободой передвижения и личными беседами с любым заключенным, библиотекари в 1916 году провели сперва анкетный сбор сведений о самих заключенных, а позже в письменной форме выявили мнения политкаторжан по целому ряду актуальных тем.

В то время едва ли не самым злободневным был вопрос об отношении к войне. Среди заключенных были ярые сторонники «оборонцев» и «пораженцев». Их споры в общих камерах, а у сидящих в одиночках — на общих часовых прогулках дали возможность многим товарищам, не искушенным в теоретических вопросах, составить себе твердые политические убеждения.

За год до революции в Шлиссельбургской крепости наряду с профессионалами-революционерами была прослойка революционеров-аграрников. Среди них при-

В. В. Колосовский.
(Публикуется впервые.)

шли на каторгу активные участники крестьянских волнений. В их числе были товарищи, смутно разбиравшиеся в партийных программах. Общаясь в крепости с профессионалами-революционерами, они из года в год повышали свою грамотность и обогащались знаниями. К моменту освобождения, пройдя «каторжный университет», многие из этих товарищей стали убежденными большевиками.

В самом большом, 4-м, корпусе в больших общих камерах выбирался староста. В относительно маленьких 1-м, 2-м и 3-м корпусах, состоявших преимущественно из одиночек, выбирался староста корпуса. Библиотекари,

повседневню общаясь со старостами, могли влиять на настроения каторжан и нередко определяли решение для всей каторги. К таким важным вопросам относились: исключение заключенного из политического коллектива, переговоры с начальником тюрьмы по всем возникающим недоразумениям, возглавление протестов и, наконец, как самое крайнее средство, объявление голодовки. Те из каторжан, которые уклонялись от общих решений, исключались из коллективов и переходили на положение бойкотных в особые камеры, называемые «сучьими кутками».

Особое значение имело накапливание наличных денег у коллектива. Они были необходимы для оканчивающих срок каторжных работ и уходящих в Сибирь на поселение по этапу.

На этапах вместо пищи заключенным выдавали на руки по несколько копеек в день, на которые они сами покупали себе съестные припасы. Во время войны при значительном подорожании продуктов получаемых денег едва хватало на хлеб и махорку. В случае если пребы-

вание на этапе затягивалось, поселенцы от длительного недоедания теряли силы и часто приходили на назначенное место совершенно истощенными.

Уходящие на этап из Шлиссельбурга снабжались наличными деньгами, которые обычно зашивались, свернутые в продолговатую трубочку, во внутренние швы брезентовых вещевых мешков. По дороге швы распарывались, и рубли и трешки шли на самые необходимые покупки, которые поддерживали силы больших и слабых товарищей.

Все наличные деньги поступали в библиотеку. Хранились они в искусно подрезанных переплетах таких дубликатов книг, которые никогда не выдавались читателям.

В конце февраля 1917 года одна из книг с «начинкой» случайно попала в камеру уголовного инженера де Ласси. Ему не трудно было установить наличие «начинки» и понять ее значение для заключенных. В угоду администрации тюрьмы за предоставляемое ему привилегированное положение де Ласси сообщил о своем открытии начальнику тюрьмы. Ожидалась строгая ревизия всей библиотеки и изъятие большинства книг, а может быть, и ликвидация библиотеки.

Заключенные с отчаянием ожидали надвигающейся катастрофы. Всем было ясно, что отсутствие книг не даст возможности продолжать работу «шлиссельбургского университета» и тем поставит почти всех заключенных, особенно сидящих в одиночных камерах, в отчаянные условия существования.

Вопрос о мерах наказания де Ласси горячо обсуждался во всех камерах, во всех корпусах.

Но Главному тюремному управлению было уже не до библиотеки Шлиссельбургской крепости¹⁰. 28 февраля 1917 года волею восставшего народа заключенные были освобождены из «государевой темницы».

А. К. Кукобин.
1931 г. (Публикуется впервые.)

А. Н. Кукобин

ПРОТЕСТ 1912 года

Весь путь моей шестилетней каторги и трехлетней ссылки в Сибири испещрен эпизодами, ярко иллюстрирующими систему истребления всех, дерзнувших словом, действием или просто одним только помыслом выразить недовольство полицейско-жандармским самодержавным строем царской России.

В сущности, если считать годами, то не слишком долг этот путь: каторги шесть, а ссылки всего только три года. Но физические и моральные результаты этого «недолгого» срока знает не всякий, и для того чтобы представить себе его последствия, я опишу здесь один эпизод, имевший место в Шлиссельбургской крепости.

Шлиссельбургская тюрьма отличалась многим от других центральных тюрем. Прежде всего она распо-

ложена на маленьком острове у самого истока р. Невы. Связь с внешним миром поддерживается летом только катерами и лодками. Заключенным поэтому почти совершенно приходилось оставлять мысль о побеге. Удачный побег из крепости, стена которой имеет высоту 14, а толщину 15 метров, невозможен. Кроме того, водное пространство является второй крепостью, окончательно заставляющей отбрасывать мысль о «досрочном освобождении»¹. Сообщение заключенных с волей в Шлиссельбурге также было несравненно более трудным, нежели из других тюрем.

Из-за дикой вековой стены Шлиссельбургской крепости не слышно ни лязга цепей, ни воплей протестующих против экзекуций, производимых тюремщиками-жандармами. Там было тихо, точно в могиле, а плеск волн Невы делал эту тишину еще более таинственной. Администрация, учитывая эти обстоятельства, могла, казалось бы, свободно проводить в жизнь все способы утонченного издевательства и истребления обитателей шлис-сельбургских застенков.

Эту возможность она никогда не забывала и широко ею пользовалась.

Двенадцать специальных карцеров почти всегда были заполнены, а когда их оказывалось недостаточно, то несколько камер или даже целый корпус отводились также под карцер.

В 1912 году после Ленских событий и вообще ввиду оживления революционной деятельности усилились и строгости тюремного режима. Администрация Шлиссельбурга в унисон реакции поспешила дать себя почувствовать заключенным. В этот момент она применила такие способы унижения человеческого достоинства, которые не всегда применялись в других тюрьмах даже к уголовным каторжанам.

В крепости нередко бывало высшее тюремное начальство, указывавшее, что режим Шлиссельбурга не строже более «культурных» европейских тюрем, на который жаловаться нельзя.

Тогда же, в 1912 году, в июне, точно электрический ток, все корпуса крепости облетела весть, что к трем товарищам политкаторжанам (фамилии не указываю) было применено телесное наказание за якобы некорректное обращение с надзирателем.

В нашу камеру была передана записка, кратко сообщавшая о случившемся и предлагавшая на этот вызов тюремной администрации ответить протестом против телесного наказания, отказавшись от подчинения и вообще от выполнения тюремной дисциплины.

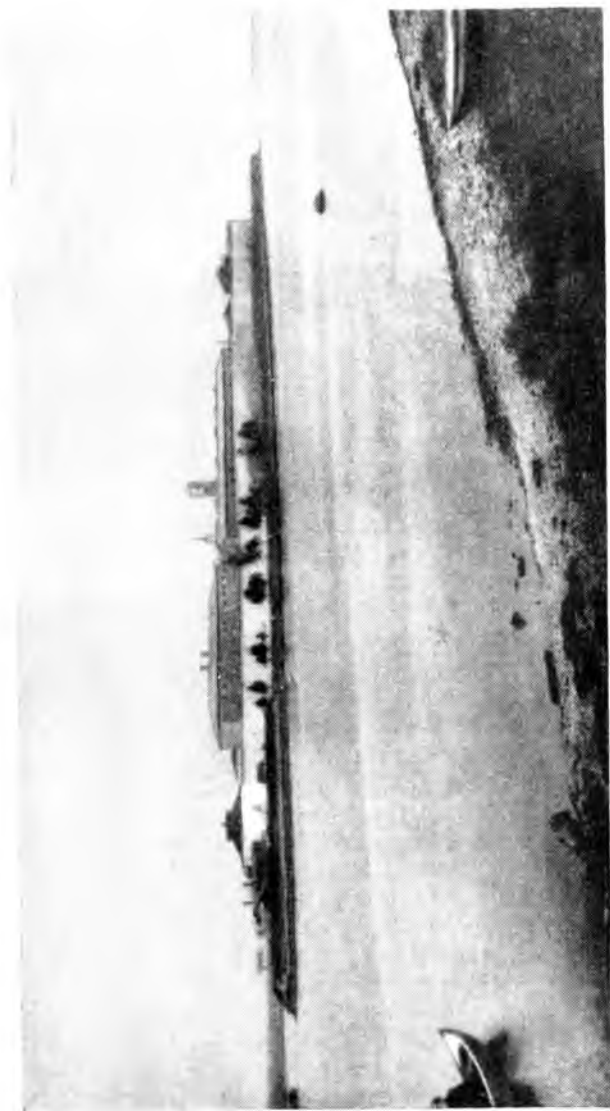
Следует заметить, что в Шлиссельбургской крепости, где целыми десятилетиями заключенные лишены были возможности организованным порядком выражать свой протест против жандармского насилия, массовый протест заключенных для администрации тюрьмы и высшей тюремной власти был чем-то необычайным, что должно было повлечь за собой необычайные же последствия.

Получив сообщение о случившемся и после обмена мнениями со всеми находившимися в камере 15 заключенными, к протесту решили присоединиться только четверо: я, Лукс², Андерсон³ и, кажется, Рейнфельд⁴. Остальные по разным причинам отказались: одни уже были обезличены тюремным режимом и долголетним заключением, совершенно убившим в них дух борьбы и революционности, а другие по роду своей судимости не принадлежали к категории политических. Такое отсутствие солидарности создавало в камере некоторое пессимистическое настроение, но жестокий факт варварской расправы вызвал бурю негодования, жажду борьбы и мести. Хотелось скорее увидаться с товарищами из других камер и корпусов и поговорить о способе отпора зарвавшимся тюремщикам.

9 июля было днем (если не изменяет мне память) начала протеста⁵. Протест должен был выражаться во всем, что противоречило бы общему порядку в тюрьме, что нарушало бы тюремный режим и дисциплину, а в каждом поступке протестующего должно было выявляться полное презрение к администрации.

Конечно, такое положение вещей не могло долго продолжаться; в первый же день администрация тюрьмы должна была что-то предпринять, как-то реагировать на наш протест.

Так и получилось. В течение всего 9 июля мы использовали все имеющиеся в нашем распоряжении средства, причем администрация все время старалась избегать соприкосновений с заключенными. Последняя форма протеста в этот день — не стать на вечернюю по-

Шлиссельбургская крепость.
Фото 1912 г.

верку — должна была решить положение нас четверых, как и всех остальных участников.

Мы не представляли себе числа присоединившихся к нам товарищей, так как все четыре корпуса тюрьмы были совершенно разобщены между собой и всякое сообщение между ними, и всегда не легко удававшееся, в это время было, конечно, всемерно затруднено. Между тем именно сведения о количестве участников протеста нас интересовали больше всего.

В этот день у нас оставалось последнее средство протеста — не стать на поверку по два в ряд и не отвечать помощнику начальника тюрьмы на его «здорово».

Приближался роковой вечерний час поверки. Все находившиеся в камере, кроме нас, четверых, нервничали, разговаривали мало и быстро ходили по камере, подняв необыкновенный кандалыный звон. И казалось: им этот час был более мучителен, чем нам. Они с нетерпением ждали, что произойдет сейчас у них на глазах, а мы знали, что сегодня в камере почевать не будем, что сегодня же увидим многих товарищей из других камер и корпусов и узнаем все подробности о случившемся. Этого только мы и хотели.

Наконец в одном из коридоров нашего 4-го корпуса послышался свисток — сигнал, говорящий о поверке по камерам. По обыкновению, все стали по одну сторону попарно в ряд за исключением нас троих. Товарищ Лукс в то время уже был вызван из камеры и обратно не возвратился. Мы трое расположились, как кому вздумалось: я стал к окну, т. е. спиной к входящему помощнику начальника тюрьмы и его свите, другой товарищ начал ходить по камере, делая вид, что он никак не реагирует на приближающуюся процедуру поверки, а третий тоже предпринял что-то в этом роде. Вдруг зазвенела связка ключей, и дверь распахнулась. В камеру влетел помощник начальника тюрьмы с ватагой надзирателей и, вместо обычного «здорово», быстро подскочил ко мне с криком: «Ты почему не стоишь как следует на поверке?» Я едва успел ответить ему: «За нечеловеческое обращение с товарищами не желаю подчиняться», как вдруг на меня с шумом дико набросились несколько надзирателей... В результате, не помню уж как, я очутился в коридоре. У противоположной стены коридора

я увидел группу товарищей, выброшенных из других камер. Остальные двое моих сокамерников вслед за мной вскоре также очутились за дверями.

Как только окончилась поверка в нашем коридоре, нас, всего около 40 человек, представили лично начальнику тюрьмы Зимбергу, именовавшемуся заключенными «чухной». Зимберг обратился к некоторым товарищам с вопросом: «Как твоя фамилия?» Не получив ответа, он побагровел и произнес «приговор»: «На тридцать суток в карцер, а кто без кандалов — заковать». Последовала команда «направо шагом марш» и т. д. Нас увели.

Этим окончилась первая часть выступления, представлявшего результат перенапряжения нервов, ненависти и злобы к палачам и чувства мести за оскорбление товарищей. Выслушав «приговор» и команду, мы направились вниз по лестницам к выходу. Окрик тюремной стражи указал нам дорогу во 2-й корпус — изолятор (бывшая Старая тюрьма), который находился в углу крепости, примыкая одной стороной к крепостной стене, а другой — к Светличной башне, где имелось несколько карцеров и камера царевича Иоанна Антоновича, которая в качестве «исторической» всегда оставалась свободной и запертой громадным висячим замком. Кроме того, этот 2-й корпус, находившийся внутри крепости, был отделен особой высокой стеной от других трех корпусов, где содержались остальные заключенные.

Войдя в него, мы узнали, что все 12 камер на нижнем и верхнем этажах превращены в карцеры, куда должны были быть помещены участники протеста. В одну из этих камер на нижнем этаже нас и поместили. Вместе со мной было брошено еще 14 человек. В камере, как и полагалось для карцера, кроме параша, ничего не было. Сидеть можно было только на асфальтированном полу или на корточках. Если же принять во внимание, что дело происходило в июле — августе на севере, когда со стороны Ладожского озера всегда подувал свежий сырой ветер, а одеты мы были по-летнему (парусиновые брюки и бушлат), то, ложась спать на асфальтовый пол, можно было вполне рассчитывать получить воспаление легких, ревматизм или еще какую-либо иную болезнь.

Оставшись одни, мы первым делом установили пере-

стукиванием связь с боковыми и верхней камерами, дабы узнать, кто в них помещается, из каких корпусов и как происходило там начало протеста. Спустя несколько минут удалось узнать, что все камеры этого корпуса и остальные специально приспособленные для этого случая карцеры заняты участниками протеста. Прошло еще несколько минут, и все они были наполнены прибывшими из других корпусов протестантами.

В результате перестукивания решено было протест продолжать, требуя начальника Главного тюремного управления⁶. Каждая камера-карцер по утрам и вечерам должна была петь революционные песни. Последнее окончательно приводило в бешенство тюремную администрацию, и, как только начиналось пение, надзиратели, узнавая выделяющийся из общего хора знакомый голос, вызывали его обладателя и уводили в башенные карцеры, еще более кошмарные и убийственные.

Так мы начали отбывать тридцатисуточный карцер. Первые дни из каждой камеры очень регулярно и воодушевленно неслись звуки революционных песен. Товарищи беспрерывно перестукивались, делились впечатлениями и разными сведениями. Голод и отсутствие достаточного количества воздуха хотя и сильно давали себя чувствовать, но все же у нас пока хватало силы и бодрости стойко переносить все лишения. Но по прошествии 15 дней товарищи в нашем карцере начали заболеть. Выбываясь из сил, некоторые ложились спать и долго оставались на голом полу, заболевая воспалением легких; у товарищей со слабым желудком начался катар, ибо ломоть хлеба, выдававшийся в карцере, был настолько сырой и кислый, что у многих желудки совершенно перестали его переваривать.

Я помню, как один из моих друзей по каторге, товарищ Маковский⁷, страдая несколько дней желудком, окончательно перестал есть. Просиживая на параше целыми часами, он потом вдруг замертво падал на пол. Один из тех, кто еще мог держаться на ногах, спешил к нему на помощь, а другие начинали бить в дверь чем попало, требуя фельдшера или доктора. На весь творившийся в карцерах ужас администрация тюрьмы не обращала никакого внимания, мало того, она злорадовалась и оставалась абсолютно равнодушной к требованию врача улучшить условия для больного товарища или

заявлению о том, что заболевший уже умирает, не дождавшись врачебной помощи. С большим трудом удалось добиться перевода опасно больного из карцера в больницу. На наши заявления ответ был всегда один: «После окончания карцера будет оказана помощь — в карцере лечить не полагается».

На наше требование о вызове начальника Главного тюремного управления явился его помощник, объяснивший, что начальник где-то в Сибири по делам службы. Когда помощник вошел в один из карцеров, то после команды «Смирно, встать!» все находившиеся в нем оставались лежать на полу, а встал лишь только тот, кто должен был сделать ему заявление. В результате взбесившийся помощник даже не захотел с нами разговаривать и вышел из карцера, не выслушав заявления. А вслед ему загрели мощные звуки революционных песен. Так из этого посещения ничего хорошего для заключенных и не вышло. Наоборот: вскоре после визита помощника многие из числа протестующих были высланы в знаменитый Орловский централ «на исправление», где их приняли по всем правилам романовской системы, а высланы были Борис Жадановский, Николай Билибин, Захарий Циома, Антон Конуп, Вилис Шмидт, Иван Некрасов⁸, Григорий Курочкин⁹, Карл Лукс, Иван Коротков¹⁰, Моисей Шенсон¹¹, Евстафий Купченко¹², Василий Тимошечкин¹³, Иван Бурков¹⁴, Илья Бернштейн¹⁵.

К концу тридцатых суток в нашем карцере вместо 15 осталось всего 6 человек. Остальные 9 частью были взяты в больницу, где некоторые медленно умирали, частью же переведены в башенные карцеры.

За время нашего пребывания в карцере в течение этих тридцати суток в других карцерах происходило нечто подобное.

Впоследствии по приблизительному подсчету из общего числа приговоренных за этот период серьезно заболело около 30 процентов, из которых многие умерли тогда же, а другие остались с навсегда надорванным здоровьем. После нашего выступления процент смертности среди заключенных Шлиссельбургской крепости значительно повысился. Подобный факт мог обратить на себя внимание за оградой тюрьмы и навлечь нарекания на высшую тюремную власть, поэтому в 1913 году начались отправки партиями больных заключенных в другие

централы и на юг. В одну из них попал и я как больной. Я был выслан в Херсонский централ.

Теперь прошло уже 54 года со времени описанной мною революционной вспышки в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. В тот раз на долю участников протеста выпало слишком много мучительных переживаний, но мужество и сила воли помогли протестантам с честью выдержать все пытки и издевательства.

И. К. Гамбург.
1915 г.

И. К. Гамбург

ЗА КРЕПОСТНЫМИ СТЕНАМИ

За время пребывания на каторге мне пришлось ознакомиться с несколькими каторжными центрами. Тюремной администрации не нравился мой «неспокойный нрав», участие в протестах и борьбе за улучшение тюремных условий, за человеческое достоинство. А для меня это «бунтарство» было необходимостью. Мы стремились и в годы реакции доказать, что революционеры не сдадутся, даже находясь в царских застенках, не позволят надеть на себя «смирительную рубашку».

Только постоянная, настойчивая и решительная борьба с царскими прислужниками укрепляла нашу сопротивляемость, нашу веру в конечную победу. Прак-

тика доказала, что тот, кто сдается на милость тюремщиков, опускается, теряет волю к жизни и рано или поздно погибает.

Конечно, борьба требовала жертв. В столкновении двух сил не могло быть мирного исхода. И надо было это трезво учесть. Вот почему мой каторжный путь прошел в жестоких схватках с тюремной администрацией, пытавшейся сломить нас.

Вначале — Митавская губернская тюрьма, затем — Смоленская каторжная тюрьма. Конфликты с тюремным начальством и отправка на «усмирение» в Псковскую каторжную тюрьму. И снова борьба против порки, жестокости и издевательств со стороны начальника тюрьмы полковника Черлениовского¹.

В это время в России происходили важные события. Стрелка барометра политической жизни показывала нарастание революционной бури. Смерть Л. Н. Толстого² и общественные волнения в связи с этим, убийство Столыпина³, рост стачечного движения знаменовали политический подъем. Настало время решительных коллективных действий, перехода в наступление против реакционных сил и для нас — заключенных царской каторги.

Пятидневная голодовка политических заключенных в Псковской каторжной тюрьме⁴, поддержанная печатью⁵, привела к победе⁶. Администрация капитулировала, обещала больше порку не применять и несколько смягчить тюремный режим. Это была серьезная победа, и она окрылила нас. Но неожиданно группа каторжан-активистов по распоряжению Главного тюремного управления была переведена «на исправление» в славившийся своими жестокостями Орловский централ и в Шлиссельбургскую крепость.

Меня с одиннадцатью товарищами направили в Шлиссельбург. И вот снова этап.

В морозный январский день 1912 года по Ириновской железной дороге⁷ из Санкт-Петербурга в арестантском вагоне всю нашу группу доставили в Шлиссельбург. Мы были одеты в длинные арестантские халаты, на ногах «коты» — арестантские полуботинки. Конвой построил нас по два человека в ряд и с шашками наголо повел по направлению к видневшейся вдали крепости.

Мы шли по глубокому снегу замерзшей Невы, набирая в «коты» холодный снег. Морозный воздух бодрил,

было приятно вдыхать его полной грудью. Разговаривать запрещалось, шли молча. На открытой местности дул сильный ветер, становилось холодно.

Стены крепости приближались. Каждому из нас были известны легенды об узниках, заживо похороненных в каменных мешках.

Невольно вспомнились Кюхельбекер⁸, Бестужев, Вера Фигнер⁹, Морозов, Фроленко¹⁰, Ашенбреннер¹¹ и многие другие. Были известны и казни, совершенные в крепостных стенах этого строго охраняемого острова. Здесь расстались с жизнью А. И. Ульянов, И. П. Каляев и многие другие революционеры.

Мы шли к таинственному острову, а мысли клубились тревожным роем.

Как сложится наша жизнь в этом мрачном застенке? Что ожидает нас за стенами, куда не проникают светлый луч и живое слово? Верилось, что мы не будем замурованы тут навечно. Времена уже не те. Наступит пора, когда эти стены рухнут. Прочь, мрачные мысли! Бодрее шаг!

У наружных стен крепости среди группы каторжан, под охраной расчищавших от снега подходы к тюрьме, я вдруг увидел моего сопроцессника Аболина¹², осужденного на 8 лет каторги. Мы узнали друг друга, обменялись улыбками. Хотелось громко крикнуть приветствие: «Здравствуй, дружище! Живешь? Держись и не падай духом!»

Но конвой завернул за угол к воротам. Мне было радостно думать, что я еще встречусь с Аболиным. Но, увы, я ни разу его больше не видел: он сидел в другом корпусе, куда мне не было доступа. Я знал, что в крепости томятся два других моих сопроцессника — солдат Яков Наумов¹³, участник Либавской военной организации, наш связной по 178-му пехотному Венденскому полку, и печатник Людвиг Звирбулис¹⁴. Последний был мне очень дорог. В Либаве он приносил мне корректуры и готовые экземпляры редактируемой мною нелегальной газеты «Солдат»¹⁵, а также все выпускаемые листовки и прокламации. Это был чудесный по своей душевной красоте революционер и товарищ. Но и с Звирбулисом, и с Наумовым мне не удалось встретиться; в крепости они находились в другом корпусе, а изоляция здесь была поставлена так строго, что я даже не знал, где они

Заковывают в кандалы осужденного к пожизненной каторге.

отсиживают свой срок. Но и зная, не смог бы с ними списаться. Встреча могла бы быть лишь случайной.

Наша группа подошла к тяжелым железным воротам, над которыми было начертано: «Государева», а ниже двуглавый черный орел развернул свои крылья, держа в острых когтях скипетр — символ царской власти. Калитка открылась, пропустила нас и захлопнулась с грохотом, как крышка гроба. Теперь мы отрезаны от мира, мы на острове, омываемом водами Невы и Ладожского озера. Конвой привел нашу партию в тюремную контору и сдал нас в надлежащем порядке крепостной администрации.

Нас вызывали поочередно в кабинет начальника тюрьмы Зимберга, эстонца по национальности. Когда меня ввели, Зимберг внимательно читал мои сопроводительные бумаги, качал головой и приговаривал: «Поведение плохое, принимал участие в протестах, недисциплинирован». Не поднимая головы, сказал:

— Здесь не Псков. Сидеть тише воды, ниже травы. Никто, кроме крепостных стен и невских волн, не услышит. Жаловаться некому. За нарушение порядка —

строгие взыскания. Рекомендую заниматься, читать. Тетради будут выданы.

На этом разговор закончился. Надзиратель повел меня через большой двор во 2-й корпус. Я смотрел на тюремные строения и видневшуюся невдалеке церковь. Открылась калитка, и я оказался в двухэтажном здании, огороженном со всех сторон высокими стенами.

После обыска меня ввели в просторную камеру с несколькими койками. Я один в этом глухом каземате. Тихо, не слышно ни одного звука. Но вот открывается дверь, и я вижу небольшую фигуру в очках, узнаю радостно улыбающегося Гришу Муравина¹⁶. Теперь мы вдвоем, и нет больше могильной тишины. Мы рады, что снова вместе. Ходим по камере и обмениваемся первыми впечатлениями. Страх нет.

Свыкаемся с новой обстановкой. Маленький узенький двор для прогулки, напоминающий колодец. Четыре стены, а сверху клочок голубого неба. Ни одного дерева, ни одного кустика.

Высоко в углу стены железная перекладина. Через нее перебрасывают веревку с петлей, чтобы охватить шею неугодного царю «преступника» и задушить его вдали от шумного мира; потом его закопают глубоко в землю, не оставив никакого следа. Было над чем задуматься и о чем поразмыслить.

Две недели строгого карантина минули. Надзиратель ведет нас обоих через двор в другой корпус, 3-й, так называемый народовольческий. Здесь, как мы выяснили, тюремщики прячут наиболее беспокойных, непримиримых заключенных.

Борьба в стенах крепости никогда не прекращается: то временно затихнет, то разгорится ярким пламенем. Здесь заключены узники, чьи сердца не знают покоя. Не победить эту революционную страсть!

Пусть нас по тюрьмам ссылают,
Пусть нас пытаются огнем...¹⁷

Постовой надзиратель запирает меня в одну одиночку, а Муравина — в другую. Оглядываюсь и изучаю обстановку. Углы одиночки сделаны так, чтобы нигде было укрыться от постоянного наблюдающего ока. К одной из стен прибита железная кровать. Две ее ножки сложены внутрь, когда она поднята, и опускаются на пол, ко-

гда она отпирается для сна. У противоположной стены прибиты железный столик и железная скамеечка. Над столом — электрическая лампочка. Рядом на стене — деревянная полочка, на которой стоят ярко вычищенные кирпичом и суконкой медный бачок для супа, тарелка для каши и кувшин для кипятка. В углу у двери приспособлен стульчак с проточной водой. Небольшое окно с толстыми железными решетками довольно высоко, и дотянуться до него нельзя. Вот и вся обстановка камеры. Через окно можно видеть кусок неба и шагающего на высокой стене часового с ружьем. Стена такой огромной толщины, что по ней могла бы свободно проехать карета, запряженная парой лошадей.

Вот в этом одиночном корпусе я провел последний этап моей тюремной жизни. Четыре шага вперед, четыре — назад. Не подсчитал, сколько шагов проделывал за день по камере. Но, несомненно, несколько километров ежедневно, пока голова не закружится.

В первые же дни я решил познакомиться с моими соседями. Сначала справа. Тук, тук, тук... Стук ответный: «С. Рысс¹⁸, высланный из Пскова».

Здравствуй, друг! Значит снова вместе, рядом. Будем снова воевать.

А наверху кто? Тук, тук, тук... Иван Вороницын, участник Севастопольского восстания матросов. Тук, тук, тук... — звучит тюремный телеграф.

Неожиданно открывается форточка в двери.

— Прекратить стук! Строго запрещено. При повторении доложу начальству.

Форточка захлопывается. Надо быть осторожней.

Постепенно узнаю, кто населяет корпус. Наверху — Федор Николаевич Петров, осужден на каторгу за многолетнюю революционную деятельность. За неугомонный характер он многократно наказывался карцером. Владимир Лихтенштадт, осужденный на смертную казнь, замененную вечной каторгой; он участник покушения на Столыпина. М. Трилиссер — мой старый знакомый по Таммерфорсской конференции военных и боевых организаций в ноябре 1906 года. Там мы оба были делегатами: он от Гельсингфорсской военной организации, а я — от Либавской. Вот где нам опять пришлось оказаться вместе! Здесь и его брат Давид — участник подпольной военной организации; Коган-Ростов, высланный из Пскова;

М. Локацков¹⁹ — тоже участник Таммерфорсской конференции; Альфред Нейман²⁰ и другие.

Увидеться с ними и поговорить мне долго не удалось. Водили на прогулку одного в строгой изоляции.

Очень подружились мы впоследствии с Альфредом Нейманом, организатором лаборатории в Финляндии, где изготовлялись бомбы и подготавливались боевики. Это был скромный, выдержанный большевик и чудесный товарищ. С ним было приятно вести беседы. В нем ярко горел огонь страстной ненависти к царскому режиму.

В первые месяцы, кроме своей одиночки и прогулочного двора, ничего не видел. Даже не водили в баню; я мылся раз в неделю в ванной, приспособленной в одной из одиночек.

После псковских переживаний вначале здесь казалось спокойнее. Книги мне приносил каторжанин-библиотекарь бывший киевский офицер Лишев²¹, которого я знал по Смоленской каторжной тюрьме, где мы вместе сидели. Мы сразу узнали друг друга, но разговаривать не смогли из-за присутствовавшего надзирателя.

Но однажды в книге, принесенной Лишевым, я нашел маленькую записку, в которой он меня приветствовал и рассказывал о своих злоключениях.

Сидя в одиночестве, я усиленно занимался общественными науками, продолжал изучать английский язык и читал художественную литературу. В английском языке достиг определенных успехов; читал Диккенса, Байрона, Оскара Уайльда. У меня появился большой запас английских слов; я ходил по камере и зубрил незнакомые слова.

День у меня был распределен таким образом: утром на свежую голову я занимался общественными науками, затем изучал английский язык, а вечером наслаждался чтением художественной литературы.

Какое счастье быть с книгой! Тогда и одиночество не страшно! Ты имеешь возможность разговаривать с героями повестей и романов, вместе с ними переживать их страсти и судьбы. Время проходит быстро и незаметно; ты вычеркиваешь еще один прошедший день. Вот почему тюремное начальство применяет в виде наказания лишение книг. Это тяжелое наказание — оно лишает тебя самого близкого и дорогого друга.

В крепости труднее всего переживалась весна, когда

А. А. Нейман.
1907 г. (Публикуется
впервые.)

природа пробуждалась после снежных бурь и суровых морозов. Я прислушивался к шуму волн Ладожского озера и мысленно представлял себе высокие пенистые волны Балтийского моря, которое я так любил в юности, живя в Либаве на берегу моря.

Ежедневно я наблюдал, как набухают почки на деревьях и тянутся к солнцу за теплом и лаской. И голуби воркуют как-то по-особому радостно и любовно. Воздух пьянит. Высокие и толстые стены не в состоянии преградить путь этому свежему дыханию наступающей весны. Радует каждая букашка, первой мухе, которая садится на сто-

лик, где греется под лампочкой и расправляет маленькими мохнатыми лапками свои прозрачные крылышки...

Проходят 3—4 месяца. Неожиданно меня вызывают на прогулку вместе с несколькими товарищами из других одиночек. Начальник тюрьмы, по-видимому, решил, что я уже смирился и можно дать некоторое послабление. На прогулке я познакомился с моими новыми товарищами и от них узнал об упорной и настойчивой борьбе, которая ведется заключенными против порки, имевшей и здесь место, — правда, не в таких размерах, как в Пскове и Орле. И здесь надзиратели грубы, и здесь наказывают карцером тех, кто борется против произвола, за признание права на человеческое достоинство.

Правда, начальник централа Зимберг умел принаравливать к духу времени. Близость к столице заставляла его прислушиваться к настроениям в высших сферах.

Обстановка в стране к этому времени значительно изменилась. Ленский расстрел 4 апреля 1912 года поднял новую волну революционного подъема. Широкий протест рабочих и передовой интеллигенции против зверской расправы с рабочими на Ленских золотых приисках прокатился по всей России.

Этими свежими настроениями повеяло и на нашем острове. О важнейших событиях в России и за рубежом мы узнавали из частых и регулярных писем, которые я получал от моей ученицы по подпольной работе Маруси Шапир, по мужу — Кузнецовой²², вынужденной в годы реакции эмигрировать в Лондон. Находясь в Пскове, я установил с ней связь, и мы стали переписываться. Все новости она сообщала в письмах между строк симпатическими чернилами. Для этой цели она применяла раствор фенолфталеина, который проявлялся с помощью нашатыря. Стоило пройти ваткой, смоченной в нашатыре, по письму, и меж строк появлялись лиловые буквы, которые улетучивались вместе с нашатырем. Йодистый раствор, употребляемый тюремной администрацией для промазывания писем, не действовал на фенолфталеин. Поэтому переписка моя с Марусей не была раскрыта, и мы были в курсе всех событий.

При моем переводе из Пскова в Шлиссельбург переписка с Лондоном продолжалась с тем же успехом. Письма Маруси были совершенно невинного содержания и беспрепятственно пропускались, а для нас они были настоящим праздником. Как только письмо расшифровывалось, я немедленно по тюремному «телеграфу» передавал полученные новости соседним камерам, и через непродолжительное время заключенные всего корпуса были в курсе внутреннего и международного положения²³. Все мы были признательны милой Марусе, нашей аккуратной корреспондентке.

Трудности были с получением нашатыря. Я жаловался фельдшеру на ревматические боли в ногах и просил дать мне нашатырь для растирания, но он отказывался давать мне нашатырь в чистом виде, а отпускал его с примесью какого-то масла. Но раствор этот все же безотказно действовал при раскрытии тайнописи.

Передавать наши тюремные новости на волю тем же способом, какой практиковался Кузнецовой, я не мог из-за отсутствия фенолфталеина. Поэтому принял другой метод. При отправке своего ежемесячного единственно разрешенного письма я тихонько иголкой раскрывал конверт и всю внутреннюю сторону его бисерным почерком исписывал соком лимона или лука, сообщая о всех тюремных делах, и снова заклеивал конверт. Чтобы известить Марусю о написанном на конверте, в заключе-

ние письма просил передать привет «дяде Файеру», а файер в переводе с немецкого языка значит огонь. Получив такое письмо, Маруся подогревала конвектор на лампе, и на бумаге появлялись желтоватые буквы.

Таким образом у нас была налажена нелегальная связь с волей, связь, которую тюремная администрация не могла обнаружить. Свободное слово переносилось, как птица, через тюремные стены. Напрасно Зимберг воображал, что нас услышат только невские волны.

После своего отъезда на поселение я передал «по наследству» всю переписку с Кузнецовой моему сокамернику Грише Муравину. И связь с волей не прекращалась. Мне хочется передать Марусе Кузнецовой, ныне персональной пенсионерке, потерявшей зрение, всю теплоту моего сердца и благодарность за большое и доброе дело, которое она творила, находясь в изгнании в Англии.

Могучее дуновение вольного ветра нарушило кажущееся спокойствие тюремной жизни. Было решено перейти к активным действиям против угнетающего режима шлиссельбургской каторги, потребовать улучшения тюремных условий. Началась выработка требований. Случай для общего выступления вскоре подвернулся.

Помощник начальника тюрьмы Любенецкий, всегда наглый и грубый, на вечерней поверке во 2-м корпусе обозвал одного заключенного «коровой». Находившиеся в камере каторжане потребовали, чтобы Любенецкий извинился за допущенную грубость. Такое требование вызвало взрыв негодования у начальства. Всех заключенных этой камеры посадили в карцер.

Тогда заключенные остальных камер в виде протеста не ответили на вечерней поверке на приветствие Любенецкого. Все 12 камер 2-го корпуса были переведены на карцерное положение. Узнав об этом, заключенные 4-го корпуса тоже не ответили на приветствие Любенецкого. Новая группа заключенных была посажена в карцеры, а несколько человек подверглось порке.

К протесту примкнули заключенные и нашего, 3-го корпуса — не поднялись на поверку и стали петь революционные песни. Карцеры были заполнены до отказа, а потому все одиночки были переведены на карцерное

положение. И в мою одиночку, как и в другие, ворвались надзиратели, забрали постельные принадлежности, заставив спать на голом цементном полу.

Но шум, пение и крики продолжались. Зимбергу был предъявлен целый список требований: отмена телесных наказаний и тридцатидневного карцера, вежливое обращение с заключенными, увольнение особо ненавистных надзирателей²⁴.

Обо всем этом тайнописью было сообщено социал-демократической фракции Государственной думы. Весть о событиях в Шлиссельбургской крепости получила огласку и в печати²⁵. Зимбергу «сверху» было предложено ликвидировать протест каторжан. Из Петербурга для выяснения всех обстоятельств приехал губернский тюремный инспектор. Для переговоров с ним был выделен наш крепкий и мужественный товарищ большевик Михаил Трилиссер.

Инспектор спросил у него, в чем выражаются просьбы заключенных.

— Не просьбы, а наши настойчивые требования, — поправил Михаил.

Возмущенный таким заявлением, инспектор ушел.

Но протест продолжался. Часть заключенных объявила голодовку. Администрация вынуждена была сдаться, так как по поводу нашего протеста был внесен запрос в Государственную думу²⁶. Зимберг обещал больше не применять телесных наказаний и удовлетворить некоторые другие требования, в частности, время прогулки в нашем корпусе было увеличено до двух часов в день: один час утром и один час после обеда.

Голодовка прекратилась. Но многие потеряли здоровье и серьезно заболели. Главный виновник протеста Любенецкий, а также тюремный врач-мучитель Шерман были переведены в другие тюрьмы. Обстановка в крепости несколько изменилась к лучшему: с нами стали обращаться вежливее. Это было большое достижение. Но мы понимали, что без поддержки извне протест мог бы окончиться неудачей.

Вскоре тюремное начальство прибегло к своему излюбленному методу мести. Некоторые лучшие наши товарищи — 14 человек — были высланы в другие тюрьмы, и главным образом в Орел, на усмирение²⁷. Среди них всегда стоящий на стороне борющихся Владимир Лих-

тенштадт, неукротимый «бунтовщик» Борис Жадановский, матрос Циома.

Владимир Лихтенштадт был обаятельной личностью. Высококультурный, образованный человек, он пользовался большим авторитетом. Со всеми недоуменными вопросами, за нужными советами, за разъяснениями непонятных мест в изучаемой литературе всегда обращались к Владимиру. Он умело, просто и толково объяснял все непонятные места. Лихтенштадт принадлежал раньше к максималистам, но в мою бытность в Шлиссельбурге он уже понял ошибочность своих идейных взглядов и под влиянием марксистской литературы и длительных бесед с сидящими в тюрьме большевиками умом и сердцем принял ленинские установки и стал большевиком. Лихтенштадт в совершенстве знал немецкий, французский и английский языки и изучал в тюрьме итальянский и другие.

Я часто обращался к нему за разъяснениями при переводе английской литературы, и всегда он охотно мне помогал. Сам же Владимир много занимался переводом серьезных научных трудов и написал в тюрьме книгу «Борьба Гете за материалистическое мировоззрение», которая была после революции издана.

Мы его очень любили за мужество, выдержку, глубокую принципиальность и были очень опечалены, когда после известного «бунта» он на время исчез из Шлиссельбурга. Однако в Орел Владимир не попал, так как в дороге заболел и по ходатайству матери снова был возвращен в Шлиссельбург. Но я его больше не видел, так как был выслан в Сибирь на поселение.

В пору гражданской войны, когда Петрограду угрожало нашествие банд Юденича, Лихтенштадт пошел добровольцем на фронт и погиб.

Замечательным борцом против гнусного тюремного режима являлся Жадановский. В Смоленской каторжной тюрьме я его уже не застал. Он участвовал в известном тогда «голом бунте», был одним из его активнейших руководителей и за непокорность заключен в Шлиссельбургскую крепость. Здесь он также воевал с тюремщиками. Значительную часть времени находился в карцере. Было непонятно, откуда у этого небольшого худощавого человека столько сил, чтобы переносить холод и голод карцерного режима ²⁸.

М. Л. Лихтенштадт с группой бывших политических узников Шлиссельбурга у могилы В. О. Лихтенштадта на Марсовом поле. 1924 г. (Публикуется впервые.)

Большим событием было появление в Шлиссельбургской крепости мужественного большевика Серго Орджоникидзе. Он попал в руки жандармов в апреле 1912 года. Его осудили на 3 года каторжных работ и последующую вечную ссылку в Сибирь. В Шлиссельбурге Орджоникидзе поместили вначале во 2-й, а затем в 4-й корпус, позже в одиночку 3-го корпуса.

Как нам стало известно, Серго Орджоникидзе по поручению В. И. Ленина активно подготовлял и потом участвовал во Всероссийской конференции социал-демократической рабочей партии, которая открылась в Праге 5 января 1912 года. Он подробно рассказывал узникам Шлиссельбурга об этом важном периоде в развитии партии, об острой и решительной борьбе В. И. Ленина против ликвидаторов и троцкистов. Конференция покончила с разбродом в партии, изгнала меньшевиков-ликвидаторов и твердой ленинской рукой повела возрожденную партию к руководству революционным движением русского пролетариата и успешному завоеванию диктатуры пролетариата.

Подробности этих сообщений я узнал позже, когда Ф. Н. Петров был возвращен в наш корпус после отбытия им наказания в изоляторе, где находился и Серго. Они вместе гуляли, и Серго подробно информировал Федора Николаевича о жизни нашей партии. С Орджоникидзе мне так и не удалось встретиться в стенах крепости. Несколько позже, в 1913 году, мы узнали, что он был инициатором протеста против зверских избиений заключенного Алтунова, обвиненного в покушении на убийство тюремного надзирателя Сергеева. За этот протест Серго долго находился в карцере.

Совместные прогулки по небольшому дворику, украшенному летом цветами, посаженными и выпестованными заключенными, доставляли всем нам большую радость. Гуляя, мы обменивались мнениями о прочитанном, сообщали друг другу вести, полученные с воли, вели горячие дискуссии по программным вопросам и потихоньку передавали нуждающимся товарищам продукты, получаемые по выписке на свои средства.

Жили мы всей коммуной. Те, кто получал от родных денежные переводы, имели право выписывать ежемесячно продукты, табак, письменные принадлежности, всего на 4 рубля 20 копеек. Для помощи товарищам, не получавшим никаких переводов, мы решили складывать все имеющиеся деньги и делить их поровну между всеми заключенными. Так и поступили. На эти средства выписывались продукты для каждого по его желанию; продукты выносились на прогулку под бушлатом для передачи каждому по принадлежности. Таким образом, у нас не имелось обеспеченных и нуждающихся — все были на равных правах.

В деле помощи заключенным исключительную энергию проявила мать Владимира Лихтенштадта — Марина Львовна. Мы не знали тогда, что ею было тайно организовано «Общество помощи политическим заключенным Шлиссельбурга». Только сейчас по чудесной повести «Цветы Шлиссельбурга» Александры Яковлевны Бруштейн²⁹ мы знакомимся с огромной деятельностью этого общества, членом которого состояла и Александра Яковлевна. Но некоторым из нас Владимир по секрету рассказывал, что мать его собирает средства среди петербургской либеральной буржуазии и интеллигенции и приобретает на полученные деньги продукты для

заклученных Шлиссельбурга. О том же, что существует такое общество, он никому по соображениям конспирации не говорил.

Эта помощь была существенной. Ее мы чувствовали осязательно. На рождественских и пасхальных праздниках открывалась форточка в дверях камеры, и надзиратель передавал каждому колбасу, сыр, сахар, чай, куличи и другие продукты. А на обед в судке оказывался кусок вареного мяса. Огромные запасы продуктов приобретались Мариной Львовной и доставлялись в крепость. Дело это было нелегкое. Затрачивались большие средства и немалые душевные силы.

Марина Львовна Лихтенштадт не ограничивалась только праздничными передачами. Она закупала рыбий жир, постное масло, сало-шпик, лимоны и передавала их тюремному врачу Эйхгольцу для раздачи больным. Она же посылала нуждающимся каторжанам деньги для ежемесячной выписки продуктов. Адреса таких нуждающихся сообщались ей Владимиром. Помимо того, она приобретала для тюремной библиотеки большое количество разных книг на многих языках. Тюремная библиотека, содержащая до 11 тысяч книг, в значительной степени была создана Мариной Львовной.

Теперь мы знаем, что ей в этом благородном деле помогал хорошо организованный и преданный коллектив, деятельность которого ускользнула от всевидящего ока жандармского управления.

На мрачном фоне каторги светлым лучом выделялся врач Евгений Рудольфович Эйхгольц. Впервые мое знакомство с ним состоялось в Смоленском центре. Богатый помещик, филантроп, он избрал полем своей деятельности работу в тюрьме. Он упорно боролся за улучшение санитарных условий, за уменьшение смертности среди заключенных. Больных, являвшихся к нему на прием, он лечил лекарствами лишь в том случае, когда это вызывалось действительной болезнью. Обыкновенно приходили за помощью заключенные, истощенные от недоедания. В этих случаях Евгений Рудольфович приказывал фельдшеру выдать больному рыбий жир, пару селедок или несколько лимонов. Все это им закупалось на деньги, отпускаемые для приобретения лекарств, или из его личных средств.

У меня однажды на веке появился небольшой нарыв,

и я обратился к Эйхгольцу за помощью. Он вскрыл нарыв и заодно выдал мне бутылочку рыбьего жира.

— Вас надо немного подкормить, организм истощен. Приходите ко мне еще через несколько дней.

Когда я пришел к нему через несколько дней, у нас состоялась дружеская беседа. Он интересовался, как мы живем, по какому процессу я осужден. С тех пор эти встречи продолжались. Но вот случай столкнул нас ближе и открыл мне душу этого благородного человека.

Однажды в Смоленске «провалилось» мое воззвание к заключенным, в котором рекомендовалось не ходить в церковь на говение перед пасхальными праздниками. Начальник тюрьмы полковник Гордов рассвирепел и пообещал применить ко мне розги.

— Вы не посмеете это сделать, — твердо и решительно заявил я Гордову. — Я не допущу такого наказания, даже если это будет стоить мне жизни. Вы ответите!

Начальник не ожидал такой дерзости, приказал раздеть меня донага, тщательно обыскать и посадить в темный карцер. Как впоследствии я узнал, полковник сообщил губернскому тюремному инспектору о происшествии и просил разрешения применить ко мне телесное наказание. Но инспектор не разрешил, боясь огласки и скандала. Порка была заменена тридцатисуточным карцером.

Прошло около пятнадцати дней моего пребывания в карцере, когда неожиданно открылась дверь и на пороге показался доктор Эйхголец в сопровождении фельдшера.

— Гамбург, выйдите в коридор, я хочу вас осмотреть.

Подняв рубашку, Евгений Рудольфович выслушал и выстукал меня, а затем сказал фельдшеру:

— Напишите начальнику тюрьмы служебную записку, что у заключенного Гамбурга пневмония и его дальнейшее пребывание в карцере угрожает серьезными осложнениями; он подлежит немедленному переводу из карцера в светлое и теплое помещение с выдачей горячей пищи.

У меня, конечно, не было воспаления легких, но доктор искал повод для освобождения меня из карцера.

Начальник тюрьмы воспротивился этому, но Эйхгольц добился своего.

Таким был этот человеколюбивый врач! Я нередко вспоминал о нем в Шлиссельбурге. И вот однажды слышу, как открываются и закрываются одна за другой двери камер в нашем одиночном корпусе. Открылась дверь и в моей камере. Вошел Евгений Рудольфович Эйхгольц. Он сразу меня узнал.

— Мир не так уж велик, — сказал врач, — вот мы и опять встретились. Здравствуйте. Теперь и меня перевели из Смоленска в Шлиссельбург. Я вызову вас на днях на прием, проверю ваше здоровье.

И вышел, не желая продолжать разговора в присутствии надзирателя.

Через несколько дней он действительно вызвал меня к себе в свою приемную и подробно, дружески расспросил о нашем житье-бытье. Я воспользовался случаем, чтобы узнать у него, чем кончился волновавший всех нас процесс Бейлиса³⁰.

— Оправдан, оправдан Бейлис. Правда восторжествовала! — сказал он мне.

И еще раз помог мне Эйхгольц уже здесь, в Шлиссельбурге. Согласно установленным тюремным правилам, каторжанам разрешалось писать одно письмо в месяц. Понятно, хотелось вместить на одном почтовом листочке возможно больше, все, что накопилось в мыслях за целый месяц. Поэтому я писал очень мелким почерком имевшимся у меня тоненьким перышком. Помощник начальника тюрьмы, прочитывавший все письма арестованных, отказался читать мои письма и не отправлял их адресату.

— Не хочу портить глаза, — сказал помощник, — пусть пишет более крупным почерком, как все.

Узнав об этом, доктор Эйхгольц вызвался сам прочитывать мои письма. Некоторые понравившиеся ему места, как он потом признался мне, доктор переписывал в свой дневник.

Евгений Рудольфович и в Шлиссельбурге отличался исключительно гуманным отношением к заключенным. Он всячески стремился улучшить питание слабых здоровьем. Выписывал молоко для одних, выдавал больничную пищу другим. Он даже добился того, что заключенные могли получать по своему желанию черный или со-

Бывшие узники Шлиссельбурга в гостях у И. К. Гамбурга. Слева направо: И. К. Гамбург, И. С. Мельников, Ф. Н. Петров, Л. Н. Рубинштейн, Г. М. Муравин, В. И. Калашников.

1958 г.

ответственно в меньшем количестве белый хлеб. Эйхгольцу удалось провести ряд профилактических мероприятий, и смертность в тюрьме снизилась. Об этом он писал в своих статьях, помещаемых в «Тюремном вестнике».

До сих пор храню в памяти образ этого замечательного человека, являвшегося редким исключением среди тюремных врачей — прислужников тюремного начальства.

Жизнь в нашем корпусе после протеста по поводу грубости тюремной администрации стала несколько спокойнее. Серьезных столкновений в последний год моего заключения не было. Зимберг старался не обострять отношений.

А хронометр времени четко и неумолимо отсчитывал дни, месяцы, годы. Наступил новый, 1914 год. В этом году передо мной должны были раскрыться железные ворота крепости. Осталось всего три месяца до полного окончания срока моего каторжного заточения. Каждому каторжнику при хорошем его поведении полагались десять месяцев «скидки». Меня же лишили «скидки».

Я стал уже задумываться над тем, какие отдаленные места Сибири ждут меня. Ходишь по камере взад и вперед, меряешь версты, а мысли уже далеко впереди, уводят в будущее. На прогулке — разговоры о скором прощании. И радостно, и грустно. Радостно при мысли, что остался жив, выдержал испытание временем, и еще оттого, что скоро покину стены ненавистой каторги. Грустно, что придется распрощаться с товарищами, — с ними я сжился, вместе мы хлебнули полную чашу мучений. Мы крепко сроднились, нас соединили узы дружбы и непрестанной борьбы. Эти узы никогда не разбить. Они спаяны навечно. Как тяжело расставаться с друзьями по сердцу и оставлять их в неволе!

Задушевные беседы с Петровым, Вороницыным, Трилиссером, с моим сокамерником Гришей Муравиным. Отныне он будет вместо меня ловить меж строк лиловые буквы в письмах далекого лондонского друга.

Вычеркиваю на составленном календаре последние числа марта. Вот уже 1, 2, 3, 4 апреля 1914 года. Исполнилось ровно 6 лет каторги и 13 месяцев предварительного заключения. А всего 7 лет и один месяц.

Лязг открывающейся двери. В камеру входит старший надзиратель.

— Гамбург, собирайте вещи, делайте выписку на оставшиеся в конторе деньги, сегодня на этап.

И еще через пару часов расставание с одиночкой, объятия и поцелуи с товарищем по камере Муравиным. Накануне на прогулке я распрощался со всеми друзьями. Когда меня выводили из одиночки, на верхнем этаже нашего корпуса производился обыск в камерах. Заключенные стояли на железной галерее.

— Прощайте, товарищи! До скорого свидания на воле! — крикнул я им.

Товарищи помахали приветливо руками.

В конторе выдали продукты. Конвойные обыскали меня и вывели за ворота Государевой башни.

Прощай навеки, распроклятая русская Бастилия!

Г. М. Муравин.
1956 г. (Публикуется впервые.)

Г. М. Муравин

ПЯТЬ ЛЕТ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

После успешной пятидневной голодовки в Псковском центре в декабре 1911 года подозревавшиеся в руководстве голодовкой заключенные были переведены в другие каторжные центры более сурового режима и строгой изоляции¹.

Шлиссельбург благодаря своему островному и крепостному положению более всего отвечал этим требованиям.

О строгостях, царящих в Шлиссельбургской крепости, я знал давно: в 1904 году Сергей Сидоров, член нашего кружка, ученик земледельческого училища

(в Горках Могилевской губернии), отец которого был жандармом в Шлиссельбургской крепости еще при народовольцах, рассказывал нам о существовавшем там исключительно суровом режиме для заключенных.

Впоследствии в Выборге на военной гауптвахте после побега одного моего сопроцессника к нам помимо обычного военного караула приставили жандармский пост, цель которого была не только охранять нас от побегов, но и наблюдать за караульными солдатами, чтобы мы их не сагитировали против самодержавия.

В день отправки меня и моих товарищей из Выборга в Петербургскую пересыльную тюрьму один из жандармов, старик, подошел ко мне и, назвав себя отцом Сергея Сидорова, доверительно сказал: «Муравин, вас сегодня отправляют. Мой Сережа очень огорчен вашей судьбой. Я в Шлиссельбурге пробыл много лет и желаю вам туда не попадать... Только не в Шлиссельбург! Я знаю, как там тяжело жилось народовольцам Фигнер, Морозову, Волкенштейн²». Сказав эти немногие слова, он тяжело вздохнул.

Признание жандарма на меня сильно подействовало, и я мысленно повторял: «Только не в Шлиссельбург!»

Спустя три года я попал в Шлиссельбургскую крепость и пробыл там ровно пять лет — с 26 января 1912 года по 25 января 1917 года...

После того как начальник централа Зимберг закончил свою полную угрозу всегда одну и ту же речь, произносимую при встрече вновь прибывавших каторжан: «Здесь вам не где-либо, здесь вас услышат только камни и волны», — нас, одиннадцать прибывших, рассадили по разным корпусам.

В холодный январский день меня и Иосифа Карловича Гамбурга повели через всю тюремную площадь в Старую тюрьму и посадили в пустую камеру в нижнем этаже.

В течение двух недель нашего пребывания вместе в этом корпусе мы считались находящимися в карантине. К нам никого не допускали, так же как и нас ни к кому.

Только один раз, помню, Гамбург, разыскивая для меня немного махорки (сам он был некурящим), встретил знакомого по Либавской тюрьме бывшего матроса

Вилиса Шмидта и успел ему передать, что он и еще несколько заключенных переведены сюда в Шлиссельбург из Псковского централа за массовую голодовку протеста и что голодовка кончилась полной моральной победой политических каторжан. Надзиратель, заметивший разговаривающих Гамбурга и Шмидта, поспешно их разогнал. Гамбург уже издали услышал голос Шмидта: «О, завтра же вся тюрьма об этом узнает. Будем готовиться к отпору и здесь!»

На прогулку нас выводили каждый раз в крошечный дворик, где находится вход в каземат, в котором Иоанн VI Антонович провел 20 лет, а с другой стороны дворика в углу оставалась перекладка, на которой повешена была З. В. Коноплянникова, а также был повешен в 1906 году покушавшийся на генерал-губернатора Трепова³ Васильев⁴. Из окон камеры, выходящих на передний дворик, виднелись яблоня Фроленко и стена, у которой были казнены А. И. Ульянов и его соратники⁵.

Через две недели карантина нас перевели в одиночный 3-й корпус и рассадили по разным камерам. Я попал в 17-ю камеру. Всех «псковичей» предписано было держать в одиночной строгой изоляции. Тут-то я и почувствовал всю тяжесть одиночества!

Охрана в 3-м корпусе состояла из жандармов, оставшихся от старого (времени народовольцев) Шлиссельбурга. Их только переодели в форму тюремного ведомства, но весь свой долготелный опыт они применяли к нам.

Помню такой эпизод: меня вывели в коридор «стричься-бриться». Сажу. Парикмахер обрабатывает меня; вдруг вижу в дверях силуэт Гамбурга, — его вели с прогулки. В одно мгновение я очутился в тесноте и темноте — это меня впихнули в какой-то секретный стеной шкаф!

Когда через минуту меня выпустили из «секретки», Гамбурга уже не было. Впоследствии, когда мы с Гамбургом встретились и я заговорил об этом эпизоде, оказалось, что он меня и не заметил, — так быстро меня убрали из коридора.

Строгость в общении заключенных с внешним миром доведена была до крайности. Надзиратели избегали отвечать нам на вопросы даже бытового характера.

Только начальник и его помощники во время поверки вступали в весьма короткое «собеседование»: отвечали на вопросы, давали дежурному надзирателю распоряжение на выдачу иглы с ниткой, а также делали разные выговоры за допущенные нарушения, о которых докладывали надзиратели.

После жизни в течение почти четырех лет в общих камерах — в Петербургской пересылке и в Псковской тюрьме — эта обстановка строгого одиночного заключения меня очень угнетала. Я потерял аппетит, малокровие дошло до крайности, появились признаки психастении. Я был на пути к серьезной болезни, и меня поместили в тюремную больницу. Здесь я узнал от других больных, что в крепости начался массовый протест заключенных.

Как только я почувствовал улучшение своего здоровья, я попросил врача выписать меня из больницы.

Вернувшись в свою одиночку, я немедленно перестуком связался со своими товарищами-«псковичами», сообщил о том, что узнал о протесте, и спросил их, как нам реагировать на события в тюрьме. В результате шесть-семь человек, в том числе и я, решили, что так как нам неизвестны ни причины протеста, ни предъявленные требования, то мы объявляем начальнику, что присоединяемся к протестующим заключенным из солидарности, и предлагаем ему перевести нас в камеры, где находятся протестующие, чтобы разделить с ними их участь.

В этот же вечер на вечерней поверке мы каждый отдельно заявили, что хотим видеть начальника. На завтра утром поодиночке нас стали водить в кабинет Зимберга. Начальник начал нас убеждать оставаться в своих камерах, но так как мы настаивали на своем, то нас рассадил в «заразном отделении», где обычно кроме заразных больных содержались и умалишенные. В «заразном» нас поместили в трех имевшихся там каморках на карцерный режим, т. е. на хлеб и воду, лишив койки и постели, а также прогулок.

Прибывший в Шлиссельбург по требованию протестующих петербургский губернатор зашел и в наше «заразное».

— Эти присоединились к протесту из солидарности, — докладывал о нас Зимберг «большому начальству».

— «Псковичи»? — промолвил губернатор и повернулся к выходу, не удостоив нас взглядом.

На исходе второй недели в наше «заразное» привели умалишенного, впрочем, оказавшегося симулянтом. Он нам и сообщил, что протестующие решили объявить голодовку и что значительное число их переотправлено в другие центры.

Мы, посоветовавшись между собой, решили тоже закруглить «волынку» голодовкой: мы перестали принимать хлеб и воду. На четвертый день голодовки и на пятнадцатый день пребывания на карцерном режиме пришли надзиратели и приказали нам «очистить» помещение, так как назначенный начальником пятнадцатидневный карцерный срок кончился.

«Срок есть срок» — спорить не приходилось... Но оказалось, что один из наших товарищей — С. Рысс — не в состоянии подняться с голого пола, на котором мы лежали две недели. Остальные же хотя и поднялись, но не могли ходить без посторонней помощи...

Два надзирателя под руки привели меня в 3-й корпус. Скоро появился фельдшер из тюремной больницы и дал мне выпить валерьяновых капель. Меня помыли в «народовольческой» ванне (их в баню не водили и мылись они в ванной, находившейся в одной из камер; нас, «псковичей», года три не пускали в баню, и мы тоже мылись в ванной). Затем одели в грубое белье, подняли на складной кровати на второй этаж и поместили в камеру № 27 к товарищу Голубеву, тоже «псковичу», который к «волынке сочувствия» не примкнул. Стали меня кормить с ложки. После карцера у меня не действовали ни руки, ни ноги.

Постепенно, хотя и очень медленно, я набирался сил. Две голодовки на протяжении 8 месяцев не могли не оказать тяжелого действия на мое здоровье. Как только я стал поправляться, меня опять перевели на режим строгой изоляции. Но теперь я уже оказался в 25-й камере.

Рысс еще два дня продолжал голодовку, лежа в своей камере, куда его перенесли из карцера. Затем его перевели в больницу, где к нему хотели применить искусственное питание. Только тогда он начал принимать пищу. Здоровье Рысса все ухудшалось. Наконец его мать добилась от высшего начальства в Петербурге

разрешения вывезти сына на свой счет в сопровождении жандарма в Сибирь на поселение. Всеми уважаемый гуманист-революционер и крупный ученый-математик С. Рысс умер в 1915 году в Сибири в ссылке на руках у своей матери. Он был в семье второй жертвой революции 1905—1907 годов. Его старший брат⁶ был повешен в 1908 году, выданный царской охранке провокатором Азефом.

После массового протеста в крепости многое изменилось. Смягчился изоляционный режим и в отношении нас, «псковичей». Раздатчик пищи допускался к форточке. Библиотекарь передавал книги непосредственно. Все это раньше делалось через надзирателя.

Весной 1913 года мы, «псковичи», договорились перестуком потребовать от начальника, чтобы нас выпускали на прогулку с другими товарищами, а также, чтобы разрешалось желающим жить в камерах вдвоем.

Мы отлично понимали, что подкрепить наши требования новой голодовкой или даже простым неповиновением у нас нет физических сил; просить о помощи товарищей, которые не так давно провели такую длительную, изнурительную борьбу, было бы по меньшей мере неразумно. И мы решили объявить мирную забастовку: все девять-десять «псковичей», находившихся в 3-м корпусе, перестали выходить на прогулку поодиночке, о чем заявили начальству. Так продолжалось 65 дней, и... начальство сдалось! Сдалось тоже тихо, без шума, не сразу, а в три-четыре дня: в первый день выпустили сразу трех «псковичей», а потом стали прибавлять по два товарища из старожил. В конце недели заключенных так пере-

Г. М. Муравин.
1903 г. (Публикуется впервые.)

группировали, что режим изоляции сам собой перестал существовать.

С этих пор жизнь в Шлиссельбурге приобрела для меня живой интерес. Выйдешь на прогулку — поговоришь, поспоришь, узнаешь, что нового в тюрьме, на воле, даже иногда за границей. Встретишься с такими людьми, как Ф. Н. Петров, И. П. Вороницын, Г. К. Орджоникидзе (с ним позднее — его перевели в 3-й корпус в 1914 году), И. К. Гамбург, А. А. Нейман, М. А. Трилиссер, милый Володя Лихтенштадт. Это же счастье не только в несчастной неволе! Тем более что со многими меня связывала давнишняя борьба на воле и в тюрьмах.

«Псковичи» начали подыскивать себе сокамерников, — соскучились по друзьям: прогулочный час короток, не наговоришься. И я стал подбирать себе «жильца». Первым «жильцом» моим был «пскович» Ястржембский⁷, поляк по национальности, человек с большими способностями. Позже Ястржембский от меня перешел на совместное жительство в камеру к Богушевичу⁸, а ко мне пришел мой сопроцессник Яков Васильевич Егоров⁹.

С Егоровым мы и до того долго сидели в общих камерах — в Выборге на гауптвахте и в Петербургской пересылке. Состояли в одних камерных коммунах и дважды вместе сидели на скамьях подсудимых. Мы во многом не сходились, но это не помешало нашей дружбе. Егоров с большим рвением зубрил французские слова и предложения, переводя их устно на русский язык. В это время я тоже, изучая французский язык, в виде упражнения переводил с французского двухтомную историю Китая, и мы помогали друг другу. Так что жить нам вместе было полезно.

Но примерно тогда же у меня вышел большой конфликт с одним из помощников начальника тюрьмы по фамилии Пугавко. Однажды летом 1913 года на вечерней поверке, когда дежурил Пугавко, я подошел к открытым дверям нашей камеры и собирался сделать ему какое-то устное заявление. Однако он не то не расслышал меня, не то спешил к другой камере, где двери были тоже открыты, и прошел мимо. Тогда я быстро приблизился к дверям и громко крикнул: «Господин помощник начальника!» Пугавко тут же оборачивается и произно-

сит: «Вы меня изволите?» Он так смутился невольно сорвавшимся «изволите», что даже побагровел. Но тут же, чтобы, очевидно, исправить свою оплошность, вновь обратился ко мне и сердито произнес: «Тебе что нужно?» Одну секунду я колебался: не пропустить ли ему это «ты» в компенсацию за его «изволите», но тут же решил, что если я пропущу «ты», то это может стать прецедентом на будущее время, и я сказал: «Во-первых, господин помощник, не тыкайте, а во-вто...» Но мне уже не удалось сказать «во-вторых», так как он закричал на меня, что я арестант, что он «что хочет, то и будет делать со мной». Я со своей стороны, конечно, не оставался в долгу. Я кричал, что издеваться над собой не позволю. Наконец помощник приказал сопровождавшему его старшему надзирателю Дергачеву отвести меня в карцер.

На этом история могла бы кончиться, но Пугавко так разнервничался, что минут 25 спустя, проходя по тюремному двору, продолжал возмущаться моей «дерзостью» и сказал сам себе или надзирателю: «Ишь какой жид выискался, тоже хочет, чтобы его — на «вы»!»

Егоров, услышав из открытого окна эту реплику, стал стучать в двери с криком, что меня обижают в карцере. Стуку Егорова вторили из других камер, требуя в корпус начальника.

Сам я не мог слышать ругань Пугавко за двумя запертыми дверями в карцере.

Начальник на демонстрацию заключенных не ответил и на вызов не явился.

Назавтра, с утра, он начал разбор дела с того, что посадил Егорова в карцер за стук в двери.

После расправы с Егоровым Зимберг стал допрашивать в присутствии Пугавко прочих заключенных, вызывая каждого в отдельности. Все подтвердили, что Пугавко на поверке на меня кричал. Сам же Пугавко утверждал, что я ему сказал: «Не тыкай, вместе свиней не пасли», и прибавил: «Я знаю, что Муравин ругает заочно даже царя».

Этим инцидент благополучно закончился.

Через трое суток я был из карцера водворен в свою камеру, а Егоров после карцера был переведен в одиночку 4-го корпуса.

После увода из моей одиночки Егорова ко мне поса-

дили Михаила Энгельгардта. Его привели ко мне прямо из карцера, где он провел целый месяц. Но он был так болен и слаб, что его через пару дней увели в больницу, где он вскоре умер. С Энгельгардтом у нас знакомство было давнишнее, еще с 1902 года, когда мы вместе учились...

Надо сказать, что право выбирать себе сокамерников официально никем дано не было, но я решил отстаивать таковое во что бы то ни стало. Это своевременно было заявлено мною твердо и категорично Зимбергу. На этой почве у меня были двукратные столкновения с начальством.

Месяца три я оставался в камере один. Но вот наступает осень, зима... Скука, одиночество, тоска по человеку одолевают... На мою радость Гамбург на прогулке предлагает, если я не буду возражать, перейти ко мне в камеру.

Я, конечно, принял его предложение с большим удовольствием и охотой. С Гамбургом мы некоторое время сидели в Псковской каторжной тюрьме в общей камере, а затем в Шлиссельбурге же вместе отбывали карантин, и он мне понравился как человек культурный и общительный. Немаловажным было и то, что в это время он давно уже изучал английский язык по самоучителю, а я только приступал к изучению английского по французскому самоучителю. Хотя по-французски я свободно читал, но помощь со стороны Гамбурга была очень полезной.

Мне было известно, что Гамбург связан секретной перепиской с политическими эмигрантами. Иосиф Карлович получал письма из Лондона от «сестры» М. Кузнецовой, и это тоже имело важное для меня значение, так как на воле — так мы называли все, что находилось за нашими высокими крепостными стенами, — общественный и революционный подъем все ширился, захватывая в свое движение глубокие и широкие сферы общества — и рабочих, и крестьян, и интеллигенцию. Большой интерес для нас, особенно социал-демократов, представляли возникшие тогда дискуссии между сторонниками Ленина — Розы Люксембург, с одной стороны, и сторонниками Каутского, с другой стороны, по злободневным тогда вопросам: о тактике социалистов при возникновении международных военных столкновений¹⁰.

Гамбург получал письма из Лондона от «сестры» очень часто, и мы более или менее были в курсе дела. Получаемую информацию мы, конечно, передавали широким кругам заключенных.

С Гамбургом мы прожили — к обоюдному, должно быть, удовлетворению — месяцев десять, то есть до ухода его в Сибирь на поселение. Из ссылки Иосиф Карлович мне регулярно писал и даже прислал две фотографии: на одной он был снят со своим другом Фрунзе, а на другой — Фрунзе, Петров и он сняты в пролетке. После его отъезда переписку с лондонской «сестрой» Марусей продолжал я. Согласовано было, что я получаю письма непосредственно, ответы же из тюрьмы направляю через моих родных, проживавших тогда в Архангельске. Переписка благополучно без провала продолжалась до моего ухода на поселение.

С конца 1910 года в каторжных тюрьмах началась упорная борьба политических каторжан против бесчеловечного режима мести за революцию 1905 года со стороны царских сатрапов. Борьба велась неравная, но воля революционеров была непоколебима. Мы знали о том, что в России начался революционный подъем. Ни волны Невы, ни камни крепостных стен не в состоянии были надолго задерживать вести общественных настроений. Время работало на нас! Это понимали и тюремщики. Значительное воздействие на руководителей самодержавных палачей и экзекуторов на местах оказали и начавшийся общественный и революционный подъем в среде рабочих, крестьян и интеллигенции, и революционная эмиграция, и сочувствие нам социалистов Европы и Америки. После протеста 1912 года, в котором участвовало около 300 заключенных, начальник Шлиссельбургской тюрьмы, очень дороживший своей репутацией, старался удержаться на позиции «и нашим, и вашим». Чтобы избежать конфликтов с политическими каторжанами, он не обращался с ними на «ты», не требовал величания себя «благородием» и снимания шапок.

В 3-м корпусе сконцентрировалась наиболее активная часть политических каторжан Шлиссельбурга. 3-й корпус стал центром связей с волей, он задавал тон в тюрьме. В 3-м корпусе сидел Владимир Лихтенштадт, хотя и не выбранный голосованием, но всеми, даже на-

И. Е. Пьяных (с п р а в а) и его сын И. И. Пьяных после освобождения из крепости 3 марта 1917 г.

чалством, признанный староста. Здесь же находились старейшие профессионалы-революционеры марксисты Ф. Н. Петров, М. А. Трилиссер, И. К. Гамбург, И. П. Вороницын — председатель Совета рабочих, матросских и солдатских депутатов Севастополя, С. М. Гурвич¹¹ — председатель Совета рабочих депутатов в Ростове-на-Дону, член 2-й Государственной думы, руководитель Шигровского крестьянского союза бессрочный каторжанин И. Е. Пьяных с сыном Иваном¹², М. В. Сафонов¹³, М. Д. Закгейм и В. Д. Малашкин, судимые по делу о взрыве Столыпинской дачи и известному делу на Фонарном переулке, и много других славных боевиков — героев революции 1905 года. А в 1914 году в 3-й корпус был переведен из штрафного корпуса («заразного») и Серго Орджоникидзе.

В одиночках 3-го корпуса все учились и все много читали. Кое-кто занимался переводами с французского, немецкого и английского языков, а некоторые готовились стать впоследствии военачальниками революционных армий — Михаил Сафонов, Павлин Виноградов¹⁴. Первый

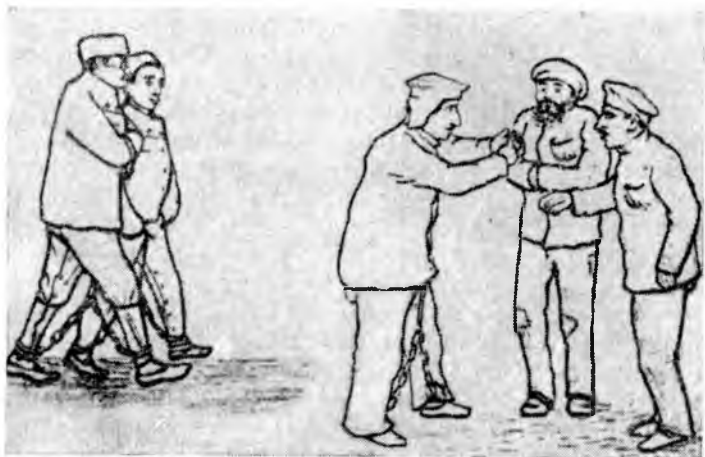
во время революции руководил боями против баев в Центральной Азии, а второй погиб на Северном фронте, командуя в боях против белых и оккупантов.

Библиотека Шлиссельбурга пополнялась очень быстро и умело; во главе ее фактически стоял Лихтенштадт. Главным источником пополнения было согласованное неписаное постановление политических заключенных, что все имеющиеся собственные книги, кроме учебников, по которым продолжается учеба, передаются в полное распоряжение библиотеки. Также и вновь приобретаемые книги после прочтения их купившим переходили в общее пользование (кроме, конечно, учебников и спецлитературы). Кроме того, много книг стало поступать от разных издательств в виде пожертвований. Жертвователями были издательства «Просвещение», Маркса, «Знание» и другие. Из дома присылать книги не разрешалось. Многие родственники и знакомые заказывали книги с присылкой их в Шлиссельбург издательством или посылали деньги в адрес Лихтенштадта на покупку книг.

Так было и со мною: за некоторое время до моего освобождения с каторги, в последние месяцы 1916 года, «архангельская ссылка» — административно высланные в Архангельскую губернию — предложила мне через мою сестру (ссыльную) прислать деньги для коммуны, которая нелегально у нас функционировала. Я, согласовав этот вопрос с Володей Лихтенштадтом, сообщил, чтобы архангельские друзья перевели 400 рублей матери Володи по петроградскому адресу. Кроме того, я выразил Лихтенштадту пожелание, чтобы на эти деньги купили новое издание энциклопедии «Гранат». Уже почти через год, когда я приезжал делегатом на II съезд Советов, Володя мне сообщил, что мое желание было выполнено: все 400 рублей были израсходованы на книги.

На прогулках, на которые летом 1913 года нас стали выпускать по два раза в день, всегда были разговоры о книгах, о прочитанном.

Много и долго спорили по вопросам философии. В центре внимания была длительная полемика между школой В. И. Ленина и школой эмпириомонистов, возглавляемой А. А. Богдановым. Вооружившись книжными доводами и цитатами, политзаключенные на прогулке доказывали правоту той или другой школы. Помню, од-

В Шлиссельбургской крепости. Г. К. Орджоникидзе спорит с Н. М. Ростовым и С. П. Кулаевым. Слева И. П. Вороницын и Б. П. Жадановский.

(С рисунка политкаторжанина А. И. Сухорукова, сделанного в крепости в 1914—1915 гг.)

нажды по моему заказу принесли мне двухтомник А. Богданова¹⁵. Пошли опять толки и споры; только и слышны выкрики спорящих: «Ленин! Богданов! Плеханов!» И снова, и снова начинается перечитывание ленинских трактатов против Богданова... Наконец споры утихают. Но недолго длится относительная тишина на прогулках. Новые вопросы возникают, а часто и старые — утихшие — вновь загораются.

Достал я как-то в библиотеке пятитомник «Истории искусства» Мутера. Поделился с Ястржембским — он был по натуре художником — некоторыми соображениями о древнегреческом искусстве. Ну и пошло! Тут же примкнул большой «спорщик» по всем вопросам Ростов, и он взял в «работу» весьма остроумного Сафонова. Дискуссия об искусстве затянулась надолго. Споры, дебаты перекочевывали через стены нашего корпуса и становились всетюремными.

Ф. Н. Петров, являвшийся арбитром по многим вопросам, часто разъяснял большевистскую точку зрения. Одни споры затихали, чтобы вскоре новые проблемы заняли наш досуг, наши мысли и наш молодой задор.

Был у нас свой портретист — Сухоруков. Он сделал много рисунков и портретов карандашом. На прогулках он всегда был занят рисованием. Меня он нарисовал в день и час, когда Лихтенштадт пришел со свидания с вестью о начавшейся первой мировой войне. Хороши и характерны были его юмористические зарисовки спорящих. В частности, он запечатлел Орджоникидзе во время работы и во время спора. Его карандашу принадлежит характерный рисунок. Орджоникидзе спорит с Ростовым на прогулке, а Кулаев¹⁶ внимательно прислушивается. Зарисовал он почти всех, но — увы! — альбом его, по-видимому, забран был при аресте его в 1937 году. И он, и альбом пропали без вести...

Исключительную пользу в улучшении жизни заключенных, и главным образом политических, оказывал прибывший в Шлиссельбург в середине 1913 года врач Эйхгольц.

Доктор Эйхгольц в своем лечении заключенных исходил из природы болезни: если приходил заключенный, который жаловался на истощение или на головокружение, то он лечил его не разными порошками, а предлагал своему фельдшеру выдать ему 0,5 литра рыбьего жира, столько-то колбасы, селедок и т. п. Все эти «медикаменты» готовились до начала приема больных и расставлены были в аптеке...

В Шлиссельбурге он, правда, селедок и колбасу не раздавал вместо аспирина или других порошков, здесь профиль был другой. Здесь он располагал возможностью «подкармливать» одновременно больничным питанием (при «усиленном» питании к общему больничному питанию добавлялся литр или 0,5 литра молока или одно-два яйца). А то еще была у него «дозировка» — к общему тюремному пайку добавлялось что-нибудь из «эйхгольцовских порошков».

Я останавливаюсь на личности Эйхгольца потому, что он был гуманным тюремным врачом и в своей деятельности был связан с нелегальным политическим Красным крестом.

В итоге всех мероприятий доктора Эйхгольца получилось поразительное снижение смертности в Шлиссельбурге, а абсолютный уровень ее (в процентах) стал ниже существовавшего тогда на воле.

Впоследствии шлиссельбургские землячества Всесо-

юзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев запротоколировали на своих заседаниях заслуги доктора Эйхгольца и в знак признательности преподнесли ему благодарственную грамоту и золотой бокал с соответственной надписью.

Еще народовольцам в последние годы их пребывания в Шлиссельбурге была предоставлена возможность заниматься — по желанию — физическим трудом. Большей частью они занимались огородничеством и цветоводством. После народовольцев в 3-м корпусе остались переплетная и столярная, которые помещались в двух одиночках, а на прогулочных двориках остались маленькая оранжерея и пара теплиц. Переплетная была восстановлена в самом начале преобразования Шлиссельбурга в каторжную тюрьму, а оранжерея только в 1911 году. В ней выращивали рассаду летних грунтовых цветов для немногих клумб на прогулочных дворах. В оранжерее работали только двое заключенных эстонцев: один — уголовный, другой — «аграрник» Мартинсон.

В 1914 году при содействии Эйхгольца тюремное начальство решило наиболее физически слабым заключенным дать возможность побольше оставаться на воздухе. Сначала, еще в первых числах марта, в оранжерею вышли на работу 15 человек, в том числе и я, но с наступлением тепла «слабых», пожелавших целые дни оставаться на свежем воздухе, стало значительно больше, и число их дошло до сорока; среди них Ф. Н. Петров, Серго Орджоникидзе, И. П. Вороницын и другие. Работа производилась под руководством Мартинсона и Лихтенштадта. За счет участка между высокой стеной, отгораживавшей двор 2-го корпуса от бывшего дворика народовольцев, площадь расширилась значительно, но в общем наша «плантация» занимала не больше четверти гектара.

Для усиления кассы подпольного Красного креста мы решили использовать наши цветники. Еще раньше некоторые заключенные, в том числе и я, занимались сушкой цветов, которыми обклеивали специально нарезанные картонки вроде почтовых открыток и в письмах отправляли своим родным. Тюремная цензура пропускала такие открыточки сверх нормированного листка для письма.

На благотворительных вечерах, устраиваемых поли-

тическим Красным крестом под каким-либо легальным предлогом, открытки с подбором букетиков сушеных цветов пускались в лотерею. Продавались они за изрядные суммы. Открытки были так красивы, что охотников приобрести их оказалось много. И Марина Львовна, мать Лихтенштадта, предложила изготавливать открыток с цветами побольше.

Лучше всех эту работу выполнял один политкаторжанин из Польши — Малиновский¹⁷. Делали открытки и другие, но ни быстротой, ни красотой работы сравняться с Малиновским не могли. На сезон 1915 года решили расширить площадь цветоводства за счет сокращения небольшого огорода, который принадлежал 3-му корпусу. Начали также засаживать цветами некоторые участки за крепостной стеной.

Через Марину Львовну была приобретена литература по разведению цветов и уходу за ними, а также лучшие сорта семян, особенно поздноцветущих и холодоустойчивых. Семена для раннего посева собирались со своих цветников.

Уже летом 1915 года начали срезать цветы и букетами в ящиках отправлять в Петербург на продажу на студенческих и других общественных и благотворительных собраниях, устраиваемых политическим Красным крестом, руководимым М. Л. Лихтенштадт и идейно близкими ей людьми. Средства поступали на оказание материальной помощи политзаключенным и ссыльнопоселенцам. Помощь нуждающимся, чтобы сохранить секретность работы Красного креста, рассылалась персонально каждому по рекомендации (в частности, в Шлисельбурге) Володи Лихтенштадта, который, однако, рекомендации давал не лично от себя, а только обсудив каждого претендента с компетентными товарищами. Круг лиц, пользовавшихся помощью, расширился, а месячная помощь на одно лицо увеличилась до 6 рублей в месяц.

Очень памятным было время, когда прогулочный двор, он же «наш огород», был охвачен новыми спорами и дискуссиями, потрясшими всю нашу арестантскую общественность. Это была весть о так называемой «сараевской трагедии»¹⁸. Сразу же тюремные «обозреватели-международники» открыли обсуждение создавшегося положения в Европе. Одни утверждали, что Австрия,

побуждаемая Германией, воспользуется случаем убийства эрцгерцога для объявления войны, другие же утверждали, что все рассосется в дипломатических переговорах. Каждая сторона убеждала противную в «неопровержимости» своей логики. Все, размахивая руками, говорили одновременно, не слушая друг друга. Сумятица продолжалась несколько дней, пока мы не узнали, что по инициативе Австрии война уже идет и что по ходу событий Россия неизбежно включится в войну на стороне Сербии, а Германия — на стороне Австрии. Первая стадия споров кончилась, начались дискуссии и догадки, локализуется ли война или расширится включением прочих государств, экономически конкурирующих между собой. Всеми было признано, что война является империалистической.

С этой общей формулировкой все согласились. Но непримиримый спор вызвал вопрос о месте России в этой борьбе.

Примерно к этому времени наш 3-й корпус пополнился новыми заключенными, только что прибывшими со скамьи подсудимых. Осведомленность о партийной жизни и о революционном движении улучшилась, и вместе с тем среди политкаторжан еще больше усилилось стремление к учебе и знаниям. Стал особенно остро ощущаться недостаток в информации. Нам нужны были газеты, журналы, книги на актуальные темы.

Вскоре изобретательность заключенных разрешила и этот вопрос. Издавна, еще при народовольцах, в 3-м корпусе существовала переплетная мастерская. Теперь эта переплетная, расширенная и лучше оборудованная, обогатилась резальным ножом и сшивальной машиной. Переплетная уже стала выглядеть небольшой фабричкой, в которой могли бы разместиться до 10 рабочих.

По подсказу того же Володи Лихтенштадта его мать предложила начальнику тюрьмы обеспечивать переплетную бесперебойной работой и нужным материалом.

Через некоторое время получили большую партию книг и требуемого для переплетов материала. Среди книг были новые журналы разных направлений: «Современный мир», «Русское богатство» и, главное, издания, выпущенные во время войны Горьким и Сухановым¹⁹.

В переплетной журналы и книги «обрабатывались» — расшивались тетрадками — и выносились нами, пере-

плетными мастерами, при выходе на прогулку, где мы и передавали их товарищам для чтения.

Обойдя «круг близких людей», тетради передавались через библиотеку опять в переплетную, где эти журналы переплетались с завуалированным заглавным листом и поступали в библиотеку на «осторожное» пользование, т. е. выдавались только доверенным лицам. Эта литература всегда вызывала горячее обсуждение.

Но заключенные не ограничивались дебатами и дискуссиями. Для выяснения причин и целей разыгравшейся мировой военной трагедии многие из нас стали изучать эти проблемы со всей возможной в наших тюремных условиях глубиной. Появились объемистые рефераты, написанные на клочках бумаги. Эти рефераты передавались из рук в руки политзаключенными всех корпусов. Потайные «почтовые» ящики загружались до отказа. В частности, в нашей камере мною и Альфредом Нейманом в первые полтора месяца войны были написаны и распространены трактаты «Экономические причины войны» и «Политические цели войны». Были рефераты и на другие темы. Появились и военные обозреватели, например: М. Сафонов, П. Виноградов и другие.

Центром общественной жизни Шлиссельбурга оставался 3-й корпус. Здесь помимо Лихтенштадта сидели Орджоникидзе, Петров, Трилиссер, Пьяных, Вороницын, Богушевич и другие. Правда, Петров, Трилиссер и Нейман вскоре ушли на поселение. Но их заменили другие.

3-й корпус был инициатором целого ряда анкет с разнообразными вопросами. Наиболее интересной и характерной была большая анкета, обошедшая многих узников. Она ставила несколько десятков вопросов о войне, мире, о путях рабочего и социалистического движения и взаимоотношениях государств после войны. Был ряд вопросов об ограждении человечества от войн и о разоружении, о сосуществовании и многих других. На анкету ответили 83 товарища.

Анкету разрабатывали Лихтенштадт и, должно быть, Орджоникидзе — одно время они сидели вместе. Предварительные итоги были такие. По основному вопросу — об отношении к войне и миру — самая большая группа, возглавляемая Орджоникидзе, состояла из 32 человек; затем 10 человек пораженцев, примерно столько же оборонцев, остальные распределялись по

разным группам небольшими количествами в три-четыре человека, а были и такие, которые воздержались от ответов на эти вопросы.

С первых же дней после известий о начавшейся войне традиционные идейные группировки заключенных потеряли свой смысл. Все смешалось. Новые группировки образовались на основе новых «признаков»: как те или другие заключенные относятся к войне.

Бывали случаи, что споры между политкаторжанами обострялись до личных выпадов; изредка они заканчивались даже потасовками. Закадычные друзья порывали друг с другом. Иустин Жук²⁰ и Павлин Виноградов поссорились со своими ближайшими друзьями-единомышленниками на почве разногласий по вопросу о войне. Были и другие инциденты. Но все это оставалось без вмешательства начальства: тюремная и революционная этика соблюдалась.

В те годы произошли заметные изменения в отношении к нам со стороны тюремщиков. Начальник и его помощники стали избегать столкновений с политзаключенными. Разрешили прием продуктовых и бельевых посылок. Сумма ежемесячных трат на улучшение питания из собственных средств с 4 рублей 20 копеек увеличилась в 1915 году до 7 рублей 50 копеек, а в 1916 году — до 15 рублей. Продуктовые и бельевые посылки начали принимать и от приезжающих на личные свидания.

Младшими надзирателями в нашем корпусе были двое из старых жандармов — Стефанович, прозванный «Иудушкой», и Пелезнев, а также один молодой эстонец. Последний с самого начала оказывал нам разные услуги: то газету подбросит, то расскажет какую-нибудь новость. Мы очень дорожили им. Для большей секретности с ним сносился только Лихтенштадт. Двое же старых надзирателей, которые чередовались на нижнем этаже, совершенно преобразились в своих отношениях с политзаключенными с тех пор, как стало известно о предательстве такого сподвижника царского правительства, как Мясоедов²¹. Особенно велико было их возмущение, когда публично начали поговаривать и печатать сведения о Распутине²² и о дворцовых «распутниках». Больше всех непримирим во вражде ко «двору» стал бывший жандарм Пелезнев. Он при выноске из переплетной книг по виду старательно обыскивал нас, а

фактически помогал нам, стараясь ничего не обнаружить. Пелезнев подолгу разговаривал с нами, ища ответов на возникавшие вопросы.

Во время войны снабжение тюрьмы продовольствием ухудшилось. Так, в конце 1916 года в тюрьму стали засылать явно испорченные продукты. Помню, горох и гречневая крупа были так засорены какой-то черной маленькой мушкой, что мало кто брал это варево. Однажды больные в больнице выбросили из окон хлеб, так как он отдавал керосином.

Начальнику многократно жаловались на ухудшение качества черного хлеба и прочих продуктов. Зимберг, по-видимому, решил переложить ответственность на самих заключенных. Однажды срочно были вызваны в контору из 3-го корпуса М. Сафонов и И. Пьяных. Им предложили участвовать в комиссии по приемке продуктов. Оба заявили, что у них нет полномочий от заключенных. Конечно, такая «демократия» была Зимбергу не по вкусу. После обсуждения вопроса с «широкой массой» 3-го корпуса Сафонов и Пьяные стали участвовать в приемочной комиссии. Комиссия провела экспертизу 60 мешков муки и 40 из них забраковала.

Очень большое значение в нашей жизни имели коммуны. Такая коммуна политзаключенных была основана в 3-м корпусе на принципе общего пользования всем поступавшим извне: продовольствием, вещевыми посылками и деньгами. Коммуну возглавлял староста М. В. Сафонов. Его помощником был я. Староста вел учет продуктов и денег, а также составлял очередные списки на распределение. Старосте же передавались заказы на выписку из тюремной лавки. Его помощник ведал получением, хранением и раздачей табака и папирос, чая и сахара. Несмотря на то что формально коммуна была нелегальной, старостат держал в своих камерах запасы. Так, у меня имелся ящик с чаем и сахаром, табаком, папиросами, бумагой и спичками.

При уходе члена коммуны на этап его обеспечивали небольшой суммой денег на дорогу. Я лично перед уходом получил 10 рублей, которые спрятал в корешке одного учебника. По мере возможности, уходящие снабжались сахаром, чаем и табаком.

После отправки Альфреда Неймана на поселение в Сибирь в ноябре 1914 года ко мне в камеру вселился

Закгейм. С ним я просидел около полутора лет — до его перевода в 4-й корпус на работу библиотекарем. Последние же примерно два месяца моим сокамерником был впоследствии известный в Польше председатель Польской партии социалистов (правизы) Пужак²³. По образованию он был юристом. Уже и тогда он был националистически настроен, и в противоположность Ястржембскому, который высказывался за ориентацию на Восток, Пужак ориентировался на Запад.

И хотя со всеми моими бывшими сокамерниками я сплел «дружбу навечно», с Пужаком я расстался без сожаления. Дружба не вышла!

Настало 25 января 1917 года. В этот день закончился срок моего пребывания в Шлиссельбургской тюрьме. Предстояла бессрочная ссылка в Сибирь.

В. Ф. Гончаров.
1950 г. (Публикуется впервые.)

В. Ф. Гончаров

СВЯЗИ С ВОЛЕЙ

Невские воды и громадные крепостные стены отделяли каторжную тюрьму от вольного мира. Эту же цель преследовала и тюремная инструкция, запрещающая чтение газет и журналов и допускавшая связь каторжан с волей только в форме писем и свиданий «с прямыми родственниками по восходящей и нисходящей линии»¹. Каторжане, находящиеся в разряде испытуемых, имели право написать одно письмо в месяц на одном листе почтовой бумаги, переведенные же в 1-й разряд исправляющихся, т. е. раскованные, уже могли посылать по два письма. Количество писем, получаемых с воли, инструкция не ограничивала. Большинство каторжан-уголовников до своего заключения в тюрьму вряд ли чувство-

вало потребность в переписке с родными и знакомыми. Но в тюрьме оказывалось очень мало таких, которые бы не пользовались своим правом в полном объеме, а многие уже ощущали тягость ограничения как в круге возможных адресов, так и в количестве писем. Конечно, ограничение переписки давило больше всего интеллигенцию, и она пыталась его обходить, вписывая на листе почтовой бумаги столько, сколько на воле, пожалуй, не поместилось бы и на трех листах. В этом отношении сильного запрета не было до 1915 года, когда стали требовать писания по линейкам. В общих камерах была еще одна лазейка обходить инструкцию — это писать за тех, кто не имел родных. Но это удавалось, когда адресат узнавал почерк и догадывался вскрыть письмо, присланное ему «для передачи». В таких письмах во избежание конфискации не приходилось упоминать свою фамилию. Однако и эту возможность сократил старший помощник Гудема, который при первом подозрении наводил справки через полицию. Самое содержание писем инструкция обуславливала только личными и семейными сведениями. Это обстоятельство открывало тюремным цензорам широкий простор к вымарыванию всего, что им почему-либо не нравилось. Но у каторжан выработался особый письменный язык, в сравнении с которым эзоповский язык русских публицистов, обходивших цензурные рога-ти, казался незавуалированной откровенностью. По существу это были не письма, а только намеки, головоломные ребусы — их нужно было разгадывать и таким путем узнавать, что творится в тюрьме.

Письмами с воли дорожили все каторжане без различия культурного уровня. Оно и понятно. Ведь это был единственный кусочек жизни, где заключенный чувствовал себя наедине с самим собой. Недаром же, глядя со стороны, казалось, что получивший из родного дома весточку забывал все окружающее: и тюрьму, и кандалы — и переносился мыслью далеко за крепостные стены, туда, где живут вольные люди, где кто-то думает о нем. Человек как будто расцветал. И на самом деле, письма так размягчали каторжную душу, что в такие минуты, кажется, все забывали о чтении получаемых писем противными тюремщиками. А что к этому чтению никто не относился равнодушно, без слов хорошо говорили «письменные» дни. Каторжанин мог писать свое письмо в любое воскрес-

ные, и каждый ждал этого дня словно большого праздника. Однако, когда он получал на руки почтовую бумагу и конверт, праздничное настроение улетучивалось и самое писание становилось делом довольно трудным и мучительным. Одна мысль о том, что письмо попадет в руки тюремщиков, закупоривала душу. Видно было, что всякая фраза выдавливается и как будто она не удовлетворяет, а лишь откладывает на лице страдальческие черты. В общем же редко кому удавалось вымучить письмо в один присест — с утра до обеда, большинство еле-еле справлялось только к вечерней поверке. А между тем если случалась такому человеку надобность послать своему товарищу нелегальную записку не меньшего объема, он накатает ее в полчаса...

Я уже упоминал о том, что тюремные двери и решетки, отрезая человека от воли, замораживали его представления, и как все, оставленное за тюремной оградой, сохраняло те черты, которые запечатлелись в последний раз. Этот лед был настолько прочен, что его не разбивала и переписка с родными. За свое долголетнее пребывание в тюрьме мне приходилось встречать одних и тех же каторжан через большие промежутки времени. Они забывали, что и как рассказывали при предыдущих встречах, и во многом повторялись. Из этих рассказов было ясно видно, что отец, не выдавший в течение долгих лет своего ребенка, или брат брата, не представляет себе происшедших за это время перемен, хотя переписка не прерывалась. Эта черта сказывалась и в самих письмах, чтение которых мне случалось слышать. Они писались с начала до конца в тоне первых дней разлуки, несмотря на то что их получатель, очевидно, успел вырасти из детского состояния. Немногим доводилось убедиться на свидании, что время не стояло на одном месте, и это, конечно, обижало их, вносило ненадолго какое-то беспокойство, а затем все поворачивалось на старый лад.

Мне кажется, что официальная переписка не столько удовлетворяла душевные запросы, сколько раздражала нервы, хотя наши тюремщики обращались с письмами сравнительно сносно, не давая им ни долго валяться в конторе, ни исчезать бесследно. Бывали случаи конфискации, но о них каждый раз объявляли, обещая выдать задержанное письмо по окончании каторжного срока. Понятно, подцензурная переписка не могла удов-

летворить жаждущих общения с волей. И поэтому при всякой возможности каторжане старались установить нелегальную связь. Через надзирателей отправляли письма на волю очень редко, так как это было опасно, а часто и нечем было платить. Иногда вывозили письма из тюрьмы, написанные ради удобства на папиросной бумаге, товарищи, уходящие на этап, чтобы по дороге отправить через конвойных солдат. Но больше всего пользовались симпатическими чернилами, причем каждый тщательно охранял тайну своего способа, полагая, что широкое распространение неизбежно приведет к провалу. Однако я не знаю ни одного случая подобного провала, а также и отказа переслать кому-нибудь нелегальную весточку. Делал это и я и таким образом ознакомился с содержанием нелегальных писем. Все они касались, за исключением немногих, душевных переживаний и настраивали знакомых, как писать под флагом родственников, а также как сообщать новости общественного характера. Из этих своеобразных инструкций особенно понравилась мне одна, в которой по именам братьев, сестер, дядей и теток, племянников обоего пола были распределены все общественные классы, политические партии, формы борьбы и так далее². За новостями с воли, иначе говоря, за хроникой как общественного, так и революционного движения, тянулись все поголовно. Пессимистов среди нас почти не встречалось, но и оптимизм требовал питательных соков, тем более что прибывавшие к нашим каторжанским берегам последние щепки разбитого корабля революции отражали упадочные настроения воли. И нам, старым сидельцам, как-то не хотелось верить рассказам вновь прибывших каторжан о том, что революционное движение заглохло. К началу 1912 года старые связи или порвались, или уже не приносили ничего существенного, и лишь в следующем году положение изменилось к лучшему. В Шлиссельбург привезли большевика Орджоникидзе. Он явился не только первым представителем грядущего за нами поколения, но и обладателем нескольких верных депутатских адресов³. Конечно, этого случая не упустили и скоро послали Роману Малиновскому⁴ нелегальное письмо. Оно хорошо показывает, чего хотели каторжане, почему я и приведу его полностью.

«По поручению группы политических каторжан

Шлиссельбургской крепости, изолированной в заражном отделении, обращаюсь к Вам с просьбой организовать снабжение нас сведениями о политической и революционной жизни мира. Мы полагаем, что Вы находитесь в курсе всех событий лучше, чем кто-либо другой, и поэтому информация нас удовлетворит вполне. Кроме того, Вам легче найти среди знакомых такое лицо, которое обладало бы досугом писать не реже одного раза в неделю. Способ писания Вам сообщит подательница сего. Имейте в виду, что мы вполне гарантированы от провала при условии получения официальных писем от матерей, написанных старческим или малограмотным почерком. Такие письма не только не вызывают подозрения, но почти и не просматриваются тюремной администрацией.

Сведения должны касаться: 1) деятельности Государственной думы и отношения к ней населения; 2) движения среди рабочих, войск, крестьянства и студенчества; 3) деятельности политических партий, особенно социалистических; 4) международного социалистического движения; 5) общего международного положения; 6) новинок социалистической литературы; 7) обзоров журнальной печати и 8) деятельности правительства.

Серго просит Вас послать привет Ульянову по адресу: Paris, Marie Rose, 4. Его осудили на три года. Охранка очень интересовалась, бывал ли он за границей. Серго на допросах валял «кавказского дурака» и говорил «был», но на уточняющий вопрос, где именно, отвечал одно: „в Москве”».

Последний абзац этого письма, кроме сообщения о приезде в Шлиссельбург Орджоникидзе, имел значение и рекомендательное. Малиновский наладил нам информацию⁵, хотя ее получали и не так часто, как хотелось. Другие депутаты тоже не поленились — помогли разыскивать остававшихся на воле товарищей, и нелегальная переписка развернулась относительно широко. Из Шлиссельбурга отсылали корреспонденцию о тюремном режиме, а когда получили сообщение, что в 1914 году состоится Всемирный социалистический конгресс Интернационала, стали готовить целый доклад о положении политических заключенных в русских тюрьмах. Общими усилиями собрали порядочно интересного материала, но начавшаяся мировая война помешала переслать нашу информацию. Зато удалось установить связи

с заграничным Красным Крестом. Списки неимущих товарищей отсылали в австрийский город Закопань, деньги же получали из разных мест.

Много тратилось каторжанской энергии на добывание газет. Они попадали в камеры очень редко и в таких случаях читались буквально до дыр, а уничтожались лишь перед непосредственной опасностью «засыпаться».

Кое-какие вести с воли проскальзывали и во время свиданий, хотя свидания тоже обставлялись усердной надзирательской цензурой. Комната свиданий была разделена на две половины железной решеткой, сплошной от пола до потолка, а на аршин от нее были устроены для посетителей тесные стойла с проволочными сетками. Однако тюремщики не очень полагались на железные преграды: около каждого каторжанина ставили надзирателя, на обязанности которого лежало слушать разговор и в случае отклонения его от семейных дел направлять в законное русло. В промежутке же между решеткой и стойлами находился старший надзиратель и зорко глядел, чтобы руки не высывались навстречу родным. Для пущей важности и острастки надзирателей на каторжанской половине сидел еще дежурный помощник начальника. Такая обстановка убивала всякую словоохотливость, и, можно сказать, удовольствие получали только одни глаза. Свидания разрешались без оговорок о числе посетителей один раз в месяц, но так часто имели их не больше десяти человек, еще десятка два или три каторжан ходили на свиданья значительно реже. Кое-кого проводывали с паспортами родных друзья или товарищи. Однажды случился провал ввиду несоответствия паспортного возраста с наружным видом, но он окончился лишь запретом входить в крепость. На почве такой подмены однажды пришлось и посмеяться вволю.

Сын бывшего крепостного жандарма Фирсова, выслужившись в конторе Шлиссельбургской тюрьмы из писарей в помощники начальника, получил назначение в Иркутскую губернскую тюрьму. Там во время войны его мобилизовали и, пропустив через юнкерское училище, отправили на фронт в качестве офицера. Заехав в Шлиссельбург к родным, он по старой памяти зашел в тюремную библиотеку. Повертевшись немного и щегольнув своим офицерским мундиром, Фирсов наклонился к са-

мому уху Владимира Дмитриевича Малашкина и таинственно прошептал:

— Я раньше был о вас лучшего мнения.

— Как так? — удивился Малашкин, впервые отступив от своего принципа не разговаривать с тюремщиками.

— Прежде вас уважал.

— Меня?.. Никогда не подозревал. Чем же я вас разочаровал?

— Не вы... вообще политические.

— В чем же дело? Не понимаю.

— Вы народ безнравственный.

— Час от часу не легче. Кажется, живем нравственнее святых угодников.

— Нет, извините. Нейман на родной сестре женился.

— Не может быть.

— Я вам говорю. Сам видел. Думаю пусть, ведь они неверующие...

— Почему же вы знаете, что на родной сестре?

— Как же. Сколько лет она ходила к нему на свидания здесь в Шлиссельбурге. Я паспорт сам видел, справку наводили, настоящий, и сестра...

Каторжане-библиотекари покатались со смеху, но Малашкин уже упрямо выступил на защиту нравственности товарища:

— Сестра потому, что несестрам свиданий не дают...

— Не может быть! — вскрикнул в свою очередь офицер.

— Может. Если вас не провести, то кого же?

— Я, право, был уверен, что на родной сестре⁶... Ей-богу, ловко...

Во время войны нелегальные сообщения с волей сократились, пожалуй, потому, что, с одной стороны, допущенные в тюрьму «Правительственный вестник»⁷ и «Русский инвалид»⁸ несколько удовлетворяли потребности,

Е. Р. Этер (Нейман).

(Публикуется впервые.)

а с другой — значительно ослабела тюремная цензура. В письмах стали пропускать сперва оборонческие мысли и выписки из «Призыва»⁹ Плеханова, а затем проскальзывали корреспонденции Лурье, Ларина¹⁰ и, наконец, получили в сокращенном виде даже резолюцию Циммервальдской конференции¹¹. Все это были только мелкие крошки, но и они имели немалое значение в каторжанской жизни. Зато совершенно бесследно прошли два случая, когда сама воля и в живых лицах заглядывала в каторжную тюрьму.

Однажды в Шлиссельбург явились любопытные американцы. Двое мужчин и одна женщина — какие-то безликие и клетчатые, не понимавшие ни слова по-русски, — осматривали тюрьму, трогали вещи руками и морщились, когда им на глаза попадались кандалы. Зимберг пустил этих американцев только в общие камеры, а политических знаменитостей 3-го корпуса — Лихтенштадта и Вороницына — показал лишь в «волчки», должно быть опасаясь, как бы они не заговорили на английском языке.

Несколько иной характер носил проезд в тюрьму перед выборами в IV Думу Александра Ивановича Гучкова¹². Зачем он приезжал, неизвестно. Может быть, завоевать каторжанские симпатии к «народному» представителю? Тюремщики подорвали к нему намеки на уважение приказом величать «ваше превосходительство». Но Гучков и сам утер нос тюремщикам своими замечаниями при осмотре камер:

— Здесь им живется лучше, чем на свободе. Каждому отдельная койка и даже миска...

И не успел «депутат» уйти из камеры, как уголовные каторжане уже вынесли ему свой приговор:

— От такого депутата пользы, как от пожарной лестницы на брачной постели!

Ф. А. Шавишвили.
1956 г.

Ф. А. Шавишвили

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

...Много, очень много страшных событий помнят толстые каменные стены Шлиссельбургской крепости.

Здесь заключенные кончали жизнь самоубийством, обливались керосином и сжигали себя; здесь их били, истязали, расстреливали, вешали и тут же зарывали в землю.

Весной 1915 года меня из Харьковской каторжной тюрьмы препроводили в Шлиссельбургскую крепость. Шла первая мировая война, железные дороги были перегружены, и в связи с этим нашей группе долго пришлось дожидаться в Москве очередного этапа на Петроград. В камерах московской «Бутырки» теснота. После «Бутырки» — петроградские «Кресты»¹.

Караульный пост на острове.
(Публикуется впервые.)

И в «Крестах» большая теснота. Но там мне пришлось задержаться недолго. Через 5—6 дней нас повели на пристань. Сопровождавшие меня конвойные зорко следят за каждым моим движением, а я жадно гляжу на людей — мужчин, женщин, детей, на деревья, дома, экипажи, магазины — на все! Лязг кандалов привлёк внимание прохожих.

Нева. Пристань. Спускаюсь в трюм парохода. Кругом ничего и никого не видно. А как мне хочется ещё и ещё глядеть и глядеть на все, быть может в последний раз!

Часа через четыре пароход пристал к маленькому островку на Ладожском озере.

Вот она какова, «русская Бастилия»!

Но отождествлять ее с Бастилией можно разве лишь в смысле жестокой суровости режима. В Бастилии содержались жертвы фаворитов и фавориток королей Франции². Фавориты и фаворитки запасались так называемыми «секретными письмами» за личной подписью короля с повелением: «Арестовать и заключить в Бастилию...» Кого персонально и на какой срок, эту графу заполнял сам владелец «письма». После падения Бастилии в архивах Парижа были обнаружены 54 тысячи

подобных бланков за подписью одного лишь Людовика XIV³.

История же Шлиссельбургской крепости — это история вековой самоотверженной борьбы народов России за свержение господства угнетателей. Ни одна революция в мире не знает столь длительной подготовительной революционной борьбы, с такими по-длинно неисчислимыми героическими жертвами.

Ф. А. Шавишвили накануне ареста в 1907 г.
(Публикуется впервые.)

В Шлиссельбургской крепости находилось более 800 человек. В числе их много большевиков-ленинцев со стажем активной революционной борьбы, будущих героев гражданской войны и социалистического строительства...

В старых моих бумагах шлиссельбургского периода среди личных писем товарищей по заключению в крепости Михаила Сафонова, Иустина Жука, Вениамина Симоновича⁴, Шарапы и других я обнаружил каторжанский билет И. С. Мельникова⁵:

«Камера № 17,
билет № 148

на каторжника Ивана Сергеевича Мельникова, происходящего из крестьян Тульской губернии и уезда, Мясновской волости, 28 лет, по профессии техник, осужден к каторжным работам на 8 лет по ст.ст. 128, 136, 127...»

В крепости подследственных заключенных не было. В ней содержались лишь осужденные на каторгу. Им и выдавался такой билет, который они обязаны были иметь при себе во время утренней и вечерней поверки.

У меня уцелела и фотокарточка И. Жука, подаренная мне на память, а также фотографии Лихтенштадта, Шарапы, Штрикунова и других политзаключенных.

Большим уважением пользовался у нас Иван Емельянович Пьяных. Мы к нему особенно сочувственно относились еще и потому, что в крепости содержался его сын, с которым отец был строго разлучен тюремными стенами.

Вспоминаются мне дорогие товарищи, вспоминаются каторжные дни и годы...

* * *

В крепости царит тишина. Полное безмолвие кругом, на всем островке. Но обитатели крепости живы — они ходят, мечтают, ловят в мрачной тюремной тишине случайные звуки. За каторжанами зорко следят, их бдительно стерегут. Притаившиеся в полосатых будках на стенах крепости вооруженные люди только этим и заняты. При малейшем подозрительном шорохе нажмут кнопку тайной сигнализации, и вся тюремная стража станет на ноги в боевой готовности против безоружных, но несгибаемых узников.

Уход кого-либо из крепости — целое событие в жизни заключенных. Ведь редко кто доживает до окончания срока и высылки в Сибирь на вечное поселение. Люди умирают от чахотки, тифа, истощения. Но камеры не пустуют. Царские суды гонят сюда все новых и новых заключенных.

Вот уходит «кавказский вулкан» — Серго Орджоникидзе. Серго окончил срок каторги и его под конвоем отправляют на вечное поселение в отдаленные края Сибири. В последние дни он сдержанно волновался. Чем ближе подходил день окончания каторги, тем медленнее двигалось для него время. От подобных психологических переживаний не были свободны даже такие волевые люди, как Серго Орджоникидзе.

Все свое достояние — небольшой чайник, кружку, мешочек с сахаром — он держит в левой руке. Под мышкой зажаты выцветшее арестантское одеяло из солдатского сукна и завернутая в нем набитая соломой потрепанная подушка. Это казенное добро при выходе он обязан сдать в тюремный цейхгауз. Серго намеревается оставить товарищам чайник и сахар, но те возражают.

— Бери, понадобится, тебе далеко ехать!

Но когда он бросил на стол кусок мыла, никто не возразил. Знали, что все равно конвойные в арестантский вагон мыло не пропустят — ведь арестант может намылить пятки, снять кандалы и сбежать.

Обитатели камеры сдержанно волнуются. Наперебой прощаются с уходящим товарищем, обнимают, целуют, завидуют.

— Орджоникидзе! — на всю камеру кричит надзиратель. — Скорей собирайся!

— Прощайте, товарищи! Встретимся при другом строе, — взволнованно говорит Серго.

Он вышел. С шумом захлопнулись железные двери. По камере ходят возбужденные люди. У каждого мелькает в голове: «Осталось еще тринадцать лет...», «Шестнадцать лет...», «Двенадцать лет и семнадцать дней...», «Что там, как там, — далеко, за тюремными стенами?»

Бессрочнику Володе Лихтенштадту незачем заниматься арифметическими вычислениями — бессрочная каторга не поддается делению и вычитанию. Но он тоже взволнован и дрожащей рукой что-то записывает в свою тюремную тетрадь.

В Шлиссельбургской крепости содержались и уголовные, в том числе такие «знаменитости», как похититель иконы «казанской божьей матери» Чайкин⁶, петербургский аристократ де Ласси, убийца-рецидивист Орлов...

Воров-рецидивистов среди уголовных было незначительное меньшинство. Основная масса состояла из случайных, непрофессиональных преступников. Они чуждались воров, аферистов, грабителей и тяготели к политическим, в этом общении повышая свои знания и культурный уровень. После выхода из крепости многие из них оказались достойными гражданами нового строя и активно включились в общественно-созидательную работу.

С другой стороны, встречались и совершенно разувевшиеся в революции бывшие активные подпольные работники. Один из них по фамилии Соколов⁷ сидел со мной в одиночке «заразного» отделения, куда его перевели после карцера. Соколов был активнейшим московским максималистом. Участвовал в крупных революционных актах этой организации. Был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Он был

достаточно образованным человеком, но в крепости совершенно разочаровался вообще в революции.

Однажды, попав за что-то в карцер, Соколов поднял там шум и за это на него надели смирительную рубашку — длинную по колено рубашку из грубого холста с рукавами около двух метров длины каждый, скрутили руки назад, обмотали рукавами, завязав их крепким узлом, и бросили обратно в карцер. Так в «доброе» старое время укрощали строптивых.

В каторжных тюрьмах заключенным разрешали посылать ближайшим родным лишь одно письмо в месяц. У меня по сей день уцелели посланные из крепости письма к родным с тюремной печатью: «Просмотрено. Шлиссельбургская временно-каторжная тюрьма». С переводом в «заразное» отделение я был лишен права переписки с родными, и единственным «средством общения» с ними и вообще с волей у меня оставалось лишь одно — свидения. Так продолжалось до тех пор, пока меня месяца за два до падения крепости не перевели в 4-й корпус.

Передо мной лежит исписанная то чернилами, то карандашом объемистая тетрадь с припиской на последней странице: «Итого в сей тетради пронумерованных, прошнурованных и казенной печатью скрепленных сто девяносто (190) листов». Затем следует подпись помощника начальника тюрьмы и дата: «Марта 11 дня 1915 г.». На первой же странице отмечена фамилия владельца тетради: М. Ремизов⁸. Как очутилась в моих старых документах эта тюремная тетрадь полувековой давности, не знаю.

С Михаилом Петровичем Ремизовым я познакомился во 2-м корпусе после моего перевода туда из 1-го корпуса. Я близко сошелся с этим грамотным большевиком. После освобождения мы некоторое время жили вместе, и, вероятно, он просто позабыл свою тетрадь у меня. Она исписана мелким разборчивым почерком. Чего только в ней нет! Автор тетради вспоминает о своем детстве, о родных и родном селе, рассуждает о философских вопросах, об этике, эстетике, о буддизме и инквизиции, о значении праздника пасхи для верующих и неверующих, о настроениях рабочих Москвы и Питера. Тетрадь полна цитатами из произведений Шекспира,

Пушкина, Лермонтова, Достоевского. Целиком списан «Демон» Лермонтова.

Во многих записях сказывалось, что их автор — человек совершенно изолированный от внешнего мира, лишенный разнообразия вольной жизни, изнеможенный каторгой.

В одном корпусе со мной сидел Еленев, имени которого не помню. До каторги он был где-то в Смоленской губернии земским начальником. Общепародный характер революции 1905—1907 годов обусловил участие в ней самых разных людей, как партийных, так и беспартийных. В камерах царских тюрем среди партийцев иногда попадались и «шепелявые революционеры», в то время как в числе беспартийных встречались люди со стойкими убеждениями. Шире и более подробно о них я пишу в своей подготавливаемой к изданию книге «Царская политическая каторга в деталях». Осужденный к восьми годам каторги, серьезный, уравновешенный бородач Еленев был твердо убежден в необходимости свержения царизма. Что стало с этим человеком после моего перевода в «заразное» отделение, не знаю⁹.

...В карцере темно и днем и ночью. Я перепутал счет дням. Лишь впоследствии выяснил, что на восемнадцатые сутки заболел в этой сплошной темноте. Меня под руки повели в тюремную больницу. В палате на койке лежал арестант в наручных кандалах, что указывало на то, что он «вечник», то есть осужден на бессрочную каторгу. Похож на грузина.

Говорю ему по-грузински:

— Гамарджоба! (Здравствуйте!)

Он оказался Павлом Иосифовичем Мардалейшвили¹⁰, прибывшим из Кутаисской тюрьмы. Выдержанный, размеренно спокойный, он в первые дни революции показал себя замечательным боевиком.

Многие из числа членов других партий, попав в Шлиссельбургскую крепость, в дни революции вышли оттуда стойкими большевиками, как, например, максималист Аркадий Адодин¹¹. В крепости он близко сошелся с Серго Орджоникидзе. Подружился и я с ним, подружился крепко, по-каторжански. После освобождения из крепости месяца четыре мы работали вместе, очищая уезд от обломков царизма и наводя там революционный порядок. Расстались в начале июля 1917 года в Петрограде.

Н. Л. Канторович.
1910 г. (Публикуется впервые.)

Встретились снова через семь лет в апреле 1924 года у Серго Орджоникидзе, у которого он гостил в Тбилиси.

А. Адодин писал мне: «Вы не можете себе представить, как рад встретить еще одного товарища по крепости, к тому же товарища, которого я несколько раз принимался искать и лично сам, и через товарища Серго Орджоникидзе...»

Скончался Аркадий Адодин в 1927 году в Сухуми.

Дружеские отношения наладились у меня и с рабочим из Екатеринослава Тимофеем Фомичевым¹², вместе с которым я некото-

рое время содержался в «заразном» отделении. Фомичев был неплохим поэтом; он и в тюрьме писал стихи.

Как мне впоследствии передали товарищи, Т. Фомичев погиб под Петроградом в боях с белогвардейцами.

Вспоминается мне и активный участник восстания моряков Черноморского флота Н. Канторович. В ноябре 1906 года он был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги.

Когда началась война с Германией, заключенные разделились на два враждебных лагеря — «оборонцев» и «пораженцев». Разгорелись нескончаемые споры. Большинство разделяло позицию большевиков, влияние которых быстро возросло, в особенности после проникновения в крепость тезисов Ленина о войне¹³. И на тюремном режиме отразилась война. Нам стали давать газету «Русский инвалид» и бюллетень «Правительственного вестника». Это было небывалое явление в истории Шлиссельбургской крепости.

Темой наших разговоров с Канторовичем на прогулке был чаще всего разбор содержания свежей газеты, спор о неизбежности заключения мира и амнистирования «внутренних врагов».

— У царя амнистию я не прошу, — говорил мне Канторович. — Жду ее от Ленина.

И дождался! Для всех нас наступил светлый день свободы.

Вторник 28 февраля 1917 года. Пасмурно. Прогулка. Медленно ходим попарно в небольшом кругу во дворе крепости. Со мною в паре Иустин Жук.

Мы тихо беседуем. Повышение голоса, замедление шага, отступление в сторону влекут за собой выстрел, смерть и награду стрелявшему надзирателю — пять рублей за убийство наповал и три рубля за ранение. Вон тот старый бородатый надзиратель Потапов получил пять рублей за убийство политзаключенного А. Красnobродского, вся вина которого состояла в том, что он намеревался насыпать голубям на подоконник крошки хлеба.

— Гад! — тихо говорит по адресу убийцы Иустин Жук.

Жук — человек бурного, негибкого характера, мысливший и действовавший без оглядки по сторонам. Он недавно вышел из карцера. При посещении крепости петроградским градоначальником князем Оболенским на его вопрос, имеется ли просьба, жалоба, заявление, Жук с серьезным видом ответил:

— В камере нет метлы. Распорядитесь, чтобы выдали.

Петроградский градоначальник никак не ожидал подобной дерзкой насмешки со стороны бесправного шليسбургского арестанта. Он счел ниже своего достоинства входить с ним в пререкания, надменно повернулся и вышел из камеры. Угодливые тюремщики без указаний его сиятельства хорошо знали, что за дерзость аре-

И. П. Жук.
1919 г.

Группа политкаторжан „нового Шлиссельбурга“ в день освобождения из крепости 28 февраля 1917 г. Слева направо: С. Аснин, В. Лихтенштадт, А. Сухоруков, Ф. Шавишвили.
(Публикуется впервые.)

станта Жука следует посадить в карцер. И Жук целый месяц провел в подземелье.

Прогулка подходит к концу. Вдруг прибегает старший надзиратель и из наших рядов вызывает в тюремную контору Жука и Малашкина. Они возвращаются оттуда очень скоро. Великан Жук бледен, хочет что-то сказать, но долго не может выговорить ни слова. Наконец выпалил:

— Свобода, товарищи! Революция!

Ряды смешались, все бросились на верхний этаж. Смотрим вниз: масса людей окружает крепость. Развеваются красные знамена. Грянула «Марсельеза».

В Шлиссельбургскую крепость ворвалось дыхание революции! Раскрылись массивные железные ворота, веками охранявшие обитателей «русской Бастилии»!

В контору вызывали по фамилиям. Отобрали 67 человек, в том числе и меня. Сохранилась копия группового фотоснимка освобожденных в этот день с указанием фамилии каждого из них¹⁴.

Во дворе тюремной конторы кузнецы поспешно расковали нас. Ноги, годами привыкшие к тяжести кандалов, поднимались неестественно высоко. Лишь через 2—3 дня наладилась у меня нормальная походка.

Советъ Рабочихъ и Солдатскихъ

ДЕПУТАТОВЪ

Района Шлиссельб

ПОРОХОВОГО ЗАВОДА

ш. п. 3

№ 200

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего - гражданинъ Кутанской
Озургетской уезд. Лихаурекского Общества - Ф.
Амбаковичъ ШАИШВИЛИ, политическій освобожден-
ный изъ Шлиссельбургской крѣпости, что подписъ
приложеніемъ полагаетъ удостовѣрять.

Такие удостовѣренія выдавались политическимъ заключеннымъ, освобожденнымъ Февральской революціей изъ Шлиссельбургской крѣпости.

Арестантскіе халаты перемешались съ рабочими куртками. Люди целуются, смеются, плачут. Кто-то вскочилъ на импровизированную трибуну и произноситъ рѣчь. Второй тоже пытается сказать что-то, но у него ничего не получается, онъ захлебывается, слова застреваютъ въ горле. Впечатленіе такое, будто все сошло съ ума отъ радости. Одинъ заключенный, кажется, действительно тронулся умомъ. Онъ неестественно хохочетъ и бежитъ обратно въ тюрьму.

— Не надуешь, не продашь! Нет, брат, шалишь! Покажи акт, покажи — тогда поверю. Подпись надо, подпись, без подписи нельзя, — бессвязно бормочет он.

Его железная воля выдержала долгие годы сурового режима в царском застенке, но его разум не устоял против первых лучей свободы, той свободы, за которую он смело пошел на каторгу.

Стемнело.

Кружится голова, как не кружилась она даже при аресте десять лет тому назад, когда мне еще не было и восемнадцати. Мыслишь отрывками.

Подходит пожилой рабочий:

— Ко мне, товарищ, пойдем ко мне домой!

Указываю глазами на Мишу Ремизова, матроса Ивана Штрикунова, Павла Мардалейшвили.

— Пожалуйста, пожалуйста, идите, все идите!

Входим в тесную квартиру в заводском поселке. Вижу то, чего не видел в течение десяти лет: ликующие лица женщин, детей.

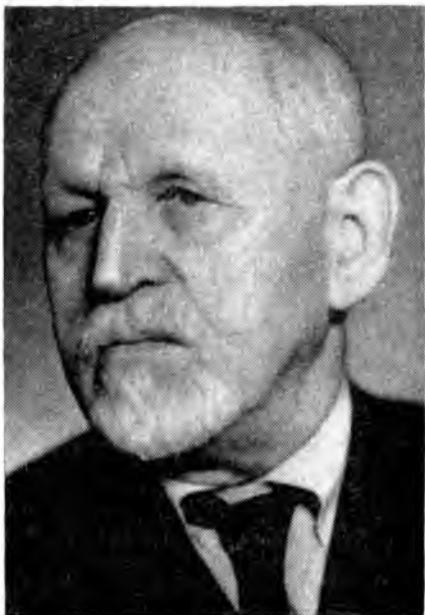
В комнате все привлекает мое внимание — самовар, гитара, искусственные цветы, занавески, окна без железных решеток...

— Кто? Откуда? Как звать? За что сидел в крепости?

Вопросам и разговорам нет конца.

— Товарищ, жив ли Ленин? Мы давно о нем ничего не знаем, — говорю я хозяину квартиры рабочему Алексею Аввакумову, когда волнение немного улеглось.

— Жив Ленин, дорогой товарищ! Жив! Мы тоже о нем долго ничего не знали. А теперь точно скажу: жив! — отвечает рабочий. — Теперь дело пойдет. Наша возьмет!

И. С. Мельников.
1956 г. (Публикуется впервые.)

И. С. Мельников

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРГИ

В ТЮРЬМЕ „ВСЕ СПОКОЙНО“

Конец 1916 года ознаменовался убийством Распутина. Слух об этом быстро распространился по Шлиссельбургской каторжной тюрьме.

Разложение царствующего дома Николая II прошло роковую грань¹.

Но ведь тюрьма живет только обрывками слухов с воли да богатейшей фантазией заключенных.

Достоверные вести с воли мы получали от нашего «главного библиотекаря» Владимира Осиповича Лих-

тенштадта, мать которого на свиданиях с сыном тайно сообщала последние политические новости.

Начальник Шлиссельбургской тюрьмы Зимберг, зная, что мать Владимира Осиповича довольно популярная личность среди революционной части Питера, боялся ставить ее в жесткие условия во время свиданий с сыном, а потому этих свиданий с большим нетерпением ждала вся тюрьма. Владимир Осипович после каждого свидания рассылал записки по всем корпусам тюрьмы, новости быстро распространялись и живо обсуждались товарищами.

Но увя! Это было всего один раз в месяц. В остальное время вся тюрьма жила в кругу своих тюремных дел и интересов.

Днем мы работали в мастерских, по двору, за тюремной стеной, а вечером читали и учились.

Революционная молодежь, в особенности матросы и солдаты инженерных войск имели большие сроки каторги, вплоть до бессрочной. «Вечник» — это обычное явление на царской каторге.

И, однако, все мы с замечательным упорством пополняли свои знания. Подавляющее большинство работало в мастерских, изучало какую-либо специальность: столярное дело, слесарное и т. д. Большую часть своих скудных заработков мы отчисляли на приобретение учебников и литературы. Революционеры сумели царскую тюрьму, где все было направлено на то, чтобы растоптать, унижить человека, превратить в своеобразные народные университеты, «университеты в кандалах».

Первым помощником В. О. Лихтенштадта по библиотечным делам был Виктор Викторович Колосовский.

Колосовский пришел на каторгу со студенческой скамьи, несовершеннолетним юношей. После объявления судебного приговора мать, присутствовавшая на суде, подошла к сыну и громко произнесла: «Я рада, что ты оказался достойным своих братьев». Братья Виктора Викторовича уже отбывали каторгу за участие в революционном движении². Виктор Викторович был любимцем каторжан. К нему можно было обратиться за «перодетой» книгой. Однажды он принес мне книжку, на обложке которой было написано: «Трехсотлетие дома Романовых»³. Я выразил свое недовольство.

— Да ты посмотри внимательно, — наставительно заявил Колосовский.

Перелистывая «Трехсотлетие дома Романовых», я обнаружил там запретные статьи Короленко⁴.

С Виктором Викторовичем я сидел в Петроградской пересыльной тюрьме, шел вместе по этапу в Шлиссельбургскую крепость, где так же, как и он, был помещен в одиночку 4-го корпуса. Спустя некоторое время Колосовского поместили в другой корпус. Я остался в 4-м, в нижнем этаже которого помещались столярные мастерские.

Квалифицированные краснодеревцы-столяры работали в мастерских Шлиссельбургской тюрьмы. По моей просьбе они приняли меня в свою бригаду, состоявшую из шести человек. Камеры, в которых работали столяры, вмещали по шести рабочих мест.

Моим бригадиром был петербургский рабочий умелый краснодеревец Алексей Чураков⁵, которого все звали Алешей, несмотря на то что ему было лет сорок с лишним. При аресте он оказал вооруженное сопротивление полиции, его сильно искалечили, особенно пострадало лицо.

Каждая шестерка столяров работала на коммунистических началах — весь заработок делился поровну между участниками бригады независимо от квалификации.

Мастерские тюрьмы выполняли иногда большие заказы. Наша камера работала на заказах, поступавших от школ. Мы изготавливали школьную мебель. В мастерских преимущественно работали матросы, солдаты инженерных войск, квалифицированные рабочие. Большинство из них принимало участие в массовых революционных восстаниях. Каторжане этой категории прилежно учились, много читали.

Матрос Тимофей Дорофеев⁶ судился по делу о восстании на военном корабле «Пантелеймон» Черноморского флота. В Шлиссельбургскую тюрьму он попал малограмотным, а к 1917 году овладел знаниями в объеме курса высшей математики и продолжал свое образование.

Общаясь с Дорофеевым, я иногда забывал, что нахожусь в стенах тюрьмы. Мне казалось, что мы ведем деловой разговор в цехе завода или фабрики. Встре-

чатся с Дорофеевым, обмениваться короткими фразами было неизменно приятно.

Суровые будни каторги были наполнены борьбой с тюремщиками, борьбой за человеческие права. Наших лучших товарищей бросали в карцеры. Политкаторжане отвечали энергичным протестом.

Так вступили мы в новый, семнадцатый год. Многого ждали от него. И все же день нашего освобождения наступил неожиданно.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Еще утром 28 февраля мы жили обычной тюремной жизнью. В обеденный перерыв, придя из мастерских, я по привычке взглянул из окна своей камеры на снежную пелену Невы и вереницу темных домиков деревни Шереметевки на противоположном берегу.

Я сидел в одиночке 4-го корпуса на четвертом этаже. Пейзаж, который я видел из тюремного окна, служил для меня источником большой радости, далеко уносил меня из холодных стен тюрьмы. Я с жадностью впивался взглядом в безбрежную даль. Белизна снега с голубым оттенком повергает меня и поныне в какой-то трепет. Часовой на крепостной стене да решетка напоминали мне о тяжелой действительности.

Но на этот раз я не узнал знакомый пейзаж. Внимание мое было приковано к движущейся толпе на белом фоне закрытой снегом Невы.

Тем временем в крепости поспешно разнесли скудный арестантский обед. Тюрьма затихла. Потом тишину прервал пронзительный свисток надзирателя.

Наскоро застегивая бушлат, я снова взглянул в окно. Странно. Толпа у Шереметевки продолжает расти.

Щелкнул замок.

— Выходи на прогулку!

— Что там за толпа? — спросил я у надзирателя, выходя из камеры.

После некоторого раздумья надзиратель нехотя ответил:

— Похороны директора завода.

На прогулке мы разбились по парам и закружились

серым узловатым кольцом на сером фоне каменной крепостной стены под серым небом.

Вереница людей, одетых в длинные тюремные халаты, движется, лязгая цепями.

Надзиратель следит за прогулкой. Слышится негромкий, вполголоса, говор.

Молодой питерский рабочий Иван Никитин⁷ говорит своему соседу о возможности близкой революции.

— Ничего особенного, — возразил неподалеку ходивший Лихтенштадт, — маленькое недовольство мелкой буржуазии, очередная думская реформа — и все кончится. Мало ли примеров во Французской революции!⁸

Через несколько часов Владимир Осипович убедился, что Никитин был прав.

НА ВОЛЮ ИЛИ В КАРЦЕР?

После прогулки нас на работу не погнали, что бывало только в праздничные дни.

— Почему нас не ведут в мастерские? — спросили мы у надзирателя.

— Не знаю, — коротко и уклончиво ответил он.

Около трех часов дня в соседней одиночке щелкнул замок.

— Собирай вещи, — обратился надзиратель к политкаторжанину Владимиру Дмитриевичу Малашкину.

— Зачем?

— На волю.

— Я никуда не пойду.

— На волю, говорят тебе, на волю!

— Знаю вашу волю. В карцер?

По горькому опыту многие заключенные знали жестокие шутки своих палачей: часто случалось, что вызывают на волю, а отправляют в карцер. Сосед мой В. Д. Малашкин незадолго перед этим был на объяснении у начальника тюрьмы. Он ожидал наказания, а потому упорно не хотел выйти из камеры.

Наконец после долгих препирательств дверь захлопнулась и послышались торопливые шаги по железной лестнице. Товарищ ушел, убежденный в том, что его ведут в карцер. Вновь все тихо...

МЫ ТРЕБУЕМ НАЧАЛЬНИКА

Спустя некоторое время в коридорах разных этажей захлопали двери и послышался топот быстро и беспорядочно идущих людей.

Тюрьма зашевелилась, мы недоумевали. Что значат эти перемещения? Что за маневр тюремщиков? Тысячи догадок рождались в голове каждого, и не было ответа ни на одну из них.

Некоторые из нас начали стучать в двери, требуя объяснений, почему уводят товарищей. Наконец к нам на коридор пришел старший надзиратель Савченко.

Путаясь в словах, он сообщил, что в конторе депутаты Государственной думы и что туда вызваны наши товарищи. Это сообщение было совершенно непонятно для нас.

Со всех концов посыпались вопросы. Савченко просил успокоиться и, что-то бормоча себе под нос, поспешно ушел.

После сообщения Савченко волнение усилилось. Из камер доносились неумолкаемый грохот и крики. Мы били в дверь кулаками, погами, лезли в форточки, выходящие на коридор.

— Начальника сюда!

С каждой минутой шум возрастал и принимал угрожающую форму.

Мы буйствовали.

— Начальника!.. Начальника!.. — повелительно несло со всех сторон. Надзиратель метался от камеры к камере и буквально умолял успокоиться. Но шум и крики возрастали.

Так продолжалось довольно долго. Впрочем, мы находились тогда в таком состоянии, что едва ли можно было следить за временем.

Но вот в моей камере открылась форточка, через которую подают пищу. Я бросился к двери. Открылись форточки и в других камерах.

У лестницы, ведущей вниз, заложив руку за борт тулупа, стоял бледный, взволнованный помощник начальника тюрьмы Гудема, тот самый Гудема, который прославился своей жестокостью в обращении с заключенными,

Дрогнувшим голосом он сказал следующее:

— Ваши товарищи освобождены по распоряжению Государственной думы⁹.

— Почему только их освободили? Когда освободят других? Освободят ли всех? — тревожно раздавалось со всех сторон.

— Пока еще ничего неизвестно, — произнес Гудема, поспешно удаляясь.

И он тоже куда-то торопился.

ВОЛЯ НАРОДА

Тысячи вопросов оставались без ответа. И вновь поднялся страшный шум. Из некоторых камер понеслись вопли и проклятия.

— Я десять лет просидел, и меня не освободили! — кричал один из наших товарищей с отчаянием и обидой.

Мы чувствовали себя как на тонущем корабле, когда последние шлюпки взяли небольшую группу людей и увезли их на берег, предоставив оставшихся полной неизвестности и тяжелым испытаниям.

Крайнее возбуждение, смятение чувств и мыслей переходили в буйное негодование, протест, шум и крики.

В таком состоянии мы пробыли до самой вечерней поверки. То была последняя поверка в Шлиссельбургской каторжной тюрьме.

Поверку делал Гудема.

Я ждал, чтобы спросить об освобожденных товарищах.

Щелкнул замок. В дверях моей одиночки выросла огромная фигура Гудемы с выпяченным вперед брюхом.

— Скажите, пожалуйста, — обратился я к нему, — каким образом наши товарищи освобождены из тюрьмы?

— Они освобождены по требованию народа.

В голосе и интонации Гудемы слышались незнакомые нотки, чувствовалось, что силой каких-то факторов он поставлен в положение рапортующего нам, а не проверяющего нас.

— По требованию народа? — повторил я, еле сдерживая волнение.

Лицо палача было холодно и внешне спокойно. Он не торопился уходить и, по-видимому, ждал, когда сила потрясающего известия ослабнет во мне настолько, что я смогу задать следующий вопрос.

— Но требование народа никогда не было для вас руководством в действиях, — возразил я.

— Да, — твердо ответил Гудема, держа руку за бортом мундира, — народ потребовал освобождения, и мы это сделали.

— Но как же правительство посмотрит на ваши действия?

— Мы обращались к нашему правительству, но оно ничего нам не ответило.

— В таком случае возможно, что народ потребует освобождения всей тюрьмы?

— Если народ потребует освобождения всей тюрьмы, мы освободим всех.

Дверь камеры захлопнулась.

ВЕЛИКАЯ НОВОСТЬ

Тюрьма погрузилась в молчание. Наше молчание было вызвано «историческим» рапортом Гудемы.

Каменная коробка, в которой я беспомощно метался, казалась теперь жалкой, ничтожной.

Слышу шаги. Кто-то поднимается по лестнице. Неожиданно открывается форточка в двери моей камеры; в рамке ее появляется возбужденное лицо В. О. Лихтенштадта. Он не в тюремном халате, а в черном пиджаке.

— Петербург в руках народа! — взволнованно произносит Владимир Осипович.

— Что вы говорите?!

— Николай II арестован. Образовалось Временное правительство¹⁰.

И это была ошеломляющая новость.

— Вы ночуете в тюрьме?

— Нет, мы сейчас уезжаем, пришли сообщить вам о событиях и о том, что завтра будут освобождены все.

Владимир Осипович быстро захлопнул форточку и побежал дальше.

Что-то огромное нарастало в сознании.

— Петербург в руках народа! Николай арестован! — слышалось в соседней камере.

Не успел я справиться с первым натиском мыслей, как вновь открылась форточка двери, и я увидел сияющие глаза В. Д. Малашкина.

— Товарищи, в России революция, царь арестован!

— Кто вас освободил?

— Рабочие! Рабочие шлиссельбургских заводов.

И вслед за этим на ходу, с детской милой улыбкой на лице, окаймленном длинной бородой, Малашкин восторженно сообщил мне, точно по секрету:

— Сегодня ехал на санях!..

И вновь захлопнулась форточка.

После десятилетнего пребывания в стенах каторжной тюрьмы он впервые ехал на санях в тихий морозный вечер с группой рабочих сообщить своим товарищам по тюрьме, что завтра рабочие шлиссельбургских заводов придут освобождать их из стен Шлиссельбургской крепости!

Разумеется, описание моих переживаний и в тысячной доле не отразило того, что происходило тогда в наших умах и сердцах.

Прозвучали торопливые шаги уходящих Малашкина и Лихтенштадта.

Они пошли без надзирателей. Мы остались в камерах. То была последняя ночь за решеткой.

Кто-то запел: «Отречемся от старого мира...»

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В ТЮРЬМЕ

Услышанное от Малашкина и Лихтенштадта было так огромно и неожиданно, что мозг отказывался вместить нарастающую лавину мыслей. Думал я и о своих близких: скоро увижу мать... Как она будет рада... Быть может, сейчас отец сидит у тускло горящей лампы и непослушной рукой царапает письмо, в котором сообщает, что корма подошли к концу, корова еще не отелилась, заработки неважные. И, наверное, он еще не знает, как много изменилось в мире в этот день.

Свобода, свобода, свобода!..

Нужно успокоиться, лечь и ни о чем не думать. Сбрасываю с себя убогое платье, опускаюсь на тощий, сбившийся к одной стороне соломенный тюфяк. Натягиваю на голову одеяло. Стараюсь заснуть.

Все напрасно... Ничего не помогает... Нет силы, которая могла бы удержать пламенное клокотание мыслей.

Вновь поднимаюсь с койки, одеваюсь, начинаю ходить из угла в угол.

Я слышу шаги и в соседней камере. Во всей тюрьме никто — ни один заключенный — не сомкнул глаз в эту историческую ночь, в ночь под 1 марта 1917 года.

Свобода, свобода... Она была началом и концом всех мыслей и переживаний.

Долго, мучительно долго тянулась ночь... Казалось, время жестоко замедляет свой темп. Мы усиленно торопили его, но оно шло своим неизменным порядком.

Наконец забрезжил свет. Смутно обозначились контуры тюремных стен, темная фигура часового на крепостной стене, штык, угловая башня.

Но когда же наконец настанет день?

И день настал.

Камеры нашего коридора больше не закрывались. Мы обсуждали события дня или, вернее, ночи.

Утренний чай и пайка хлеба остались нетронутыми.

Около 9 часов утра из окна нашей камеры я увидел первые ряды рабочей демонстрации. Теперь демонстранты шли к Неве.

Трепетали красные полотнища флагов. Я открыл форточку и прильнул к решетке окна. Отчетливо обрисовывались фигуры людей. Ухо уловило отрывок революционной песни. Пел женский голос. Точно пламенем обволокло сердце. Точно вихрем подхватило меня.

— Товарищи!.. Они идут!..

— Смотрите, идут рабочие с красными знаменами!..

Все бросились к окнам.

— Поют, слышите?

— Да, да, поют... Там даже женщины... Слышите женские голоса?

Впившись глазами в демонстрантов, мы видели, как количество их все увеличивалось, все возрастало.

Шли они уверенно, деловым шагом. Все вперед по

снежной пелене Невы, все ближе к городу Шлиссельбургу, где они должны повернуть к крепости.

Сколько же их? Тысячи... Тысячи...

ТЮРЬМА РАСКОВЫВАЕТСЯ

Тюрьма ответно встрепенулась. Необыкновенно резкий лязг цепей наполнил крепость. Кто-то из товарищей бежал по коридорам с молотком и зубилом.

Шлиссельбургская каторжная тюрьма расковывалась.

— Скорей, скорей! — торопили мы, и каждый из нас порывался взять молоток из рук товарища, чтобы ускорить работу.

Торопливо и неверно бьет молоток по зубилу. Лихорадочно трясутся руки работающего. Послушно поворачивается закованная нога товарища.

Еще удар молотка, заклепка падает, блеснув свеженадрубленным металлом, сползает полукольцо кандалов с ноги. Вот свободна и вторая нога. Товарищ улыбается. Делает несколько шагов. Ноги ступают неверно и несмело.

— Проклятие! — Кто-то с силой отшвырнул кандалы в сторону. Они лязгнули и раскинулись, поблескивая на черном асфальте коридора.

Работавший переходил из камеры в камеру. Привычное ухо не улавливало больше ритмичного лязга железа.

Как все это велико, как просто...

Я снова у окна моей камеры. Хочется в последний раз запечатлеть в памяти знакомый зимний пейзаж, единственное утешение моей тюремной жизни.

И вдруг я вижу такую сцену: на крепостной стене появляется рабочий; он приближается к надзирателю, берет у него винтовку и снимает подсумок с патронами. Надзиратель беспрекословно отдает оружие. Рабочий подходит к другому надзирателю, стоящему вдали, делает то же самое и молча деловито уходит. Вся эта сцена заняла не более пяти минут. Надзиратели топчутся на одном месте, не зная куда деться. Ведь они уже не при исполнении своих обязанностей!

Но вот после некоторого раздумья они движутся к угловой башне, садятся у основания ее на ступеньки

лестницы, ведущей в башню. Опустив головы, они молчат, думая, очевидно, одну и ту же думу: «Что-то будет?»

Мы слышим, как нарастают, крепнут звуки революционных песен, усиливается с каждым мгновением шум толпы.

Вот она у крепостной стены. Мы бросаемся к окнам, выходящим на двор у входа в тюрьму.

Под сводами ворот первые ряды демонстрантов. Мы узнаем своих товарищей, переодетых в вольные платья. Малашкин, в каракулевой шапке и в черном пальто с кортиком у пояса, Иващенко, в серой огромной шляпе, Лихтенштадт, Жук машут нам руками. Кто-то подобрал шапку.

— Ура!.. Ура!..

«Отречемся от старого мира...» — ответно поют на нашем коридоре.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Трое товарищей, схватившись за решетки окна, махали платками демонстрантам и громко рыдали. Рыдали, как дети. Неудержимо катились слезы, капля за каплей текли они по взволнованным лицам. Без внутреннего содрогания я не мог смотреть на товарищей. Я был потрясен. То были слезы великой, беспредельной радости за себя и за других.

Кто-то пробежал по коридору:

— Товарищи, выходите!..

— Да здравствует свобода!.. — точно эхом отозвалось внутри каменных стен.

Торопливые шаги, трясущиеся руки, мокрые от слез, воспаленные глаза, бессвязная, отрывистая речь.

Быстро освобождался тюремный коридор, погружаясь в безмолвие.

Тюрьма умирала. Нарождалась новая жизнь.

— Освободи общие камеры! — крикнул кто-то мне, сбегаая с лестницы. Я подошел к надзирателю, выхватил у него тяжелую связку ключей. Быстро бегу к общим камерам, волнуясь, подбираю ключи. Ключ входит в скважину. Поворот, всего лишь один поворот. Тяну к себе дверь, она без шума открывается.

— Товарищи, на волю! Да здравствует свобода!

— Свобода, свобода, свобода!.. — ответно гудит камера, живой лавиной несясь навстречу мне.

Открываю последнюю дверь. Бросаю ключи и сливаюсь с толпой освобожденных. В коридорах разбросаны кандалы. Кто-то взял их себе на память. «Покажу на воле», — объяснял он.

Мелькают знакомые лица. Кандалы, чайники в руках — словно на большом этапе.

— В цейхгауз, товарищи, получать вещи... — доносилось снизу.

Там раздавали вещи освобожденным. Тут же раздевались, поспешно сбрасывая с себя старое арестантское платье, и получали из запасов тюрьмы новые рубахи, штаны, шапки.

Непрерывным потоком толпа двигалась к выходной двери. Вся лестничная клетка, начиная с четвертого этажа и кончая выходом, была запружена народом.

И вот мы на дворе крепости.

Неподалеку от 4-го корпуса толпились освобожденные товарищи; еще дальше на площадке против конторы стояли рабочие с красными знаменами. В центре толпы запряженная в сани лошадь. На санях-розвальнях были нагружены винтовки и другое оружие, отобранное у стражи тюрьмы. На возу стоял Иустин Жук и произносил пламенную речь. Более вдохновенных ораторов я потом никогда не встречал. В его фигуре, глазах и во всем выражении лица чувствовалось огромное напряжение и стремительность бойца. Речь Жука была насыщена пафосом борьбы.

После Жука говорили тюремный врач Эйхгольц и Лихтенштадт. Владимир Осипович сообщил, что из тюрьмы не освобождаются палачи и предатели из «сучьих» камер. Все эти арестанты передавались в городскую тюрьму.

Возле конторы на небольшой площадке стояло бывшее начальство Шлиссельбургской каторжной тюрьмы во главе с Зимбергом. Их лица выражали страх.

— Товарищи, сейчас мы направляемся на заводы, где нас ждут рабочие! — выкрикнул Жук¹¹.

Толпа всколыхнулась. Обоз с тяжелобольными товарищами двинулся вперед. Больных, но способных идти, вели под руки.

Сомкнулась толпа. Затрепетали в воздухе знамена, растут и крепнут звуки революционных песен. Открылось замечательное в истории русского революционного движения шествие. Без единого выстрела пала «русская Бастилия».

Мы вышли из ворот, над которыми начертано: «Государева».

Когда-то над надписью парил двуглавый орел — эмблема дома Романовых.

Теперь орел был сорван и разбитый валялся на земле.

НА ТОМ БЕРЕГУ

Мы медленнодвигаемся к Шлиссельбургу, где на берегу нас ждут жители города и заводские рабочие.

Огромная толпа народа слегка шевелилась; над нею реяли знамена. По мере приближения к берегу волнение охватывало нас все больше и больше. Слышатся торжественные слова революционной песни:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

Вот уже первые наши ряды подошли совсем близко к берегу.

И все слилось в могучем волнующем потоке. Люди в каком-то порыве обнимались, целовали друг друга.

Улицы Шлиссельбурга были запружены народом.

Мы медленно двигались вперед. В арестантских халатах, в стоптанных «котах», с жалким своим имуществом мы вызывали сочувствие толпы. Нас зазывали на кваргиры, давали теплую обувь, шапки, перчатки.

Незабываемые часы! Незабываемый день!

Только к вечеру мы попали на завод. Рабочие праздновали большой праздник, праздник освобождения!

В столовой нам приготовили пищу. Мы расположились по-этапному. Гремели чайники, звенела посуда, дымилась пища, сновали люди. Вот появились и детишки. Они рассматривали нас как необыкновенных существ, привезенных из неизвестных им мест.

Рабочие подсаживались к столикам, за которыми сидели освобожденные, и оживленно беседовали.

К нашему столику подошел рабочий.

— Не хотите ли, товарищи, переночевать у меня? — обратился он.

Уже вечерело, зажгли огни.

— Мы вас стесним, да заночуем и здесь как-нибудь, — отказывались мы в некотором смущении.

— Что вы, товарищи, вы уж не откажите! Ведь мы вас ждали, — возразил он.

И мы действительно убедились, что в рабочих семьях нас ждали. Нам отводили лучшие места за столом, уступали единственные кровати, а сами ютились в уголках убогих квартир. Напрасны были все наши протесты, никто не хотел и слушать наши возражения.

Далеко за полночь я лег на приготовленную для меня постель. Это была первая ночь на свободе. Как сладко и приятно засыпать с сознанием, что завтра уже не услышишь пронзительного свистка, поднимающего заключенных на утреннюю поверку!

Образовался Революционный комитет. День и ночь шла в нем организационная боевая работа.

Товарищи сбивались с ног, спали одетые, сидя за столами или просто на полу, прислонившись к стене. Бильярдная клуба была превращена в штаб, куда доставлялось конфискованное оружие.

Малашкин где-то неосторожно оступился, у него растянулись сухожилия ноги. Товарищи носили его на носилках на заседания комитета. Наконец ему запретили двигаться. Я помню его больного, прикованного к кровати, но радостно возбужденного.

Каждый день из Питера приезжали товарищи, державшие с нами связь, и подробно сообщали о событиях, развивающихся в столице.

Кто-то повесил кандалы на стене большого зала клуба. Это было своеобразное «украшение» зала.

Многие бывшие заключенные партиями эвакуировались на родину.

Революционный комитет, отпуская нас со своей территории, каждому выдавал такой документ:

«Удостоверение.

Дано сие гражданину (такому-то) в том, что он политический, освобожден из Шлиссельбургской крепости. В чем подписью и приложением печати удостоверяется».

И. С. Мельников.
1907 г. (Публикуется
впервые.)

Часть товарищей устроилась на работу в цехах завода¹².

По требованию рабочих Революционный комитет постановил сжечь Шлиссельбургскую крепость¹³, предварительно очистив кладовые и корпуса от ценностей¹⁴.

И потянулись подводы с книгами, кожей, сапогами, продуктами, мануфактурой и прочим¹⁵...

Прогнали стадо свиней — штук до тридцати. Свиньи были жирны так, что не могли двигаться, — их клали на сани. Начальство откармливало свиней за счет арестантского пайка. Потому-то некоторые политзаключенные

по выходе из тюрьмы могли передвигаться только при помощи товарищей: так они были изнурены и слабы.

Народ предоставил возможность нашему тюремному начальству подвести итоги своей деятельности на пользу «престолу и отечеству» в камерах городской тюрьмы. При аресте в тюрьме Зимберг плакал¹⁶.

...Шлиссельбургская каторжная тюрьма горела. На фоне клубящегося дыма на флагштоке угловой башни против горящего 4-го корпуса, где в дни царских тезоименитств вилял трехцветный флаг, теперь реяло свежее полотно Красного знамени.

По временам оно рвалось ввысь и трепетало. И было нечто необычайно величественное в этом полете Красного знамени над «русской Бастилией», павшей по воле народа.

**ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ
ПРИ ССЫЛКАХ НА ИСТОЧНИКИ
В ПРЕДИСЛОВИИ И КОММЕНТАРИЯХ**

БП — Библиотека города Петрокрепости Ленинградской области.

БС — Сергей Гессен. Биографический список заключенных «нового Шлиссельбурга» (Ленинградский партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС, ф. 4000, оп. 7, ед. хр. 348, лл. 1—51 об.).

ГАОРСС ЛО — Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области.

ИЦТ — М. Н. Гернет. История царской тюрьмы, тт. 1—5, изд. 3. М., 1961—1963.

ЛПА — Ленинградский партийный архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС.

ПСС — Полное собрание сочинений.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

КОММЕНТАРИИ

Г. К. Орджоникидзе

«ДРУГ, МУЖАЙСЯ! ДЕНЬ НАСТАНЕТ!..»

Стихотворение сохранилось в одной из тюремных тетрадей Г. К. Орджоникидзе и относится к 1913 году. Впервые опубликовано в книге: З. Г. Орджоникидзе. Путь большевика. М., Госполитиздат, 1945, стр. 127—128. Печатается по первой публикации.

Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886—1937) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный ученик В. И. Ленина. С 1912 г. — член ЦК партии. В Центральный Комитет был избран на VI (Пражской) конференции РСДРП(б). По возвращении из Праги в Россию 26-летний Г. К. Орджоникидзе снова — в пятый раз — был арестован и через 6 месяцев приговорен к 3 годам каторжных работ и вечной ссылке. Главное тюремное управление определило для Г. К. Орджоникидзе местом отбывания каторги Шлиссельбургский централ. «Выбор именно этой тюрьмы объясняется очень просто, — пишет М. Н. Гернет. — Руководящий орган тюремного ведомства имел определенный взгляд на Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, как тяжкую по своему режиму, как на прямую наследницу упраздненной государственной тюрьмы внутри стен Шлиссельбургской крепости и особенно как на вполне надежное место для заточения тех, побег которых признавался особенно опасным. Кроме того... правительство вообще стремилось отправлять революционеров-кавказцев в холодные, сырые места, намеренно создавая условия для их быстрой гибели» (ИЦТ, т. 5, стр. 191—192).

8 октября 1915 года отбывшего каторгу Г. К. Орджоникидзе отправили в сибирскую ссылку.

¹ Перестукивание осуществлялось с помощью «тюремной азбуки». Алфавит располагался в несколько горизонтальных и вертикальных рядов:

А	Б	В	Г	Д	1
Е	Ж	З	И	К	2
Л	М	Н	О	П	3
Р	С	Т	У	Ф	4
Х	Ц	Ч	Ш	Щ	5
Э	Ю	Я			6
І	ІІ	ІІІ	ІV	V	

Каждая буква отстукивалась двумя группами ударов, разделенными паузой. Первые удары обозначали место буквы по горизонтали, вторые — по вертикали.

Ф. Н. Петров

В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Впервые опубликовано в книге: Ф. Н. Петров. 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. М., Госполитиздат, 1962, стр. 40—54. Печатается по первой публикации. В настоящее издание внесены отдельные уточнения.

Петров Федор Николаевич (род. в 1876 году) — один из старейших участников революционного движения в нашей стране, член КПСС с 1896 года. По образованию врач, доктор медицинских наук, действительный член Академии медицинских наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. Родился в Москве в семье рабочего. Революционную деятельность начал в середине 1890-х годов в марксистских кружках Москвы. В 1905 году — один из руководителей героического восстания Киевского саперного батальона. В 1906 году арестован и по приговору Варшавского военного суда осужден на 7 лет каторжных работ. Каторгу отбывал в Шлиссельбургском центре (1908—1915 гг.), откуда был выслан в Иркутскую губернию. В годы гражданской войны воевал против Колчака в партизанских соединениях, позднее возглавлял правительство Дальневосточной республики. В 1920-х годах проявил себя как видный организатор советской науки и культуры. С 1928 года по настоящее время член Главной редакции Большой советской энциклопедии. Ф. Н. Петров — автор многочисленных научных трудов по истории науки, музееведению, истории медицины и культурного строительства в СССР. За выдающиеся заслуги перед Советским государством и Коммунистической партией Ф. Н. Петрову присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ф. Н. Петров избирался делегатом XXII и XXIII съездов КПСС.

¹ Ф. Н. Петров и семь его товарищей были осуждены 26 ноября 1907 года по обвинению в принадлежности к Варшавской военно-революционной организации РСДРП(б), «поставившей себе целью, — как гласил приговор, — путем народного восстания и восста-

ния среди войск насильственное ниспровержение в ближайшем будущем установленного в Российской империи основными законами образа правления для замены его республиканским строем...» (Цит. по ИЦТ, т. 5, стр. 91). Ф. Н. Петрову назначили наивысший в приговоре срок каторжных работ.

² Имеется в виду здание так называемой Старой тюрьмы, постройки вековой давности, которая с 1884 года предназначалась лишь для временного пребывания заключенных (вновь присланных, переведенных на карцерное положение или привезенных в крепость для казни).

³ Большой знаток шлиссельбургских карцеров, отбывавший «карцерную сидку» до 25 раз, В. Ф. Гончаров, воспоминания которого профессор М. Н. Гернет приравнивает к исследованиям (ИЦТ, т. 5, стр. 43), писал: «Даже солдаты, испытывшие на военной службе все виды карцера — простого, смешанного, строгого, имели смутное представление о рекомендуемом законом одиночном заключении: им на военной службе давались в карцер шинель, табак и тому подобная благодать. Тюрьма, главным образом каторжная, расшифровала... понятие «карцера» лишением человека всего, что считается человеческим: света, тепла, одежды, питания — ввержением в земную преисподнюю» («Былое», 1925, № 1, стр. 119).

⁴ Морозов Николай Александрович (1854—1946) — видный революционер, ученый-энциклопедист. В революционном движении деятельно участвовал с 1874 года, со времени «хождения в народ». После трех лет тюремного заключения по «Процессу 193-х» вновь вернулся к революционной работе — сначала в «Земле и воле», а с 1879 года в исполнительном комитете «Народной воли». В 1881 году был арестован по делу «первомартовцев», осуществивших убийство Александра II, и приговорен к вечной каторге. Отбывал каторгу сначала в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, а затем на «Острове мертвых» — в Шлиссельбургской тюрьме, откуда его освободила первая русская революция. После 1905 года сочетал революционную работу с научно-педагогической деятельностью. Внес значительный вклад в развитие самых различных областей науки: математики, астрономии, космогонии, химии, биологии, геофизики, метеорологии, авиации, истории, философии, политической экономии, языковедения; был ярким беллетристом. С 1932 года — почетный член Академии наук СССР по химическому и физико-математическому отделениям.

⁵ Подробное описание библиотеки старого Шлиссельбурга содержится в воспоминаниях М. В. Новорусского («Записки шлиссельбуржца». 1887—1905. ГИЗ, 1920, стр. 151—172).

⁶ Усадьба Борок на Ярославщине, в которой Н. А. Морозов родился, а после Шлиссельбурга написал большую часть своих книг, была передана Советским правительством в пожизненное пользование ученому.

⁷ Трилиссер Михаил Абрамович (1883—1939) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член КПСС с 1901 года. В годы первой русской революции — руководитель Военной организации большевиков, редактор большевистской газеты «Вестник казармы». В ноябре 1906 года избран председателем Временного бюро военных и боевых организаций большевиков. В августе 1909 года выдан провокатором и в сентябре

1909 года по обвинению в принадлежности к Финляндской военной организации РСДРП(б) осужден на 5 лет каторжных работ. Каторжный срок отбывал в Шлиссельбургском центральном. В 1914 году сослан в Сибирь. Среди политкаторжан пользовался подлинным авторитетом. После свержения самодержавия — активный участник социалистической революции и гражданской войны в Сибири, член Амурского обкома партии. Позднее работал в аппарате ЦК партии, заместителем председателя и начальником иностранного отдела ВЧК—ОГПУ, заместителем наркома РКИ, членом ЦКК. Последние годы своей жизни М. А. Трилиссер был членом Секретариата Исполкома Коминтерна.

⁸ V (Лондонский) съезд РСДРП(б) работал с 30 апреля по 19 мая 1907 года. По важнейшим вопросам революционной борьбы пролетариата (об отношении к буржуазным партиям, о тактике в Государственной думе, об отношении партии к профсоюзам) съезд, осудив соглашательскую позицию меньшевиков, принял ленинские решения.

⁹ О Д. А. Трилессере см. стр. 230.

¹⁰ Жадановский Борис Петрович (1885—1918) — профессиональный революционер, видный участник первой русской революции. В ноябре 1905 года вместе с Ф. Н. Петровым возглавил восстание солдат саперного батальона в Киеве. Раненный царскими карателями, был выдан жандармам и приговорен к расстрелу, замененному вечной каторгой. В Шлиссельбургском центральном стал любимцем политзаключенных, проявлял негибаемую стойкость в борьбе с произволом тюремщиков. В 1912 году переведен «на исправление» в Орловскую каторжную тюрьму, затем в Херсонский центральный, откуда — тяжело больной туберкулезом — освобожден Февральской революцией. После Великого Октября — товарищ председателя Ялтинского Совета рабочих и солдатских депутатов. 27 апреля 1918 г. героически погиб в бою с петлюровцами. О Б. П. Жадановском см.: И. П. Вороницын. История одного каторжанина. М.—Л., ГИЗ, 1926; Александра Бруштейн. Вечерние огни. М., 1963, стр. 192—210.

¹¹ О В. О. Лихтенштадте см. стр. 245.

¹² О связях шлиссельбуржцев, и в частности В. О. Лихтенштадта, с волей см. стр. 189—196.

¹³ Лучинский Николай Флорианович — инспектор Главного тюремного управления, редактор «Тюремного вестника».

¹⁴ При обсуждении заявления 64 членов Думы об обращении к министрам внутренних дел и юстиции с запросом «По поводу незакономерных действий администрации Орловской, Алгачинской и некоторых других тюрем по отношению к заключенным» отмечалось: «В Шлиссельбургской образцовой тюрьме бьют просто палками» (Четвертая Государственная дума. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия I, СПб, 1913, стр. 1218).

¹⁵ Фишер Куно (1824—1907) — немецкий буржуазный историк философии, гегельянец. В фундаментальной «Истории новой философии» изложил воззрения крупнейших западноевропейских философов нового времени (Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница, И. Канта, Г. Гегеля и др.).

¹⁶ См.: В. И. Ленин. Конспект книги Гегеля «Наука логики». ПСС, т. 29, стр. 158.

¹⁷ Цитируемый Ф. Н. Петровым текст является переводом следующей записи, сделанной В. И. Лениным по-английски на

полях названного конспекта: «These parts of the work should be called: a best means for getting a headache!» (там же).

¹⁸ Чупров Александр Иванович (1842—1908) — русский буржуазный экономист и статистик, специалист по экономике железнодорожного транспорта; либеральный общественный деятель и публицист.

¹⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 24, стр. 64.

²⁰ Фламмарин Николай Камилл (1842—1925) — знаменитый французский астроном-популяризатор, ученый и беллетрист. Восторженно приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Кроме «Популярной астрономии» (издана в 1879 году; русский перевод — М., 1908) на русском языке была издана его книга «Прогулка по звездам» (Л.—М., 1924) и другие сочинения.

²¹ В речи на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи (2 октября 1920 года) В. И. Ленин говорил: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием все тех богатств, которые выработало человечество» (В. И. Ленин. Задачи союзов молодежи. ПСС, т. 41, стр. 305).

²² А. И. Герцен. Речь при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке в 1857 г. (в кн.: А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 1. М., 1954, стр. 367—368).

Д. А. Трилиссер

«НОВЫЙ ШЛИССЕЛЬБУРГ»

Печатается впервые по исправленной автором машинописной копии с автографа, хранящейся в ГАОРСС ЛО (ф. 507, оп. 1, д. 11, лл. 3—17). По местонахождению в архивном деле мемуары Д. А. Трилиссера следует датировать 1932 годом.

Трилиссер Давид Абрамович (1884—1934) — профессиональный революционер, партийный и советский работник. Брат М. А. Трилиссера. С 1902 года работал в Астраханской и Одесской организациях РСДРП, несколько раз подвергался арестам, заключению в тюрьму и высылке. В период первой русской революции — член Боевой организации большевиков. В 1906 году вел революционную работу среди войск в Самаре, а затем в Финляндии, где участвовал в подготовке вооруженного восстания. В сентябре 1907 года был арестован и после двухлетнего предварительного заключения 13 сентября 1909 года осужден на 5 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге.

Д. А. Трилиссер — активный участник подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. В 1919 году сражался против войск Юденича. В 1920—1921 годах — секретарь Петроградского губисполкома, позднее — на партийной работе в Ростове-на-Дону и Владимире. Последние годы жизни — член президиума Центрального совета Всесоюзного общества старых большевиков и староста Ленинградского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

¹ Гершуни Григорий Андреевич (1870—1908) — один из руководителей Боевой организации и член ЦК партии эсеров. В 1903 году арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В марте 1904 года приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, которую начал отбывать в Шлиссельбургской крепости. Осенью 1905 года был переведен в Акатуйскую тюрьму, откуда в октябре 1906 года бежал за границу. В 1907 году выступал за соглашение с либеральной буржуазией. Умер в Цюрихе.

² Карпович Петр Владимирович (1875—1917) — эсер; в ответ на репрессии по отношению к участникам студенческого движения смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова (11 февраля 1901 года). Был приговорен к 20 годам каторги и заточен в Шлиссельбургскую крепость. В 1906 году переведен в Акатуйскую тюрьму, затем в Алгачи, откуда в 1907 году бежал за границу. После разоблачения Азефа как провокатора отошел от Боевой организации эсеров. Возвращаясь после Февральской революции в Россию, погиб на пароходе, торпедированном немецкой подводной лодкой.

³ Сазонов Егор Сергеевич (1879—1910) — член Боевой организации партии эсеров. 15 июля 1904 года убил министра внутренних дел и шефа жандармов В. К. Плеве. Петербургская судебная палата приговорила Е. С. Сазонова к пожизненным каторжным работам, замененным впоследствии 14-летним заключением. В Шлиссельбургской тюрьме Е. С. Сазонов находился с января 1905 года по январь 1906 года, затем был выслан в Нерчинский острог. В 1910 году покончил жизнь самоубийством в знак протеста против произвола тюремщиков в Акатуе.

⁴ Сикорский Семен Вульфович (1883—1928) — член Боевой организации эсеров, участник покушения на Плеве. В Шлиссельбурге находился с января 1905 года. Год спустя был выслан в Нерчинск на каторгу.

⁵ Мельников Михаил Михайлович (1878—1917) — член Боевой организации эсеров, участник удавшегося покушения на царского министра Сипягина. В Шлиссельбургскую тюрьму заточен 20 апреля 1904 года. 30 января 1906 года вместе с Е. С. Сазоновым и С. В. Сикорским отправлен на каторгу в Нерчинск.

⁶ Речь идет об участниках Севастопольского восстания (11—15 ноября 1905 года), в котором под влиянием революционной агитации большевиков участвовало около 2 тысяч матросов, солдаты Брестского полка и рабочие Морского завода. Возглавил восстание крейсер «Очаков» под командованием революционного демократа лейтенанта П. П. Шмидта. В неравной героической борьбе с царскими карателями севастопольские повстанцы потерпели поражение. Подавив восстание, царские власти немедленно начали расправу над его участниками. Было арестовано около 6 тысяч человек, в том числе 4 тысячи матросов, т. е. 40 процентов личного состава Черноморского флота; из них отдано под следствие 1500 человек, предано военному суду — 400, подвергнуто различным наказаниям без суда — до 1000 человек (ИЦТ, т. 5, стр. 72). В страхе перед массовыми революционными выступлениями в защиту подсудимых царский суд ограничился вынесением четырех смертных приговоров. 6 марта 1906 года лейтенант П. П. Шмидт, кондуктор С. П. Частник, комендор Н. Г. Антоненко и машинист 2-й статьи А. И. Гладков были расстреляны. Оценивая уроки Севастопольского восста-

ния, В. И. Ленин писал: «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо» (В. И. Ленин. Чашки весов колеблются. ПСС, т. 12, стр. 116).

⁷ О И. П. Вороницыне см. стр. 250—251.

⁸ Конуп Антон Харитонович — матрос, кочегар, квартирмейстер дивизии Черноморского флота. За участие в Севастопольском восстании приговорен 3 ноября 1906 года к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В Шлиссельбургской крепости находился с начала 1907 года по июнь 1912 года, откуда был переведен в Орловский централ. См.: Сергей Гессен. Биографический список политических заключенных «нового Шлиссельбурга». 1907—1917 (далее — БС). ЛПА, ф. 4000, оп. 7, ед. хр. 348, л. 21. Список, включающий около 450 имен (отнюдь не полный; частично восполнен Ю. И. Кораблевым; см.: ИЦТ, т. 5, стр. 34), составлен в 1927 году «на основании следующих источников: 1) копии списка заключенных с краткими сведениями о судимости от 1913 года; 2) картотеки био-библиографического словаря деятелей революционного движения Общества политкаторжан; 3) архива Ленинградского отделения Общества политкаторжан; 4) материалов Шлиссельбургского землячества Ленинградского Общества политкаторжан; 5) рукописи биографического списка шлиссельбуржцев 1907—1908 гг., составленного Л. Рубинштейном; 6) архивных сведений о шлиссельбуржцах, переведенных в Вологодский каторжный централ (собраны И. Ф. Дубровиным); 7) личных воспоминаний бывшего политзаключенного Шлиссельбургской тюрьмы В. А. Симоновича, оказавшего деятельную помощь при составлении словаря» (БС, л. 1).

⁹ Штрикунов Иван Иванович (род. в 1879 году) — с 1900 года матрос Черноморского флота, в 1905 году — минно-машинный квартирмейстер 32-го флотского экипажа, один из организаторов Севастопольского восстания (см. его воспоминания «Начало освободительного движения в дивизии Черноморского флота» в книге: «Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. Воспоминания и письма». Публикация и примечания Ю. И. Герасимовой. М., 1956, стр. 175—188). За участие в восстании приговорен 29 ноября 1906 года к 20 годам каторги. В шлиссельбургском заточении пробыл 10 лет — до Февральской революции (БС, л. 50).

¹⁰ Письменчук Иван Васильевич (1877—1912) — с 1900 года матрос (служил на Балтийском флоте, затем — в дивизии Черноморского флота), член РСДРП, большевик. 23 сентября 1906 года за участие в Севастопольском восстании и побег из-под стражи осужден на 18 лет каторжных работ. В начале 1907 года заточен в Шлиссельбургский централ, где был замучен в октябре 1912 года (БС, л. 36).

¹¹ В годы первой русской революции матросы и солдаты Кронштадта дважды (26—28 октября 1905 года и 19—20 июля 1906 года) поднимались под руководством большевиков на вооруженное восстание против царских властей. Если по отношению к участникам Кронштадтского восстания 1905 года царский суд, испугавшись повсеместных революционных выступлений в защиту матросов и солдат, не применил крайних мер наказания, то в 1906 году — в пору отступления революции — на участников июльского восстания были обрушены жесточайшие репрессии. По приговорам военно-полевого суда 36 человек казнили, 130 — сослали

на каторгу, 316 — заключили в тюрьмы, 935 — отдали в исправительно-арестантские отделения. Оценивая революционные выступления балтийских матросов и солдат летом 1906 года, В. И. Ленин писал: «Восстания подавлены, но восстание живет, ширится и растет» (В. И. Ленин. Перед бурей. ПСС, т. 13, стр. 337).

¹² Анархисты-«коммунисты» представляли одно из течений в русском анархизме, возникшее в период первой русской революции. Они провозгласили своей целью «попытку восстания во имя безгосударственной коммуны». Практическая же деятельность их, в которой стерлась грань между идейным анархизмом и заурядной уголовщиной, является яркой иллюстрацией к известному ленинскому положению о том, что «Анархизм... не дал ничего, кроме общих фраз против *эксплуатации*» (В. И. Ленин. Анархизм и социализм. ПСС, т. 5, стр. 377).

¹³ Имеется в виду широко распространенная в начале века система комнатной индивидуальной гимнастики И. П. Мюллера (изложена в его книгах «Пять минут в день» и «Моя система комнатных упражнений»), требовавшая минимума времени и оборудования для выполнения эффективных упражнений.

¹⁴ Ю. И. Кораблев, написавший для пятого тома «Истории царской тюрьмы» раздел, посвященный узникам Шлиссельбурга — большевикам, приводит следующий далеко не полный список членов РСДРП(б), находившихся в Шлиссельбургской каторжной тюрьме в годы между первой и второй русскими революциями: Г. К. Орджоникидзе, Ф. Н. Петров, Р. М. Семенчиков, И. Х. Лалаянц, М. А. Трилиссер, Д. А. Трилиссер, П. Ф. Анохин, Р. К. Ауре, В. К. Воробьев, И. К. Гамбург, Э. П. Детлов, Л. Звибулис, Н. Н. Ильин, В. И. Калашников, Н. Краузе, В. И. Клименко-Чекмарев, М. П. Локацков, П. И. Мардалейшвили, В. Н. Мещеряков, А. А. Нейман, А. Н. Николаев, Я. К. Пауль, В. Д. Румянцев, Л. Н. Рубинштейн, В. Н. Селицкий, К. С. Странда, В. А. Соколов, Н. Т. Тимофеев, Ф. А. Шавишвили, Я. М. Штейн, И. С. Имханицкий (ИЦТ, т. 5, стр. 154).

¹⁵ О соотношении численности политических и уголовных в «новом Шлиссельбурге» см. стр. 246.

¹⁶ Аксенов и Демидов — уголовные заключенные.

¹⁷ Сперанский Борис Федорович — студент Киевского университета; с 1904 года участник революционного движения (работал одновременно в организациях социал-демократов, эсеров и анархистов-«коммунистов»). В 1905 году организовывал в Тамбове и Петербурге группы анархистов-«безначальцев», утверждавших, будто «частота и степень насильственных действий пролетариата против буржуазии — вот лучший показатель классовой борьбы». 17 ноября 1906 года осужден на 10 лет каторги, которую начал отбывать в Шлиссельбурге. За попытку побега 10 января 1908 года осужден на 20 лет каторги. С 1908 года находился в Бутырской тюрьме (Москва), откуда освобожден Февральской революцией (БС, л. 44).

¹⁸ Аронович Яков Соломонович — анархист. В 1906 году был осужден на 4 года. В Шлиссельбурге — с начала 1907 года. В следующем году за попытку побега из Шлиссельбургской тюрьмы приговорен еще к 11 годам и 8 месяцам каторги (БС, л. 3).

¹⁹ Курлов Павел Григорьевич (1860—1923) — царский охранник, штабс-капитан, генерал-лейтенант армейской кавалерии.

В 1907—1908 годах — начальник Главного тюремного управления, позднее (до 1911 года) — товарищ министра внутренних дел и одновременно командир Отдельного корпуса жандармов.

²⁰ Краснобродский А. В 1890-х годах социал-демократ, позднее — анархист. За устройство нелегальной типографии осужден на 8 лет. С начала 1907 года находился в Шлиссельбургской крепости, где и был убит постовым надзирателем 7 мая 1908 года (БС, л. 23). Об убийстве А. Краснобродского см. стр. 54—55.

²¹ «Сучий куток» — камера или отделение тюрьмы, в котором сидели арестанты, изгнанные из товарищеской среды за предательство, измену, кражу и подобные нарушения сложного кодекса арестантской этики. В «сучьей» камере находились и другие лица, приговоренные к каторге, жизни которых пребывание в общих камерах угрожала опасность. К ним относились бывшие полицейские, шпионы, охранники, тюремщики, черносотенцы и т. д. «У нас сидела парочка из последней категории, — вспоминал И. П. Вороницын, — Шерер и Серебряков, начальник и помощник Астраханской тюрьмы, осужденные за зверские убийства заключенных, избияния, кражи и т. п. Они, впрочем, очень скоро были помилованы». Здесь — в смысле камеры для заключенных, предавших когда-либо своих товарищей.

²² Канторович Николай Лейзерович (1877—1921) — за руководство «явным восстанием нижних чинов флота» в Севастополе был в ноябре 1906 года приговорен к бессрочной каторге. Находился в Шлиссельбургском центре до 1917 года. Умер в Севастополе от сыпного тифа (БС, л. 19).

²³ Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933) — участник революционного движения в России. Политическую деятельность начал в 1888 году в Казани в кружке Н. Е. Федосеева. В 1903 году заведовал типографией ленинской «Искры» в Женеве. Несколько раз подвергался арестам, приговаривался к тюрьме и ссылке. В 1906 году на Таммерфорсской конференции большевиков сделал доклад о роли партии в вооруженном восстании. В 1908 году Лалаянца выдал провокатор. Его арестовали, судили и приговорили к 8 годам каторги, которую он отбывал в Шлиссельбурге до 1913 года. Затем был отправлен на вечное поселение в Сибирь. С этого времени отошел от политической деятельности. С 1922 года работал в Народном комиссариате просвещения.

²⁴ Эта бесспорная по существу оценка медицинского персонала Шлиссельбургской тюрьмы не могла быть, как уже отмечалось, распространена лишь на деятельность врача Е. Р. Эйхгольца.

²⁵ Русский энциклопедический словарь-однотомник, изданный в 1899 году прогрессивным книгоиздателем Флорентием Федоровичем Павленковым (1839—1900). После смерти издателя был выпущен его преемниками вторым и третьим изданиями (в 1905—1907 гг.), дополненными значительным числом статей о революционном движении в России. Изъятие тюремщиками этих статей из экземпляров второго и третьего изданий Павленковского словаря было, однако, делом не одной лишь тюремной администрации Шлиссельбурга, а следствием специального распоряжения царской цензуры. Лишь небольшая часть статей, посвященных революционному прошлому России, вошла в четвертое издание словаря (1910).

²⁶ Энгельгардт Михаил Константинович (1890—1912) — дворянин, ученик Псковского сельскохозяйственного училища. 27 июня

1909 года за принадлежность к Боевой организации эсеров осужден на 13 лет и 4 месяца каторги. Умер в Шлиссельбургской тюрьме.

²⁷ Уместно отметить, что в ряде случаев, особенно в годы нового революционного подъема, администрация оказывалась вынужденной удовлетворять требования заключенных. Так, одно из наиболее массовых и энергичных выступлений политкаторжан в истории «нового Шлиссельбурга» — протест 1912 года — привело к тому, что тюремщики «Острова мертвых» отказались от применения телесных наказаний.

²⁸ Ст. 397 «Устава о содержащихся под стражею» предоставляла «начальникам мест заключения» право применять наказание «розгами не свыше пятидесяти ударов». Статья 70 временных «Правил о порядке содержания каторжных» устанавливала, что «наказания розгами определяются окончательно и приводятся в исполнение начальником тюрьмы, а также и по распоряжению тюремного инспектора и губернатора».

Л. Н. Рубинштейн

ДНЕВНИК КАТОРЖАНИНА

Печатается впервые по машинописной копии с автографа, хранящегося в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости. Расшифровка многочисленных сокращений в тюремных записях Л. Н. Рубинштейна принадлежит И. К. Гамбургу.

Рубинштейн Лев Николаевич (1884—1962) — член КПСС с 1904 года. В годы первой русской революции — один из руководителей Рижской боевой организации большевиков, участник многих смелых операций, в частности знаменитого нападения на Центральную тюрьму в Риге, организованного в ночь с 6 на 7 сентября 1905 года Рижскими комитетами ЛСДРП и РСДРП. Военное нападение 52 революционеров-боевиков имело успех: политические заключенные Ян Лацис и Юлиус Шессер были освобождены, тюремщики потеряли убитыми и ранеными 15 человек. В. И. Ленин высоко оценил героический подвиг рижских дружинников. В статье «От обороны к нападению» он писал: «Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их и ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!» (В. И. Ленин. ПСС, т. 11, стр. 269). В январе 1906 года рижский боевик Л. Н. Рубинштейн был арестован, судим и приговорен к 15 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (с 1907 по 1909 год), затем — в Вологодской и Николаевской тюрьмах (до 4 марта 1917 года). Активно участвовал в Великой Октябрьской социалистической революции и в сражениях с белогвардейцами и иностранными интервентами. После окончания гражданской войны возглавлял торговые представительства СССР в ряде стран. В связи с пятидесятилетием первой русской революции награжден орденом Ленина.

¹ Таким образом, следует исправить ошибку, вкравшуюся в историко-революционный очерк о Петрокрепости, будто Л. Н. Рубин-

штейна привезли в Шлиссельбург вместе с группой севастопольцев в «холодный январский день 1907 г.» (П. Я. Канн, Ю. И. Кораблев. Петрокрепость. Лениздат, 1961, стр. 147—148).

² Секриер Иван Иванович (род. в 1889 году) — с 1902 года матрос, санитар дивизии Черноморского флота. Распространял среди матросов социал-демократическую литературу. За участие в Севастопольском восстании осужден 13 ноября 1906 года на 5 лет. Каторгу отбывал в Смоленске, Шлиссельбурге, Алгачинске, Акатуе и Горном Зерентуе. С 1911 года до Февральской революции был на поселении в Забайкальской области (БС, л. 40).

³ «Эрнест» — партийный псевдоним Грюнштейна Карла Ивановича (1885—1937). К. И. Грюнштейн родился в Лифляндской губернии в семье колониста. С 1903 года — член большевистской партии. В годы первой русской революции — видный боевик Рижской организации РСДРП. В 1908 году приговорен к 4 годам каторги. Каторжный срок отбывал в Риге и Шлиссельбурге. С 1911 года жил на поселении в Забайкальской области, откуда бежал за границу (БС, л. 11). В годы Советской власти был одним из организаторов Дальневосточной республики, позднее — на руководящей партийной и советской работе.

⁴ Скуя Анц Карлович (род. в 1886 году) — член Руанского революционного сообщества «Сельский центр Пламя». Осужден в Риге 20 июня 1908 года на 10 лет каторги (БС, л. 42).

⁵ Фельдман Моисей — участник первой русской революции, рабочий-боевик. Осужден на 15 лет каторги. В Шлиссельбурге находился с конца 1907 года по апрель 1909 года (БС, л. 47).

⁶ И. П. Вороницын вспоминал: «К празднованию 1 Мая 1907 г. мы стали готовиться задолго. Красная бумага из табачных пачек тщательно сохранялась. В какой-то присланной для переплета в мастерскую книге нашли мы большую шелковую красную ленту и для этой святой цели присвоили ее без зазрения совести. В этот день красные розетки были у всех, кроме анархистов. На прогулке вели себя торжественно. Когда же раздался крик надзирателя: «Кончай прогулку!», на сцене появилось красное знамя на палке, сделанное из бумаги, и знаменосец Генкин понес его впереди. «Марсельеза» загремела во всю мощь сильных молодых голосов, разгоняя привыкших к вечной тишине голубей и галок. Побледневший старик надзиратель из бывших жандармов с трепетом топтался за нашей медленно идущей колонной, не зная, что делать. Революционные звуки постепенно замолкали за гулко и торопливо захлопывавшимися дверьми одиночек. Вторая «прогулка» продолжила демонстрацию, начатую первой. Таких слов и таких звуков наша бастилия еще не слыживала.

Несколько дней после этого мы ждали репрессий. Но начальство было к этому «пассажу» настолько не подготовлено, что на этот раз нам все сошло. В наших «кондунтах» зато появились отметки: «Пел революционные песни», а Генкину впоследствии при решении вопроса о переводе его в разряд «исправляющихся» напомнили о том, что он «нес красный флаг», и продлили „испытательный срок“... (И. П. Вороницын. Первое мая в Шлиссельбурге. В кн.: «Первое мая в тюрьме и ссылке. Сборник воспоминаний». М., 1926, стр. 17—18).

⁷ О разгоне Второй Государственной думы см. стр. 243, прим. 17.

⁸ Имеется в виду бегство П. В. Карповича за границу из ссылки, где он находился после пребывания в Алгачинской тюрьме.

⁹ Зингис — курляндский учитель, участник прибалтийского революционного движения. В 1906 году осужден на 8 лет каторжных работ. В Шлиссельбургской крепости находился с 1 февраля 1907 года. В 1909 году отправлен в вольную команду (БС, л. 17).

¹⁰ Цедзинский Иван — рабочий Путиловского завода. Осужден 13 сентября 1906 года Петербургским военно-окружным судом за принадлежность к эсеровской партии и убийство городского; приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В Шлиссельбургскую каторжную тюрьму заключен в январе 1907 года. В мае 1909 года отправлен в Вологодский централ (БС, л. 48).

¹¹ Калашников Филат Васильевич — матрос, участник Севастопольского восстания. Осужден в 1906 году к 20 годам каторжных работ. В 1907 году за участие в «голом бунте» переведен в Шлиссельбургскую крепость. Так называемый «голый бунт» подняли политические каторжане Смоленского централа. В ответ на отказ тюремщиков выдать заключенным чистое белье и платье узники выбросили в коридор всю свою одежду и долгое время оставались голыми (ИЦТ, т. 5, стр. 30). В 1909—1917 годах Ф. В. Калашников отбывал каторгу в Вологодском и Ярославском централах.

¹² Шмидеберг — участник крестьянского движения 1906 года в Латвии. 29 августа 1906 года осужден военно-окружным судом в Митаве по делу об «аграрных беспорядках» в Тольском уезде к бессрочной каторге. В Шлиссельбурге подал прошение царю о помиловании и был помилован (БС, л. 50).

¹³ Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — действительный тайный советник, статс-секретарь, сенатор, землевладелец Черниговской губернии. В 1906—1915 годах — министр юстиции, известный своей реакционностью. 17 ноября 1907 года Щегловитов утвердил драконовскую «Инструкцию об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи».

¹⁴ Мазин Антон Михайлович (1877—1918) — рабочий-литейщик, большевик. Осужден 13 ноября 1906 года за участие в Севастопольском восстании. В Шлиссельбургской тюрьме пробыл 10 лет. Освобожден Февральской революцией. Расстрелян белогвардейцами в Бердянске (БС, л. 27).

¹⁵ Симоненко Николай Семенович (1877—1913) — слесарь машиностроительного завода в Николаеве, с 1901 года — матрос, санитар дивизии Черноморского флота. 13 ноября 1906 года за участие в Севастопольском восстании осужден на бессрочную каторгу. В Шлиссельбург переведен из Смоленской тюрьмы как один из зачинщиков «голового бунта». С 1909 года — в Орловском центре, где в 1913 году уморил себя голодом в знак протеста против избиения политических заключенных.

¹⁶ Сметанников Михаил — рабочий. За участие в экспроприациях в годы первой русской революции приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В Шлиссельбургской тюрьме оставался до 1909 года, затем был отправлен по этапу в Вологодский централ (БС, л. 42).

¹⁷ Паслов, Маклаков — уголовные.

¹⁸ Марк — партийный псевдоним Р. С. Семенчикова (см. стр. 240).

¹⁹ Каких-либо сведений о шлиссельбуржце Кириллове обнаружить не удалось.

²⁰ Дронов-Соловьев Афанасий Михайлович — слесарь, потом солдат. За участие в Лодзинском восстании 1905 года 21 марта 1906 года приговорен к бессрочной каторге. До 1909 года отбывал каторгу в Шлиссельбурге, откуда был выслан в Вологодский централ. Освобожден из Ярославского централа в 1917 году (БС, л. 13).

²¹ Молодов Антон Виссарионович — машинист-квартирмейстер Черноморской флотской дивизии. За участие в Севастопольском восстании осужден на 15 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге с 1907 года (БС, л. 31).

²² Циома Захар Семенович — минный квартирмейстер Черноморской флотской дивизии. Приговорен 13 ноября 1906 года за участие в Севастопольском восстании к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С января 1907 года из Смоленска переведен в Шлиссельбург, откуда в июне 1912 года отправлен в Орловский централ. В 1917 году освобожден из Николаевской каторжной тюрьмы.

²³ 13 января 1905 года полиция и солдаты унтер-офицерского батальона расстреляли 80-тысячную демонстрацию рижских рабочих, протестовавших против кровавого преступления царизма 9 января 1905 года. Во время демонстрации в Риге было убито 70 и тяжело ранено около 200 человек.

²⁴ Генкин Иосиф Исаевич (1884—1939) — родился в г. Очакове Таврической губернии, сын рабочего. С 1901 года — член РСДРП, с 1904 года — секретарь Крымского комитета РСДРП. Участвовал в организации знаменитого побега потемкинцев. 13 ноября 1906 года за участие в Севастопольском восстании осужден на 15 лет каторги (ввиду несовершеннолетия И. И. Генкина к моменту ареста срок был сокращен на одну треть). Каторгу отбывал в Смоленске (до 1907 года), Шлиссельбурге (до 1909 года), Вологде (до 1911 года), Орле (до 1915 года). По окончании каторжного срока отправлен на поселение в Тунгусскую волость Иркутской губернии. После Февральской революции был председателем больничной кассы в Иркутске, в 1921—1929 годах — сотрудник полпредства СССР в Монголии, Англии и США. В 1930—1935 годах работал в Москве в Институте монополии внешней торговли. В 1935 году перешел полностью на литературную работу. Является автором нескольких книг воспоминаний о царской каторге и ссылке («По тюрьмам и этапам». Пгр., 1922, и мн. др.).

²⁵ Гершкович Лев Лазаревич — рабочий-металлист. С 1899 года работал в РСДРП, позднее в Бунде. В 1903 году эмигрировал. За границей примкнул к анархистам и, нелегально вернувшись в Россию в 1905 году, принимал активное участие в организации анархистов-«коммунистов». В 1906 году осужден Одесским военно-окружным судом на 8 лет каторги. Отбывал каторжный срок в Шлиссельбурге, Смоленске, Москве, Горном Зерентуе и Кутомаре. В 1914 году сослан в Иркутскую губернию (БС, л. 10).

²⁶ Киршенштейн Яков — рядовой Брестского пехотного полка. За участие в Севастопольском восстании был в декабре 1906 года приговорен к бессрочной каторге, которую начал отбывать в Смоленске. В январе 1907 года как участник «голового бунта» переведен

в Шлиссельбургский централ, а в мае 1909 года — в Вологду. В 1921 (или 1922) году арестован властями буржуазной Польши, приговорен к смерти и казнен (БС, л. 20).

²⁷ Прудкой Максим Васильевич — кочегар броненосца «Пантелеймон». Участник революционного восстания на Черноморском флоте в 1905 году. 29 ноября 1906 года осужден на 15 лет каторжных работ. Отбывал каторгу сначала в Смоленске, затем в Шлиссельбурге, где тяжело заболел и провел около полутора лет в психиатрическом отделении тюремной больницы. Освобожден Февральской революцией из Херсонской каторжной тюрьмы (БС, л. 37).

²⁸ Резкое осуждение поступка Киршенштейна и его товарищей вызвано тем, что они не участвовали в бойкоте тюремного режима.

²⁹ Романов (Тер-Оганесов) Степан Михайлович — студент Горного института, откуда был исключен за участие в обструкции реакционной профессуры; лидер анархистов-«безначальцев». Осужден 17 ноября 1906 года на 15 лет каторги. В Шлиссельбургской тюрьме находился с начала 1907 года по май 1909 года, откуда отправлен в Вологду (БС, л. 39).

³⁰ Шарапа Кузьма Евгеньевич (1884—1964) — портной, член КПСС с 1903 года. 11 сентября 1906 года Киевским военным судом осужден за покушение на убийство станowego пристава и приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Был заключен в Смоленскую каторжную тюрьму, откуда за участие в «голом бунте» переведен в Шлиссельбург. Освобожден из Шлиссельбургской крепости Февральской революцией (БС, л. 50). В годы Советской власти был на партийной и советской работе.

³¹ Волчок — маленькое (диаметром 5 см) закрытое стеклом смотровое отверстие в двери тюремной камеры.

³² Стихотворение И. П. Вороницына ко дню рождения А. М. Мазина см. на стр. 95.

³³ Марголин Рафаил Захарович (1888—1938) — рабочий. В 1903 году за принадлежность к социал-демократической организации был арестован. В 1905 году перешел в группу анархистов-«безначальцев», работал в типографии и лаборатории, вел антиправительственную пропаганду. В январе 1906 года вновь арестован, судим и приговорен к 10 годам каторги. Каторжный срок отбывал в 1907—1909 годах в Шлиссельбурге, затем в Вологодском и Ярославском централах и в 1912—1915 годах — снова в Шлиссельбурге. В 1915 году выслан в Иркутскую губернию. С 1917 года — член Коммунистической партии.

³⁴ После ареста в 1905 году Л. П. Рубинштейн был заключен в городскую Митавскую тюрьму и подвергнут пыткам. При этом большевик Л. Н. Рубинштейн проявил исключительную выдержку и стойкость.

³⁵ Размолвка Циомы с Мазиним носила временный характер. Оба героя «нового Шлиссельбурга» в течение многих лет оставались потом близкими друзьями.

³⁶ Речь, возможно, идет о передаче на сохранение сестре И. П. Вороницына — Евгении Петровне Вороницыной воспоминаний и записок участников Севастопольского восстания

³⁷ Об инциденте во время посещения тюрьмы П. Г. Курловым см. стр. 102—103.

³⁸ Калашников Дмитрий — матрос; за участие в восстании Бобруйского дисциплинарного батальона осужден на 20 лет каторги (БС, л. 18).

³⁹ Кругликов Аполлон Николаевич (1885—1922) — студент Московского университета, эсер. Осужден к 8 годам каторги за покушение на царя. В Шлиссельбурге с 1907 года. После Великой Октябрьской социалистической революции — член Учредительного собрания. В 1918 году некоторое время сотрудничал с Колчаком в Омске. В 1922 году после освобождения Владивостока был арестован советскими властями и вскоре умер от сыпного тифа в тюрьме. Характеристику Кругликова — этого «незаурядного, но вихрем событий отброшенного далеко в сторону от революции бывшего революционера и политкаторжанина» — см. в книге: И. И. Генкин. Среди политкаторжан, М., 1930, стр. 36—41.

⁴⁰ Этого нового обвинения Рижский суд обосновать не смог. Вопреки позиции председателя и прокурора, защита сумела доказать, что обвинение в «убийстве двух заключенных» лишено всяких оснований. К. И. Грюнштейн был оправдан и возвращен в Шлиссельбургскую тюрьму для отбывания каторжного срока по первому приговору.

⁴¹ Эта запись также выражает протест Л. Н. Рубинштейна против срыва некоторыми политическими заключенными бойкота тюремного режима.

⁴² Друганов Борис Федорович (род. в 1881 году) — участник революционного движения с 1899 года. В годы первой русской революции — сотрудник заграничной лаборатории эсеров. В 1906 году был арестован и приговорен к 15 годам каторжных работ. В 1907—1910 годах отбывал каторгу в Шлиссельбурге, в 1911—1917 годах — в Александровском центре (БС, л. 13).

⁴³ Яковлев Александр Александрович — эсер-боевик, сотрудник газеты «Призыв». Осужден в 1907 году в Воронеже на 5 лет. Каторгу отбывал в Шлиссельбурге (до 1909 года), затем в Алгачах, Горном Зерентуе и Кутомаре. В 1912 году был выслан в Сибирь, откуда в 1913 году бежал за границу — во Францию. С началом мировой войны пошел добровольцем на фронт. Убит под Верденом 7 апреля 1916 года (БС, л. 51).

⁴⁴ На этом записи в дневнике Л. Н. Рубинштейна обрываются.

Р. М. Семенчиков (С. Захаров)

МОЯ ТЕТРАДЬ

Дневниковые записи Р. М. Семенчикова, объединенные авторским названием «Моя тетрадь», публикуются впервые по машинописной копии с автографа, хранящейся в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости. Передана в библиотеку Г. М. Муравиным.

Письма Р. М. Семенчикова А. Н. Рябинину печатаются по первой публикации в книге: А. Н. Рябинин. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911) с приложением статьи Д. Бутина «Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенском районе». Госиздат, 1922, стр. 47—58.

Семенчиков Роман Матвеевич (по легальному паспорту с 1905 года — Захаров Степан Иванович, партийный псевдоним — Марк) родился в 1877 (1878?) году в крестьянской семье в селе Сидоровском Шуйского уезда Владимирской губернии. С начала 1890-х годов — рабочий ситцепечатной фабрики Ясунинских в селе Кохма. В 1897 году вступил здесь в «тайный рабочий союз». Весной 1898 года переехал в Иваново-Вознесенск и в том же году был впервые арестован. После двенадцатимесячного тюремного заключения взят в солдаты. Возвратившись в 1904 году в Иваново-Вознесенск, стал профессиональным революционером. В июне того же года организовал вооруженное сопротивление казакам, пытавшимся разогнать рабочую массовку. По свидетельству очевидца, казаки обнажили шашки и жестоко избили Семенчикова — ему перерубили пальцы рук, бросили на землю, связали и окровавленного увезли в тюрьму («Искра», 1904, № 70). Выйдя из тюрьмы, в феврале 1905 года в Петербурге вступил в большевистскую партию. Летом 1905 года вновь арестован и заточен в Центральную рижскую тюрьму. В октябре 1905 года возглавил боевую дружину РСДРП в Риге, где принял непосредственное участие в подготовке вооруженного восстания. Р. М. Семенчиков приобрел большое влияние среди латышских и русских рабочих Риги. 18 декабря 1905 года на одном из нелегальных собраний был схвачен жандармами, предан суду и приговорен к смертной казни, замененной каторжными работами. В Шлиссельбургской тюрьме пробыл большую часть своего «кандалного срока»: с 25 января 1907 года до лета 1909 года, когда его отправили в забайкальскую Алгачинскую каторжную тюрьму. 13 апреля 1911 года в тюремной больнице Горного Зерентуя умер от тифа.

В тюрьмах Шуи и Коврова, Иваново-Вознесенска и Риги, Петербурга и Шлиссельбурга, Алгачинска и Горного Зерентуя Р. М. Семенчиков вел непреклонную борьбу против произвола царских тюремщиков, углубленно изучал марксизм и естественные науки, нелегально переписывался с волей.

¹ Р. М. Семенчиков и его товарищи после приговора были заключены в Смоленский каторжный централ как раз в то время, когда смоленские политические каторжане организовали так называемый «голый бунт», чтобы добиться изменений невыносимых условий жизни заключенных.

² Имеются в виду участники «голового бунта».

³ Баканов Федор Яковлевич (род. в 1885 году) — из крестьян. С 1905 года — матрос. За участие в Севастопольском восстании 1905 года осужден (по несовершеннолетию) на 10 лет каторжных работ (БС, л. 4).

⁴ 7 февраля 1907 года состоялись выборы во Вторую Государственную думу (20 февраля — 2 июня 1907 года). Участие большевиков в избирательной кампании, отход крестьянства от кадетов, возросшая политическая активность трудовых масс привели вопреки правительственному террору к тому, что Вторая Государственная дума оказалась левее первой. «Выборы новой Думы показали, — писал В. И. Ленин, — что несмотря на все преследования и запреты растет и крепнет революционное сознание в широких народных массах. Близится новая революционная волна,

новый революционный бой народа за свободу» (В. И. Ленин. Вторая Дума и задачи пролетариата. ПСС, т. 15, стр. 26).

⁵ 17 февраля 1907 года были изданы дополнительные правила, «уточнявшие» порядок содержания лиц, приговоренных к заключению в крепость. Согласно пункту 9 этих правил, «все получаемые означенными лицами книги и журналы... подлежат просмотру начальника места заключения, который вправе по осмотре отказывать в передаче их заключенному» (Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг. Часть II. 1896—1910 гг., СПб., 1911. См. 1907 г., циркуляр № 2).

⁶ Эмпириомонизм — разновидность субъективного идеализма, развитая в трудах А. Богданова и подвергнутая уничтожающей критике В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» (В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 5—6, 9—10 и др.).

⁷ «Ортодокс» — литературный псевдоним Любови Исааковны Аксельрод (1848—1946) — участницы социал-демократического движения с 1884 года, в 1903 году примкнувшей к меньшевикам. В своих философских сочинениях Л. И. Аксельрод критиковала эмпириокритицизм, но вместе с тем, повторяя философские ошибки Г. В. Плеханова, выступала и против большевиков, против философских взглядов В. И. Ленина. После 1918 года прекратила активную политическую деятельность и перешла на литературную и педагогическую работу.

Р. М. Семенчиков имеет в виду работу Л. И. Аксельрод «Философские очерки» (СПб., 1906), подвергшую основательной критике философский ревизионизм Бердяева, Струве и неокантианцев.

⁸ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, пропагандист марксизма, философ, художественный критик и драматург. Первый народный комиссар просвещения (1917—1929). В упоминаемой Р. М. Семенчиковым работе (ее полное название — «Этюды критические и полемические», СПб, 1905) А. В. Луначарский временно отошел от марксизма-ленинизма, пытаясь «дополнить» диалектический и исторический материализм эмпириокритицизмом и с помощью последнего уничтожить мнимую «пропасть» между материей и сознанием. Подвергая резкой критике философские ошибки А. В. Луначарского, В. И. Ленин подчеркивал его личную преданность делу пролетарской революции.

⁹ Декарт Рене (1596—1650) — великий французский философ и ученый, создатель принципиально новой для своего времени натуралистической теории развития мира. В начале XX века механистический материализм Декарта представлял, однако, давно пройденный этап истории философии, вызвавший критическую оценку основоположников научного коммунизма. (См., например, К. Маркс. Святое семейство. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 139—141 и др.)

¹⁰ Речь, возможно, идет об открывшейся в начале 1907 года 35-й выставке Товарищества передвижных художественных выставок.

¹¹ В связи с открытием Второй Государственной думы Р. М. Семенчиков хотел изложить свое дело и послать его в социал-демократическую фракцию, с тем чтобы добиться его пересмотра.

¹² А. Н. Рябинин так объясняет происхождение этого «чувства одиночества»: «Товарищи по заключению не отнеслись доста-

точно бережно к работам Р. С. и доставили ему много огорчений» (А. Н. Рябинин. Указ. соч., стр. 51).

¹³ Можно предположить, что речь идет о К. Ф. Руванцеве-Тюпалове. См. о нем стр. 98—99.

¹⁴ Это замечание не соответствует действительности. Достаточно назвать имена Ф. Н. Петрова, М. А. Трилиссера, И. Х. Лалайнца, М. П. Локацкова, А. А. Неймана, находившихся в Шлиссельбурге вместе с Р. М. Семенчиковым, чтобы решительно опровергнуть утверждение, будто в 1907—1909 годах среди шлиссельбуржцев-большевиков не было хорошо подготовленных теоретически марксистов-ленинцев.

¹⁵ Т. е. согласно официальной церковной фразеологии, «терпением».

¹⁶ Р. М. Семенчиков цитирует «Новый завет» («Римлянам», гл. 14).

¹⁷ Еще 3 июня 1907 года царское правительство, используя угодничество кадетов и финансовую помощь европейской буржуазии, осуществило государственный переворот: в этот день была разогнана Вторая Государственная дума и объявлен новый избирательный закон. Открыто провозглашенная цель нового закона состояла в том, чтобы резко сократить число оппозиционно настроенных депутатов. Если по избирательному закону от 11 декабря 1905 года дворянам принадлежало абсолютное большинство лишь в двух губерниях Европейской России, то по новому закону — в двадцати девяти. Третьеиюньская избирательная система при помощи сохраненного в стране военного положения обеспечила царизму реакционное большинство в двух последних Государственных думах — в Третьей (1 ноября 1907 года — 9 июня 1912 года) и в Четвертой (15 ноября 1912 года — 25 февраля 1917 года).

¹⁸ Речь идет о комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

¹⁹ Измененная цитата из реплики Артемия Филипповича Земляники в первом действии «Ревизора»: «...лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет» (Н. В. Гоголь. ПСС, т. IV, стр. 29).

²⁰ Такое противопоставление рядовых участников революционного движения профессиональным революционерам и революционерам-интеллигентам не находит подтверждения ни в документальных, ни в мемуарных свидетельствах и должно быть признано лишены оснований. Происхождение этой ошибки лучше всего, возможно, объясняет вышеприведенное свидетельство А. Н. Рябинина (см. стр. 242, прим. 12), подтверждение которому находим и в некоторых дневниковых записях Л. Н. Рубинштейна (см. стр. 50—51).

²¹ По-видимому, автор имеет здесь в виду нижних чинов крепостной охраны. Что касается, например, начальника тюрьмы В. И. Зимберга, то ему принадлежит разработка системы изощренных издевательств над политкаторжанами.

²² Кровавые преступления царизма, использовавшего военнопольную юстицию и смертную казнь для расправы над тысячами участников революционного движения, вынудили резко протестовать против массовых казней даже либерально-буржуазную общественность. 15 мая 1906 года Первая Государственная дума единогласно приняла проект закона об отмене смертной казни. 17 апреля 1907 года этот проект был принят и Второй Государ-

ственной думой, но 2 мая отклонен Государственным советом. Казни продолжались. За время с 1905 по 1912 год в России по приговорам и без суда было казнено до 11 тысяч человек. В 1912 году 500 прогрессивных общественных деятелей Западной Европы опубликовали протест против массовых казней и переполнения каторжных тюрем в России. Но еще раньше против кровавых злодеяний царизма возвысила свой голос демократическая русская литература (см.: Л. Н. Толстой. Не могу молчать. Берлин, 1908; В. Г. Короленко. Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни). «Русское богатство», 1910; Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных. «Шиповник», СПб., 1908; М. Пришвин. Палач. «Образование», 1908, № 12; В. Владимиров. Карательная экспедиция. 1906; В. Богучарский. Кровавый синодик. 1906. Последние слова казненных. 1906). В. И. Ленин и большевики всегда считали, что единственной гарантией уничтожения смертной казни в России является свержение самодержавия.

²³ В последующие годы героическая борьба политкаторжан Шлиссельбурга против бесчеловечного тюремного режима, поддержанная русской демократической общественностью, принесет весьма ощутимые свидетельства «приспособления» быта тюрьмы к требованиям ее революционных узников: администрация будет вынуждена отказаться от применения телесных наказаний, смириться с существованием богатейшей тюремной библиотеки, с энергичной деятельностью «Группы помощи узникам Шлиссельбурга» и т. д.

²⁴ «Конец 1908 и начало 1909 гг. были особенно тяжелы для Р. Семенчикова: его душу охватил кризис, подобный тому, который переживали в свое время и прежние шлиссельбуржцы. Зачем жить и стоит ли жить в таких условиях — вставал неотвязный вопрос. Только сильные натуры сумели с ним справиться; иные погибли, но ни для кого этот кризис не прошел бесследно». (Примечание А. Н. Рябинина. Указ. соч., стр. 56.)

²⁵ В октябре 1908 года переписка со Шлиссельбургской крепостью прекратилась. По новым правилам разрешалось переписываться только с близкими родственниками. Тем не менее с большим трудом переписку удалось наладить, но уже нелегальным путем.

²⁶ «Р. С. написал работу... пробуя изменить формулировку закона Ньютона о всемирном тяготении... Оказалось, что работа, переданная на заключение бывшему шлиссельбуржцу Н. А. Морозову, не была оригинальной, и только личным влиянием пишущего эти строки удалось успокоить ее встревоженного автора. Его письма за это время лучше всего позволяют судить о всем, пережитом им». (Примечание А. Н. Рябинина. Указ. соч., стр. 56).

²⁷ «В это время некоторые товарищи по заключению... приняли участие в Р. Семенчикове и сумели отогнать надвигавшийся на его душу мрак». (Примечание А. Н. Рябинина. Указ. соч., стр. 57.)

²⁸ В 1905—1909 годах под непосредственным воздействием первой русской революции в Персии также произошла антифеодальная и антиколониальная революция. Большую роль в революционном движении в Северной Персии сыграли кавказские революционные социал-демократы, нередко возглавлявшие борьбу против персидских феодалов и российского империализма, считавшего Северный Иран своей полуколонией.

²⁹ Речь идет о взглядах, развитых русским инженером-технологом Иваном Осиповичем Янковским (1844—1902) в его книге «Всемирное тяготение как следствие образования весомой материи вокруг небесных тел. Кипетическая гипотеза». М., 1899.

³⁰ «Этим сравнительно уравновешенным письмом оканчивается ряд писем Р. Семенчикова из Шлиссельбургской крепости. Внезапно летом он был выслан оттуда в Забайкальскую область...» (Примечание А. Н. Рябинина. Указ. соч., стр. 58.)

В. О. Лихтенштадт

ИЗ ДНЕВНИКА И ПИСЕМ (1908—1917 гг.)

Печатается впервые по машинописным копиям писем и выпискам из дневника В. О. Лихтенштадта, сделанным матерью автора — М. Л. Лихтенштадт (ГАОРСС ЛО, ф. 506, оп. 6, ед. хр. 230, лл. 1—27) и сверенным с подлинником (Музей Революции СССР, архив «Каторга и ссылка», коробка № 9).

Лихтенштадт Владимир Осипович (1882—1919) — студент Петербургского университета, сын статского советника. 21 августа 1907 года Петербургским военно-окружным судом по обвинению в «пособничестве производству взрыва на Аптекарском острове» дачи премьер-министра царского правительства Столыпина (12 августа 1906 года) был приговорен к повешению. Смертной казни ждал около полугода. При конфирмации приговора казнь заменили вечной каторгой. В 1908 году В. О. Лихтенштадта перевезли из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую, где он проявил себя одним из самых активных и авторитетных организаторов борьбы с царскими тюремщиками. В крепости под влиянием большевиков (особенно Г. К. Орджоникидзе) стал убежденным марксистом. В 1919 году вступил в большевистскую партию и стал секретарем издательства III Интернационала. Осенью того же года — комиссар 6-й дивизии Красной Армии. Геройски погиб под Кипенью, защищая подступы к революционному Петрограду от банд Юденича. Прах В. О. Лихтенштадта покоится на Марсовом поле в Ленинграде.

Лихтенштадт Марина Львовна (урожд. Гросман) — родилась в 1852 году в Одессе в семье военного врача. Родители М. Л. Лихтенштадт — высокообразованные люди, воспитавшие детей на демократических традициях (сестра М. Л. Лихтенштадт Розалия Львовна Прибылева стала профессиональной революционеркой, заведовавшей одной из важных конспиративных квартир «Народной воли»; по процессу «17-ти народовольцев» вместе с мужем — членом Центрального Комитета народовольческой организации была в 1883 году приговорена к лишению всех прав и каторжным работам на 15 лет). М. Л. Лихтенштадт получила высшее образование на Бестужевских женских курсах в Петербурге. Приобрела известность как переводчица беллетристической литературы. Вскоре после ареста сына была также арестована, заключена в Петербургскую пересыльную тюрьму — Литовский замок. В 1907—1917 годах целиком посвятила себя работе в «Группе

помощи политзаключенным Шлиссельбургской каторжной тюрьмы» (о М. Л. Лихтенштадт см.: Александра Бруштейн. Цветы Шлиссельбурга. В ее кн.: Вечерние огни. М., «Советский писатель», 1963, стр. 94—95).

После Октябрьской революции М. Л. Лихтенштадт работала переводчицей в Ленинградском отделении Государственного издательства. Умерла в Ленинграде в 1937 году.

¹ Запись сделана в Петербургской пересыльной тюрьме перед отправкой навечно в Шлиссельбургскую крепость.

² Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — русский философ, идеалист мистического направления, публицист и поэт. Увлечение идеями В. С. Соловьева было для В. О. Лихтенштадта лишь кратковременным, вскоре и до конца преодоленным этапом идейного развития.

³ Эта, как и предыдущая, запись показывает, каким трудным был для В. О. Лихтенштадта путь идейных исканий, приведших его к признанию марксизма единственно верной теорией общественного развития.

⁴ Судя по дате выпуска монеты, три отчеканенные на ней буквы означают — Кристина, королева Швеции. Правление Кристины относится к 1582—1654 годам.

⁵ «Существенное место в обслуживании Шлиссельбурга, — читаем в воспоминаниях казначея нелегальной группы помощи узникам Шлиссельбурга, — занимали продовольственные передачи. Не лишне будет привести, что в наших представлениях рост численности населения Шлиссельбурга рисовался приблизительно в таком виде:

Годы	Число политических заключенных	Общее число заключенных
1907—1908	40—80	40—80
1908—1909	100—150	100—150
1910	Около 200	Около 400
1912	250—300	600—800
1914	300—350	800—1000
1916	350—400	Около 1000

Продуктовые передачи первоначально были исключительно домашнего приготовления и домашней упаковки, но вскоре пришлось переходить на более массового типа пакеты, составлявшиеся также на дому (у М. Л. [Лихтенштадт. — Ю. М.] и Л. И. Браудо) сравнительно часто, не реже, чем ежемесячно.

В 1910—1911 годах после водворения большого числа уголовных было подтверждено, что передачи будут приниматься только на всех заключенных, одинакового состава и размера, считая и уголовных» (Я. М. Каплан. Работа по обслуживанию «нового Шлиссельбурга». ГАОРСС ЛО, ф. 507, оп. 1, д. 11, лл. 32—34 об.).

⁶ Маруся — т. е. Марина Михайловна Звягина-Лихтенштадт, жена В. О. Лихтенштадта.

⁷ О какой именно рукописи идет речь, установить не удалось.

⁸ «...В этот момент, — вспоминает В. Ф. Гончаров, — грянул общетюремный протест, и начальник тюрьмы рассажал всех цветоводов по карцерам» (В. Ф. Гончаров. Указ. соч., л. 13).

⁹ «Записки из подполья» — повесть Ф. М. Достоевского (1864), в которой писатель «показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX—XX столетий» (М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27. М., Гослитиздат, 1953, стр. 313).

¹⁰ Замысел книги «Русский язык» остался неосуществленным. Упомянем здесь и о другом, также, к сожалению, неосуществленном, литературном замысле В. О. Лихтенштадта. «...Меня сейчас, — писал он матери в конце 1914 года, — более тянет к себе книга о судьбах человеческих — история и толковательница ее — социология, а это уже близко к кровавым событиям наших дней, так как вся история полна ими и только из ее изучения можно понять их и обосновать надежду на их преодоление».

¹¹ «Палата № 6» — повесть А. П. Чехова (1892), воплотившая страстный протест писателя против «условий русского климата» — самодержавно-деспотического строя России.

¹² Точное название — «Записки из мертвого дома». Повесть Ф. М. Достоевского (1861—1862), отобразившая личные переживания автора во время пребывания его в Омской каторжной тюрьме в 1850—1854 годах.

¹³ Даль Владимир Иванович (1801—1872) — беллетрист, этнограф, языковед. Составленный им «Толковый словарь живого великорусского языка» (первое издание вышло в свет в 1861—1868 годах) и до настоящего времени не утратил своего научного значения.

¹⁴ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — историк, последний крупный представитель русской буржуазной историографии.

¹⁵ «День „свободной“ жизни» — т. е. день заточения в одиночной камере. Желание В. О. Лихтенштадта оказаться в одиночке объясняется его стремлением в то время завершить работу над исследованием о Гете. Работать, сидя за маленьким железным столиком, напоминавшим прикрепленную к стене небольшую полку, было крайне неудобно.

¹⁶ Муравин Григорий Моисеевич (см. стр. 269—270). Заключение «нового Шлиссельбурга» в случае «беспорочного» поведения пользовались правом выбора «сокамерника».

¹⁷ Имеется в виду Михаил Абрамович Трилиссер (см. стр. 228—229, прим. 7).

¹⁸ «Кресты» — Петербургская одиночная тюрьма, состоявшая из двух крестообразных по форме корпусов (построена в 1893 году). Насчитывала свыше тысячи одиночных камер.

В июле 1912 года вместе с четырнадцатью другими организаторами общетюремного протеста В. О. Лихтенштадт был выслан из Шлиссельбургского централа в Орловский, по ввиду болезни оставлен в Петербурге в «Крестах», откуда благодаря усиленным хлопотам матери полгода спустя возвращен в Шлиссельбург.

¹⁹ Написанное в Шлиссельбурге исследование В. О. Лихтенштадта о творчестве и мировоззрении великого немецкого поэта и мыслителя было издано Социалистической академией. См.: В. О. Лихтенштадт. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Исследования и достижения в области изучения природы и теории познания. Пгр., 1922.

²⁰ Германия объявила войну России 19 июля (по н. ст. — 1 августа) 1914 года.

²¹ Вандервельде Эмиль (1866—1938) — лидер рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала, ярый оппортунист. Во время первой мировой империалистической войны — социал-шовинист. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, активно содействовал вооруженной интервенции против Советской России.

²² Т. е. движение к абсурду (лат.).

²³ Бернштейн Эдуард (1850—1932) — лидер оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма. В период мировой империалистической войны стоял на социал-шовинистических позициях. В последующие годы выступал против Октябрьской социалистической революции и Советского государства.

²⁴ Подобные взгляды, близкие концепции «революционного оборончества», В. О. Лихтенштадт преодолел уже осенью 1914 года.

²⁵ М. А. Трилиссер был выслан «на вечное поселение» в Балаганский уезд Иркутской губернии в ноябре 1914 года.

²⁶ Кононов Михаил Иванович — рабочий Обуховского завода, участник первой русской революции. Осужден 27 октября 1907 года на 18 лет каторжных работ. Освобожден из Шлиссельбурга 28 февраля 1917 года. «Есть, — писал в 1927 году С. Гессен, — сведения о его смерти, но место и обстоятельства ее неизвестны» (БС, л. 21).

²⁷ Кареев Николай Иванович (1850—1931), историк и в дооктябрьское время публицист буржуазно-либерального направления. Профессор Петербургского университета. В 1929 году избран почетным членом Академии наук. Семитомный курс Н. И. Кареева «История Западной Европы в новое время», в котором, в частности, содержалась высокая оценка исторического значения деятельности К. Маркса, пользовался широкой известностью.

²⁸ Метерлинк М. — бельгийский писатель (1862—1948). Во время первой мировой войны занял резко шовинистическую позицию, развивая (особенно в книге «Осколки войны») реакционную идею превосходства «латинской расы».

²⁹ Бах Александр (1813—1893) — австрийский государственный деятель, реакционер.

³⁰ По-видимому, речь идет об «Очерках политической экономии» буржуазного экономиста В. Я. Железнова.

³¹ Имеется в виду «Курс политической экономии», написанный А. Богдановым совместно с И. И. Скворцовым-Степановым и содержащий существенные расхождения с теорией политической экономии К. Маркса.

³² Правильно — Фини-Енотаевский Александр Юльевич (1872—1936) — меньшевик, экономист-литератор, автор многих работ по вопросам экономики, в которых ревизионистски извращается теория марксизма.

³³ В. О. Лихтенштадт называет работы меньшевистского экономиста П. П. Маслова «Капитализм» и «Теория развития народного хозяйства», в которых автор с позиций антинаучного так называемого «закона убывающего плодородия почвы» выступил против марксистской теории абсолютной и дифференциальной ренты и обусловленной этой теорией аграрной программы национализации земли.

³⁴ По-видимому, речь идет о работе А. И. Чупрова «История политической экономии» (М., 1913).

³⁵ Меринг Франц (1846—1919) — один из теоретиков германских левых социал-демократов и создателей Коммунистической партии Германии, выдающийся публицист и историк.

³⁶ Крживицкий Людвиг (1859—1941) — польский философ, антрополог и историк. В. О. Лихтенштадт имеет здесь в виду вышедшую в 1906 году в двух изданиях («Знание» и «Луч») в переводе с польского книгу Л. Крживицкого «Аграрный вопрос».

³⁷ Будин Луи — родился в 1874 году, экономист-марксист, родом из России, участвовал в американском социалистическом движении. По-видимому, имеется в виду его работа «Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики», выпущенная на русском языке в 1908 году.

³⁸ Морган Льюис Генри (1818—1881) — видный американский ученый, этнограф, археолог и историк первобытного общества.

³⁹ Круг чтений В. О. Лихтенштадта, очерченный им самим, свидетельствует, однако, что для 1915 года такая оптимистическая самохарактеристика была преждевременной. Не упустим из виду, что в 1917 году после освобождения из Шлиссельбурга автор дневника, правда на короткий срок, сближается с меньшевиками.

⁴⁰ Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919) — видный русский буржуазный экономист, представитель легального марксизма. Возможно, речь идет о его книге «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» (СПб., 1907).

⁴¹ Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский буржуазный философ-идеалист и экономист.

⁴² «Научное обозрение» — журнал, издававшийся в Петербурге (1893—1902). Не представлял какого-либо определенного общественного течения, носил эклектический характер; предоставлял свои страницы и марксистам.

⁴³ Чернов Виктор Михайлович (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков эсеровской партии, с 1920 года — белоэмигрант. По-видимому, имеется в виду книга Чернова «Философские и социологические этюды» (М., 1907).

⁴⁴ Летурно Шарль (1831—1902) — французский философ, сторонник эволюционной теории общественного развития. Помимо названной В. О. Лихтенштадтом, на русском языке вышла также его книга «Эволюция воспитания у различных рас», СПб., 1900.

⁴⁵ «Ленинские 7 пунктов», т. е. произведение В. И. Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», вошедшее в историю под названием «Тезисы о войне» (В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 1—7, 397), — первый документ, определивший позицию большевистской партии и международной революционной социал-демократии по отношению к первой мировой империалистической войне.

В Россию ленинские «Тезисы о войне» были отправлены с депутатом Четвертой Государственной думы Ф. Н. Самойловым. Можно высказать предположение, что «Тезисы о войне» передали в Шлиссельбургскую тюрьму члены думской фракции большевиков, нелегальная связь с которыми из тюрьмы была установлена благодаря Г. К. Орджоникидзе.

⁴⁶ Имеется в виду деревня Шеремстено на правом берегу Невы.

⁴⁷ В. О. Лихтенштадт пишет о работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 115—217). 18 брюмера (9 ноября) 1799 года произошел госу-

дарственный переворот, завершивший буржуазную контрреволюцию во Франции и приведший к установлению военной диктатуры Наполеона Бонапарта.

Из работ основоположников научного коммунизма о европейской революции 1848—1849 годов наиболее важны следующие: К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год (там же, т. 7, стр. 5—110); Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии (там же, т. 8, стр. 3—113).

⁴⁸ «Воображаемый мальчик...» — метафорический образ в сочинениях Л. Н. Толстого (Л. Н. Толстой. ПСС, т. 18, стр. 20 и др.).

⁴⁹ Т. е. издание «Общественное движение в России в начале XX века». Под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. Тт. I—IV, СПб., типография «Общественная польза», 1909—1914. В связи с выходом в свет I тома этого издания В. И. Ленин писал: «Речь идет об основных программных и тактических идеях социал-демократии, «ликвидируемых» коллективным меньшевистским «трудом», выходящим под коллективной меньшевистской редакцией...» (В. И. Ленин. Разоблаченные ликвидаторы, ПСС, т. 19, стр. 64).

⁵⁰ Эта запись вызвана предательством уголовного О'Бриена де Ласси, выдавшего тюремщикам одну из «переодетых» книг.

⁵¹ В последние годы существования шлиссельбургской каторги В. О. Лихтенштадт задумал и осуществил удивительно смелую в тюремных условиях работу: в общей камере создал скрытую от глаз тюремщиков общеобразовательную школу для каторжан.

⁵² Речь идет о переходе из одиночной в общую камеру.

⁵³ Запись сделана в день освобождения автора из тюрьмы.

И. П. Вороницын

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КАТОРГА (1908—1909 гг.)

Впервые опубликовано в книге: И. П. Вороницын. Из мрака каторги. 1905—1917 гг. Харків, 1922, стр. 63—78. Печатается по первой публикации.

Вороницын Иван Петрович (1885—1938) родился в Нарве в семье полковника. С 1902 года — член РСДРП. В первый раз арестован в 1903 году. В 1904 году бежал из ссылки (Пинега Архангельской губернии) за границу. Вскоре по решению ЦК РСДРП возвратился в Россию и работал в Москве. В феврале 1905 года был вновь арестован. После освобождения в сентябре того же года под залог перешел (под кличкой «Иван Петрович») в Севастопольскую организацию РСДРП. В дни Севастопольского восстания возглавил Совет рабочих, матросских и солдатских депутатов, являясь его председателем. При подавлении восстания был арестован и в ноябре 1906 года приговорен к пожизненным каторжным работам. Каторгу отбывал в Смоленской, Шлиссельбургской, Вологодской, Ярославской и Бутырской тюрьмах. После Великой Октябрьской революции занимался научно-литературной работой. Автор ряда книг по истории революционного движения («Лейтенант Шмидт». М.—Л., 1925; «История одного каторжанина». М.—Л., 1926) и атеизма («А. И. Герцен и религия». М., 1928; «Декабристы и религия»,

Рязань, 1928; «История атеизма». М., 1930; «В. Г. Белинский и религия». М., 1930; «Гельвеций». М., 1934; «Советский календарь и гражданская религия Великой французской революции». М., «Атеист»).

¹ «Перышко» — т. е. нож (уголовный жаргон).

² Гурамов Иван Вахтангович — помощник начальника Шлиссбургской каторжной тюрьмы.

³ Когда-то было издано распоряжение о том, что на арестантов, отбывающих сроки в исправительных отделениях, заключение в карцер может налагаться властью начальника до 30 суток. Но имелся в виду не темный карцер на хлебе и воде, а одиночное заключение обычного типа. (Примечание И. П. Вороницына.)

⁴ И. П. Вороницын ошибся в дате. Инструкция, о которой говорится, была опубликована в 1907 году в «Тюремном вестнике».

⁵ Т. е. строжайший тюремный режим (итал.).

⁶ Т. е. «бури и натиска» (нем.).

⁷ Т. е. похмелья (нем.).

⁸ «Сологубовщина» — обозначение одного из распространенных в годы реакции проявлений идейного распада, переживавшегося буржуазной интеллигенцией. Происходит от псевдонима писателя Федора Кузьмича Тетерникова (Сологуба) (1863—1927), произведения которого были присущи культ извращенной эротики.

⁹ «Вехизм» — идейный поход против революционного движения, возглавляемый кадетами. Термин происходит от названия сборника «Вехи», выпущенного в марте 1909 года группой виднейших кадетских публицистов под редакцией П. Б. Струве. Авторы сборника отстаивали тезис о «греховности» революций. Они призывали сменить «историческую нетерпеливость» и героизм революционеров на дисциплину «послушания» и «христианское смирение». Реакционная проповедь «Вех» не встретила отпора у эсеров и меньшевиков, и это свидетельствовало о том, что после поражения революции 1905—1907 годов произошел сдвиг вправо не только либеральной, но и определенных слоев мелкобуржуазной интеллигенции.

Классовое содержание вехизма было вскрыто только большевиками. В. И. Ленин заклеил «Вехи» как энциклопедию «*либерального ренегатства*», как «сплошной поток помоев, вылитых на демократию» (В. И. Ленин. О «Вехах». ПСС, т. 19, стр. 168, 173).

¹⁰ Воспользовавшись отступлением революции, царское правительство решило разогнать Вторую Государственную думу. В качестве предлога оно использовало сфабрикованное охранкой обвинение социал-демократической фракции в «военном заговоре» против «существующего государственного строя». 3 июня 1907 года Вторая Дума была разогнана, а ее социал-демократическая фракция арестована. Позднее социал-демократические депутаты были приговорены к различным срокам каторжных работ и ссылке.

¹¹ Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — один из организаторов партии социалистов-революционеров. С 1897 года — агент охраны, провокатор; с 1903 года — руководитель Боевой организации эсеров. Выдал охранному отделению в 1901 году съезд представителей союзов эсеров, в 1905 году — план вооруженного восстания в Петербурге, в 1908 году — всю Боевую организацию эсеровской партии и ее летучий боевой отряд. Был разоблачен и приговорен ЦК партии эсеров к смертной казни, однако сумел бежать и скрыться под чу-

жим именем. В последние годы жизни занимался в Берлине биржевой спекуляцией.

¹² Слова мемуариста «эсеровский коллектив» носят, несомненно, условный характер и не означают утверждения об организационной и идейной сплоченности эсеров — узников Шлиссельбурга. Весьма характерно в связи с этим следующее свидетельство В. Ф. Гончарова, осужденного за принадлежность к эсеровской организации: «Вполне понятно, что... должны были бы существовать партийные коллективы, спаянные единой программой, одинаковой тактикой и одинаковыми идеологическими установками. Проще говоря, должны были бы существовать шлиссельбургские анархисты, максималисты, меньшевики, эсеры и большевики.

Но анархисты, максималисты, меньшевики и эсеры не могли похвалиться своей сплоченностью в масштабе каторжной тюрьмы. Даже меньшевики, идейно прочно скованные своей программой, принимавшие ее как догму, дальше пределов корпуса не могли провести свою сплоченность. И не будет чрезмерным преувеличением сказать, что в Шлиссельбурге в каждой партии было столько групп меньшевиков, анархистов, эсеров и максималистов, сколько имелось там корпусов и отделений, т. е. не меньше восьми.

...Совсем в ином положении были одни большевики. За время моего пребывания в Шлиссельбургской каторжной тюрьме перед моими глазами через все ее корпуса прошло более семидесяти большевиков. Само собой разумеется, что были и такие, о которых я не слышал или которых я не видел. Из тех, о которых я имею сведения, в одном корпусе не скапливалось свыше десятка. И они, как и все другие политические каторжане, в корпусах были разбросаны по разным этажам, отдельным камерам и особым «прогулкам». Все они зачастую не имели между собой «почтовой связи»... И тем не менее разбросанные по каторжной тюрьме большевики вели, без сговора между собою, единую линию. Для меня это совершенно ясно: ибо в течение семи лет нелегальная почтовая контора Шлиссельбургской каторжной тюрьмы находилась в моих руках. На эту линию мне приходилось наткаться каждый раз, когда мною проводилась какая-либо анкета или собирались те или иные сведения и материалы по тюрьме. Я заранее мог сказать, как откликнется на тот или другой вопрос большевики, сидевшие в третьем или четвертом корпусе. Между ними было расхождение только в форме выражений, но не по существу.

...Они действительно представляли собой одно целое — именно большевиков-шлиссельбуржцев» (В. Ф. Гончаров. Шлиссельбургская каторга. Рукопись. БП, лл. 145, 146, 147—148).

¹³ Помещица М. П. Воронова благодаря своим связям с придворной камарильей добивалась амнистии для тех политических заключенных (главным образом, участников массовых крестьянских выступлений), которые под ее влиянием подавали прошение на высочайшее имя о помиловании.

¹⁴ Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) — крупный помещик, в 1902—1906 годах — губернатор в Гродненской и Саратовской губерниях, известный зверскими расправами с крестьянским движением; в 1906 году — министр внутренних дел; после разгона Первой Государственной думы — глава правительства Николая II. «Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы:

истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под „европейские”» (В. И. Ленин. Столыпин и революция. ПСС, т. 20, стр. 327).

¹⁵ Мах Эрнест (1832—1916) — австрийский физик и философ, субъективный идеалист, один из основателей эмпириокритицизма. Критическому разбору основных сочинений Маха В. И. Ленин посвятил многие страницы своей книги «Материализм и эмпириокритицизм» (В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 6, 13—14, 18, 20 и др.).

¹⁶ Г. В. Плеханов вел недостаточно последовательную борьбу с махизмом. Как писал В. И. Ленин, он «не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму» (В. И. Ленин. ПСС, т. 18, стр. 377).

¹⁷ «Максималисты» — представители мелкобуржуазного политического течения, выделившегося из партии эсеров в 1904 году и организационно оформившегося в Союз социалистов-революционеров максималистов в 1906 году на съезде в Або (Финляндия). Выдвинув требование немедленного перехода к «трудовой республике» посредством политического и аграрного террора и экспроприации, «подрывающих экономические устои буржуазного общества», максималисты мнимой «левизной» маскировали глубоко буржуазную сущность своей программы. К концу 1908 года максималистские организации начали распадаться, выродившись в беспринципную группу бандитов-экспроприаторов», лишенную связей с массами. Часть максималистов ушла к анархистам, с которыми их сближали и программные установки, и тактика. После февраля 1917 года максимализм вновь обнаружил себя как самостоятельное течение, однако уже в 1920 году большая часть максималистов потребовала распустить Союз и вошла в РКП(б).

¹⁸ Речь идет о похищении группой эсеров-максималистов 14 октября 1906 года в Петербурге на углу Фонарного переулка и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) из коляски почтовой таможни нескольких мешков с ценностями на сумму до 400 тысяч рублей. К этому событию, однако, В. О. Лихтенштадт отношения не имел. Он был арестован и судим в связи с покушением на Столыпина 12 августа 1906 года.

¹⁹ Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт-символист. Автор воспоминаний имеет в виду книгу Бодлера «Искания рая», перевод которой сделан В. О. Лихтенштадтом. Книга была выпущена в 1908 году в Петербурге издательством «Сириус».

²⁰ Штирнер Макс — псевдоним Каспара Шмидта (1806—1856), немецкого философа, проповедника индивидуалистического мелкобуржуазного идеализма. В нашумевшей книге «Единственный и его собственность» (1845) Штирнер утверждал, будто все без исключения общественные принципы и институты (право, законы, государство, общество, мораль, семья и т. д.) препятствуют проявлению неповторимого «я» человеческой личности. Развернутую критику этих взглядов Штирнера см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 100—454 и др. Первая часть перевода названной книги Штирнера, сделанного В. О. Лихтенштадтом, вышла отдельным изданием (Штирнер Макс. Единственный и его достояние. Пер. с нем. В. Л., СПб., 1906).

²¹ В 1909—1912 годах И. И. Вороницын отбывал каторгу в Вологодской и Ярославской каторжных тюрьмах.

²² Имеется в виду общетюремный протест в Шлиссельбургском центральном в апреле 1912 года.

²³ После трехлетнего заключения в Вологодской и Ярославской каторжных тюрьмах И. П. Вороницын в 1912 году был возвращен в Шлиссельбургский централ.

В. Я. Ильмас

В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ЗАТОЧЕНИИ

Публикуется впервые по рукописи, датированной 1958 годом. Подлинник хранится в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости.

Ильмас Виктор Янович родился 7 ноября 1885 года в городе Верро Лифляндской губернии Прибалтийского края в семье рабочего-поденщика. В 1902 году приехал в Петербург. Работал в услужении, учеником в столярной мастерской, подручным сапожника. С конца 1904 года — участник социал-демократического кружка на Выборгской стороне. «О последствиях 9 января... — вспоминает В. Я. Ильмас в автобиографии, — скажу лишь, что... после всего виденного и пережитого я твердо решил вступить в партию, и если не больше, то хоть отомстить за пролитую кровь рабочих». Летом 1905 года В. Я. Ильмас стал большевиком. В том же году избран членом Выборгского подрайонного комитета РСДРП(б) от сапожников-башмачников. Одновременно в 1905—1906 годах был начальником боевого десятка Охтинской боевой дружины большевиков. В ноябре 1906 года арестован. Во время десятимесячного следствия находился в «Крестах» и «Предварилровке» (Дом предварительного заключения на Шпалерной улице). В 1907 году особым присутствием Петербургской судебной палаты приговорен к 9 годам каторжных работ (ввиду несовершеннолетия осужденного в день ареста срок каторги сократили на одну треть). В Шлиссельбургской тюрьме находился в 1908—1910 годах. По отбытии кандалного срока по этапу направлен в Сибирь в Александровский централ. С осени 1912 года до Февральской революции — в ссылке (Киренский уезд Иркутской губернии). В июле 1917 года возвратился в Петроград. Активно участвовал в Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919 году при перерегистрации выбыл из РКП(б) ввиду того, что сочетался церковным браком. В советское время — работник хлебопекарной промышленности. Ныне — персональный пенсионер союзного значения, живет в Ленинграде.

¹ Приговор обвинял В. Я. Ильмаса в принадлежности к «обществу», «во-первых, поставившему целью своей деятельности путем возмущения народных масс низвергнуть существующий в Российском государстве общественный строй и... во-вторых, имевшему в своем распоряжении склад оружия и средства для взрыва», а также в том, что организовывал «собрания, на которых призывал собравшихся к вооруженной борьбе с правительством и раздавал им такого же содержания прокламации».

² Манкевич Александр — эсер-максималист, осужденный в 1908 году к 8 годам каторжных работ. В мае 1909 года был переведен из Шлиссельбургского в Вологодский централ (БС, л. 27).

³ Ходяков Федор Иванович — матрос, участник революционного

движения па Балтийском флоте (1905—1907). В феврале 1908 года осужден на 7 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 48).

⁴ Жуков Николай Николаевич — родился в 1884 году в Нерчинском заводе, один из организаторов движения учащихся. В 1908 году осужден на 8 лет каторги. В 1908—1911 годах находился в Шлиссельбургской тюрьме, в 1912—1913 годах — на нерчинской каторге, позднее — на поселении в Чите (БС, л. 15).

⁵ Колосовский Валентин Викторович (1888—1937) — родился в Омске. В революционном движении участвовал с 1904 года (в Петербургском и Северном союзе учащихся средних учебных заведений). 3 марта 1907 года был выдан Азефом и за участие в террористических актах осужден к 6 годам каторжных работ. До 1909 года находился в Шлиссельбурге, до 1911 года — в Александровском центральном, а затем водворен на поселение в Иркутскую губернию. В 1912 году выслан в Якутск, но по дороге бежал и эмигрировал (БС, л. 21).

⁶ В. Ф. Гончаров писал об уголовном заключенном Орлове: «Правящим классам Орлов не мог простить того, что их законы и суд сбили его с той узкой полоски земли, на которой он уже начал сам трудиться после смерти своего отца. С пеной у рта старик горячо доказывал, что именно правительство пустило его «вдоль по каторге». Не попади он в Сибирь, не сделайся вечным ссыльнопоселенцем, отданным в рабство зажиточным «желторотым чалдонам», Орлов, по его словам, в тюрьме больше не сидел бы.

— Я виноват, — говорил он, — убил человека, но ведь случайно, без заранее обдуманного намерения. Ну и накажи — поддержи в тюрьме. А то ведь после Сибири

Работой нам нельзя заняться
В глуши уездных городов.
И поневоле идешь скитаться,
Лишенный прав и паспортов.

Это, брат, не красное словцо, а сама правда. Вернее ее люди ничего не сказали...

...Сам он уже не надеялся выйти живым из Шлиссельбурга. Все попытки бежать были неудачны, да и бежать было некуда, разве лишь на новое преступление. Часто налетавшую грусть по воле уже заменяло примирение с неизбежностью «подохнуть на тюремной койке». Но пришла Февральская революция и вынесла его из крепостных стен...

Кто видел адъютанта Иустина Жука с момента Февральской революции до наступления Юденича на Петроград, тот вряд ли поверил бы, что этот адъютант — исполнительнейший старик — есть тот самый Орлов... После смерти Жука почти два года Орлов был председателем волостного исполкома в своем Опоческом уезде, где пользовался уважением своих земляков и принимал участие в уездных съездах. В этом деле ему помогала память, сохранившая тюремные разговоры о социалистических программах». (В. Ф. Гончаров. Шлиссельбургская каторга. Рукопись. БП, лл. 186, 195—196.)

⁷ «Князь» — т. е. Гурамов (см. о нем стр. 251, прим. 2).

⁸ Хансен Фритюф (1861—1930) — норвежский полярный путе-

шественник, ученый и общественный деятель. Его основные экспедиции — в Гренландию (1888—1889), к Северному полюсу (1893—1896), к устью Енисея и по Сибири (1913) — описаны им самим в широко известных книгах: «На лыжах через Гренландию», «Жизнь эскимосов», «В страну будущего» (О Сибири). Из книг о Нансене, вышедших на русском языке до 1917 года, наибольшего внимания заслуживает: Е. С. н. Отважный путешественник Фритьоф Нансен. Изд. 1-е. М., 1913.

⁹ «Иванами» звались закоренелые уголовники.

Н. Ростов

ЗА ТОЙ СТЕНОЙ

Впервые напечатано в книге: Н. Ростов. За той стеной. Повесть о минувшем. Московское т-во писателей. 1934, стр. 197—220. Печатается по первой публикации.

Ростов Н. (настоящая фамилия Беленький Дон Моисеевич, партийные псевдонимы — Коган Наум Моисеевич, Н. Ростов) родился в 1886 году в Невеле. По окончании ремесленного училища поступил учеником наборщика в местную типографию, где под влиянием своих старших братьев, участвовавших в революционном движении, начал вести кружковую работу. С 1903 года под кличкой «Дмитрий» работал в витебской группе «Искры». В том же году подвергся первому аресту. В 1904 году создал группу социал-демократов в Невеле. В 1905 году работал в социал-демократических организациях Прибалтики. Как член стачечного комитета Балтийской железной дороги организовал транспортировку оружия для пролетарских боевых дружин. В 1906 году участвовал во взрыве штаба черносотенцев в трактире «Тверь» (в Петербурге). Тогда же был введен в «Южно-военно-техническое бюро ЦК РСДРП»; заведовал динамитной мастерской в Ростове-на-Дону. В мае 1906 года был арестован и после двухлетнего предварительного заключения приговорен к 10 годам каторжных работ. Каторгу начал отбывать в Псковском центре. За активную борьбу против тюремщиков в 1912 году переведен в Шлиссельбург. Отсюда в ноябре 1916 года отправлен по этапу на вечное поселение в Сибирь (в Верхнеленский уезд Иркутской губернии). В марте 1917 года вернулся в Петроград. На первой Петроградской конференции большевиков в апреле 1917 года утвержден председателем оргкомиссии по созданию Красной гвардии. В том же году был избран начальником Красной гвардии Петрограда.

В 1925 году пересел в Москву. Избирался депутатом Моссовета. С 1921 года перешел исключительно на литературную и научную работу, главным образом по истории революционного движения в России. Автор книг: «Железнодорожники в революционном движении 1905 года» (1926), «На Каре» (1934), «В. Г. Короленко» (1941), «Вандалы на Истре» (1942), «Военно-полевые суды» (1945) и др.

С 1925 года состоял членом президиума и ответственным секретарем группкома писателей. С 1934 года — персональный пенсионер. Н. Ростов умер в 1956 году.

¹ Н. Ростов был переведен в Шлиссельбург «на окончательное исправление» за участие в знаменитой голодовке политзаключенных Псковского централа в декабре 1911 года. Требования, объединившие 150 каторжан, были, вспоминает современник, «невелики: отмена порки, изоляция «лежавых»; разрешение выписки продуктов два раза в месяц, а не один раз в четыре недели; выдача письменных принадлежностей; расковка тех 5—6 политиков, которых заковали вторично без достаточных оснований; наконец, шестой пункт требовал, чтобы одиночные камеры предоставлялись главным образом неврастеникам и больным...» (И. И. Генкин. По тюрьмам и этапам. Пгр., Государственное издательство, 1922, стр. 133).

² Приводим ленинскую оценку дворцовых переворотов в России XVIII века: «Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой» (В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. ПСС, т. 37, стр. 443).

³ Бирон Эрнест Иоганн (1690—1772) — мелкий курляндский дворянин, всеильный временщик при русском дворе во время царствования Анны Иоанновны (1730—1740). После смерти последней был 9 ноября 1740 года арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость. Летом 1741 года сослан в г. Пелым, оттуда — в Ярославль. При Петре III возвращен в столицу, а при Екатерине II стал герцогом Курляндским.

⁴ Долгорукие (или Долгоруковы) — княжеская фамилия, известная в истории феодальной России. Мемуарист имеет здесь в виду казнь в 1739 году Василия Лукича Долгорукого (род. в 1670 году), причастного вместе с другими членами так называемого «Верховного тайного совета» к попытке захватить императорский престол, а после провала этой попытки (1730) — к составлению «кондиций», ограничивавших самодержавие новой императрицы Анны Иоанновны. Вместе с В. Л. Долгоруким в Шлиссельбургской крепости были казнены три его родственника.

⁵ Минович Василий Яковлевич — родился в 1740 году, поручик Смоленского пехотного полка, размещавшегося в Шлиссельбургском форштадте. За попытку освободить из заточения Ивана VI (Антоновича) и провозгласить его императором казнен 15 сентября 1764 года.

⁶ Круглой Иван — раскольник, староста Выгозерского погоста Олонецкого уезда; пользовался большим влиянием среди сектантов. В 1736 году был взят под стражу администрацией Петровских заводов. После многолетних пыток замучен в Шлиссельбургской крепости в ноябре 1745 года.

⁷ См.: «Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной разыскных дел канцелярии Г. Есиповым». СПб., 1861, стр. 412—413. В своей книге Н. Ростов приводит эту цитату неточно.

⁸ Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — один из идеологов анархизма. К. Маркс и Ф. Энгельс вели решительную борьбу против бакунизма, который, по словам В. И. Ленина, был «миросозерцанием отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа» (В. И. Ленин. Памяти Герцена. ПСС, т. 21, стр. 257).

⁹ Семевский Василий Иванович (1848—1916) — видный русский историк; придерживался народнических взглядов. Наибольшую известность получили его труды, посвященные истории русского крестьянства: «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (1881) и «Крестьянский вопрос в России в 18-м и первой половине 19-го века» (1888).

¹⁰ Бестужев Николай Александрович (1791—1855) — военный моряк, историограф русского флота, писатель, живописец, техник, экономист. Видный дворянский революционер, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества, один из организаторов восстания 14 декабря 1825 года. Был присужден к вечной каторге, которую отбывал сначала в Шлиссельбурге (с 7 августа 1826 года по 28 сентября 1827 года), а затем — до 1840 года — в Нерчинском руднике.

¹¹ Это замечание мемуариста ошибочно. Ошейник, на внешней стороне которого были укреплены длинные (до полуметра) гвозди, использовался для того, чтобы принудить узника, на которого надет подобная «рогатка», все время стоять или сидеть, «но не приклоняясь спиной к чему-либо» (ИЦТ, т. 1, стр. 339). Новейшие разыскания не подтвердили предположения о принадлежности этого рисунка Н. А. Бестужеву.

¹² По повелению Николая II в 1907 году было возобновлено использование Шлиссельбургской крепости в качестве каторжной тюрьмы.

¹³ Балмашев Степан Валерианович (1882—1902) — революционер-демократ. К какой-либо политической партии не принадлежал. В ответ на правительственные репрессии против студенческого движения 1899—1901 годов (массовые аресты студентов, отдача их в солдаты, ссылка в Сибирь) в 1902 году убил министра внутренних дел Сипягина. 3 мая 1902 года по приговору военно-полевого суда повешен в Шлиссельбургской крепости.

¹⁴ Калаяев Иван Платонович (1877—1905) — член Боевой организации эсеров. В 1904 году участвовал в покушении на министра внутренних дел Плеве. В 1905 году убил московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В ночь на 10 мая 1905 года казнен в Шлиссельбургской крепости.

¹⁵ Коноплянникова Зинаида Васильевна (1879—1906) — член эсеровской партии. 13 августа 1906 года застрелила генерала Мина, «усмирителя» Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. По приговору военно-полевого суда повешена в Шлиссельбургской тюрьме 29 августа 1906 года.

¹⁶ Ионов (партийный и литературный псевдоним, настоящая фамилия — Бернштейн) Илья Ионович (1877—1942) — советский поэт. Член большевистской партии с 1904 года. В 1906 году был выслан, но бежал из ссылки. В 1908 году по обвинению в принадлежности к Военно-боевой организации большевистской партии осужден к 8 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге, Пскове, Орле и Бутырской тюрьме (БС, л. 5). После революции заведовал Ленинградским отделением Государственного издательства. Тема шлиссельбургской каторги нашла отражение в первой книге стихов Ильи Ионова «Алое поле» («Прибой», 1917).

¹⁷ Билибин Николай Николаевич — родился в 1888 году, член большевистской партии с 1905 года. В 1909 году за побег из тюрь-

мы военным судом в Калуге осужден на 10 лет каторги. Отбывал срок в тюрьмах Калуги, Шлиссельбурга, Орла и в Бутырке, откуда освобожден Февральской революцией (БС, л. 5).

¹⁸ Следовало написать: «у самого истока Певы».

¹⁹ Сухоруков Алексей Иванович (1888—1938) — родился в Воронежской губернии, учитель, участник первой русской революции. Арестован в августе 1906 года и осужден на 6 лет каторги. С 4 марта 1910 года находился в Шлиссельбурге, с 1912 года — на поселении в Иркутской губернии.

²⁰ Барышев Максим Степанович (1880—1930) — родился в Екатеринославской губернии в семье крестьянина. Будучи унтер-офицером севастопольской саперной роты, поднял ее на восстание в ноябре 1905 года.

²¹ Фигнер Вера Николаевна (1852—1942) — видная деятельница русского революционного движения 1870—1880-х годов, член Исполнительного комитета «Народной воли», активная участница покушения на царя 1 марта 1881 года. В сентябре 1884 года приговорена к смертной казни, замененной при конфирмации приговора вечной каторгой. После суда доставлена в Шлиссельбургскую тюрьму, где оставалась в заточении 20 лет. Выйдя из каторжной тюрьмы осенью 1905 года, продолжала заниматься революционной деятельностью, в частности приняла участие в организации помощи узникам «нового Шлиссельбурга».

²² «Русское богатство» — ежемесячный научный и литературный журнал, издававшийся в Петербурге (первоначально — в Москве) в 1876—1918 годах. В описываемое мемуаристом время — орган партии так называемых «народных социалистов», отстаивавших интересы кулачества. В сентябре 1914 года издание «Русского богатства» было приостановлено; по возобновлении журнал некоторое время назывался «Русскими записками».

²³ «Современный мир» — журнал-ежемесячник, выходивший в Петербурге в 1906—1918 годах; с 1909 года — орган меньшевиков.

²⁴ «Просвещение» — теоретический орган большевиков, легальный общественно-политический и литературный журнал. Издавался в Петербурге в 1911—1914 годах. Редактированием журнала руководил В. И. Ленин; художественным отделом заведовал А. М. Горький.

²⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — виднейший историк-большевик. В. И. Ленин высоко ценил исследовательский талант М. Н. Покровского, всемерно помогал его становлению на позиции последовательного исторического материализма.

Вопреки утверждению мемуариста, у М. Н. Покровского нет труда под названием «История России». М. Н. Покровский был одним из авторов коллективного многотомника «История России в XIX веке» (изд-во братьев А. и И. Гранат). Судя по контексту, автор в действительности имеет в виду пятитомник М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен».

²⁶ Жорес Жан (1859—1914) — деятель французского и международного социалистического движения, страстный борец против милитаризма, прогрессивный историк. Пенавидимый реакционерами, Жорес накануне первой мировой войны — 31 июля 1914 года — был убит французским шовинистом Р. Виллемом.

НАША БИБЛИОТЕКА

Печатается впервые по рукописи, датированной 1964 годом. Подлинник хранится в краеведческом фонде городской библиотеки г. Петрокпестии.

Колосовский Виктор Викторович родился в 1894 году в Акмолинской области, сын врача. Будучи студентом, в 1916 году арестован за организацию подпольной типографии и осужден на 4 года каторжных работ. Библиотекарь последнего года существования Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Освобожден из Шлиссельбурга Февральской революцией. В 1924—1930 годах — член правления и заведующий издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Участник Великой Отечественной войны. Ныне — офицер флота в отставке. Живет в Москве.

¹ В действительности между временем вынужденной ликвидации «старого Шлиссельбурга» и возникновением «нового Шлиссельбурга» не прошло и двух лет.

² Малашкин Владимир Дмитриевич (1880—1921) — родился в Рязани в семье потомственного почетного гражданина, эсер-максималист. Участник первой русской революции. В 1908 году осужден к десятилетней (а не к вечной, как ошибочно утверждает мемуарист) каторге. В Шлиссельбургской тюрьме — с 1910 года, переведен туда из Псковского централа. Освобожден из Шлиссельбурга в 1917 году. После Февральской революции придерживался большевистских взглядов. Умер в Крыму от туберкулеза (БС, л. 28).

³ Много содействовавшая устройству мастеровских в «новом Шлиссельбурге» А. Я. Бруштейн пишет: «Труд в этих мастерских оплачивался, но разные категории заключенных получали за одинаковый труд неодинаковое вознаграждение. С каждого заработанного рубля следственный заключенный получал по 60 копеек. Каждый срочный (то есть осужденный на срок) получал с заработанного рубля 40 копеек, каждый заключенный из исправительного отделения — 30 копеек и, наконец, каждый бессрочно-каторжный — 10 копеек. Многие политические, наиболее деятельные, любимые и уважаемые среди товарищей, были бессрочные, каторжники-«вечники». Иным из них, как, например, участникам военных восстаний, смертная казнь была в свое время заменена пожизненным заключением в каторжной тюрьме. И все они получали только 10 процентов тех денег, какие причитались им за работу в мастерских! Остальные 90 процентов составляли своеобразную «прибавочную стоимость», одна половина которой шла в царскую казну, а вторая „на вознаграждение чинов администрации, кроме медицинского персонала”» (Александра Бруштейн. Вечерние огни, стр. 148—149).

⁴ Касаясь состава «Группы помощи» политическим узникам «нового Шлиссельбурга», М. Н. Гернет назвал П. А. Красикова, Л. И. Браудо, П. Н. Ариан и С. З. Марголину, добавив, что в «Группе» работали и «многие другие» (ИЦТ, т. 5, стр. 206). Активная участница «Группы» А. Я. Бруштейн пишет:

«Нас было 10 человек. Привожу по алфавиту фамилии. К сожалению, помню не все имена и отчества:

1) Аристов, 2) Браудо Любовь Исаевна, 3) Бруштейн А. Я.,

4) Ильина, 5) Каплан Яков Максимович, 6) Лихтенштадт Марина Львовна, 7) Познер Ольга Сергеевна, 8) Познер, жена брата Ольги, имени не помню, 9) Рысс Мария Абрамовна, 10) Фохт Ольга Марковна.

Состав этот оставался неизменным до самой революции. Мы очень гордились тем, что не потеряли за все время ни одного человека, — это означало, что работали мы настоящим образом конспиративно» (А. Бруштейн. Вечерние огни, стр. 156).

В двух случаях запамätованные Александрой Яковлевной имена и отчества восстанавливают воспоминания казначея и формального председателя «Группы» Якова Максимовича Каплана «Работа по обслуживанию „нового Шлиссельбурга“». Из этих воспоминаний выясняется, что речь идет об Александре Алексеевне Аристовой и Елизавете Викторовне Познер (ГАОРСС ЛО, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 31 об.). К сожалению, об Ильиной не упоминает и Я. М. Каплан, свидетельства которого побуждают значительно расширить круг сотрудников М. Л. Лихтенштадт. То обстоятельство, что списки участников «Группы» не совпадают ни у одного из трех авторитетных авторов (Я. М. Каплан, А. Я. Бруштейн и М. Н. Гернет), а В. В. Колосовский, в свою очередь, называет ряд новых имен, является дополнительным стимулом к глубокому изучению героической деятельности «Группы помощи политическим узникам Шлиссельбурга».

⁵ Сойкин Петр Петрович (1862—1932) — прогрессивный издатель, типограф и книгопродавец.

⁶ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, историк, литературовед и этнограф. Большевик с 1903 года. В 1906 году организовал партийный журнал и издательство «Наша мысль». С 1907 года возглавил большевистское издательство «Жизнь и знание» (о нем и упоминает мемуарист). После весны 1912 года — активный сотрудник ленинской «Правды». В 1917—1920 годах — управляющий делами Совета Народных Комиссаров. Основатель (1930) и первый директор Государственного литературного музея. В последние годы жизни — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

⁷ Закгейм Моисей Давидович (1885—1939) — ткач, участник первой русской революции. В 1907 году за принадлежность к рабочей боевой дружине был осужден на 15 лет каторги. В Шлиссельбурге — с 1910 года. Освобожден Февральской революцией (БС, л. 16). Был женат на Надежде Андреевне Терентьевой, осужденной по делу о взрыве дачи Столыпина на Аптекарском острове в 1906 году к вечной каторге. В годы гражданской войны находился в рядах Красной Армии, отличился в боях против белополяков. В 1921 году — начальник поезда политкаторжан, снаряженного в помощь голодающим. В последующие годы — сотрудник издательства Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

⁸ Левтонов Владимир Николаевич (1889—1942), участник революционного движения с 1904 года. В 1907 году студент 1-го курса Петербургского университета В. Н. Левтонов по обвинению в принадлежности к эсерам был арестован; выпущенный из «Крестов» под залог, эмигрировал. Участвовал в доставке из-за границы (Александрия) в Россию революционной литературы. Возвратившись на родину, в 1910 году был вновь арестован и приговорен к 4 годам каторги. В 1916 году выслан из Шлиссельбурга в Сибирь «навечно».

В годы Советской власти работал в лесной промышленности.
⁹ Запрос № 63 об избиениях в тюрьмах, внесенный в Третью Государственную думу 12 мая 1909 года, остался нерассмотренным.
¹⁰ К сожалению, уникальная библиотека Шлиссельбургской каторжной тюрьмы не сохранилась (подробнее см.: А. И. Вересов. Шлиссельбургские повести. Лениздат, 1965, стр. 313—314).

А. Н. Кукобин

ПРОТЕСТ 1912 ГОДА

Печатается впервые по рукописи, датированной июнем 1965 года. Подлинник находится в краеведческом фонде городской библиотеки г. Петрокрепости.

Кукобин Андрей Константинович родился в 1887 году в семье сапожника. Активный участник первой русской революции. С 1906 года — член РСДРП (большевиков), работал в подпольных организациях Таганрога и Ейска. В 1909 году за организацию нелегальной типографии арестован и 11 февраля 1910 года осужден на 6 лет каторжных работ. Каторгу отбывал в тюрьмах Ростова, Шлиссельбурга и Херсона. В 1914—1917 годах находился в ссылке в Иркутской губернии. Принимал непосредственное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны — чекист, позднее — на руководящей советской работе. В течение многих лет был директором типографии Ростовского обкома КПСС. В связи с 50-летием первой русской революции награжден орденом Трудового Красного Знамени. В настоящее время — персональный пенсионер союзного значения. Живет в Ростове-на-Дону.

¹ Это замечание мемуариста нуждается в уточнении. В действительности попытки побега из Шлиссельбургской крепости повторялись ежегодно. Но все они оканчивались неудачно (см.: В. Ф. Гончаров. Побег. В его рукописи «Шлиссельбургская каторга». БП, л. 78; см. также: ИЦТ, т. 5, стр. 56—66).

² Лукс Карл Янович — родился в 1889 году в Курляндской губернии, грузчик. С 1904 года — член РСДРП(б). До заточения в Шлиссельбург отбывал административную ссылку и тюремное заключение. В мае 1910 года был вновь арестован на партийной конференции в Либаве. В 1911 году приговорен к 6 годам каторжных работ. Каторгу отбывал в Митаве, Шлиссельбурге и в Орле. С 1916 года находился в ссылке в Иркутской губернии (БС, л. 27).

³ Андерсон Жано Ансович — политический узник Шлиссельбурга. В декабре 1910 года, обвиненный в принадлежности к подпольной революционной организации в Эстонии, осужден на 15 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбургском центре (БС, л. 3). Освобожден Февральской революцией. Дальнейшая его судьба неизвестна.

⁴ Рейнфельд Карл Янович — родился в 1890 году в Либаве, сын рабочего. Член ЛСДРП. В 1911 году осужден на 4 года каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге. С 1916 года — на поселении в Иркутской и Енисейской губерниях.

⁵ Согласно другим сведениям, протест начался в воскресенье 8-июля. (В. А. Симонович. В «новом Шлиссельбурге». М., 1934, стр. 66—67).

⁶ В 1912 году начальником Главного тюремного управления был С. С. Хрулев (1860—1913).

⁷ Маковский Ицко Израилевич — родился в 1885 году в Белостоке. В 1910 году за принадлежность к Хотинской группе анархистов-коммунистов Одесским военно-окружным судом приговорен к 4 годам каторги. В Шлиссельбурге находился с 1911 года, затем переведен в Вологодскую каторжную тюрьму. С 1916 года на поселении (БС, л. 27).

⁸ Некрасов Иван Акимович — родился в 1882 году в Тверской губернии, сын крестьянина, солдат. В революционном движении участвовал с 1905 года. В ноябре 1907 года арестован и в январе 1909 года по обвинению в покушении на Столыпина и великого князя Николая Николаевича приговорен Петербургским военно-окружным судом к 8 годам каторги. С 1916 года — на поселении в Иркутской губернии. Освобожден Февральской революцией (БС, л. 35).

⁹ Сведений о Григории Курочкине обнаружить не удалось.

¹⁰ Коротков Иван Яковлевич — родился в 1886 году в Саратовской губернии, крестьянин; участник революционных крестьянских выступлений. В марте 1910 года Временным военно-окружным судом в Саратове осужден на 6 лет каторги. До 1911 года находился в Саратовской тюрьме, в 1911—1916 годах — в Шлиссельбурге, затем сослан в Иркутскую губернию. Освобожден из ссылки Февральской революцией. После 1917 года — член Коммунистической партии (БС, л. 21).

¹¹ Шенсон Моисей Давыдович — родился в 1886 году в Витебске, сын рабочего. В 1906 году взят в солдаты, но бежал с военной службы, вел революционную пропаганду в войсках. В 1908 году за принадлежность к боевой дружине максималистов осужден на 4 года каторги. С 1910 года находился в Шлиссельбурге, с 1912 года — на поселении в Иркутской губернии (БС, л. 50).

¹² Купченко Евстафий Фокич — родился в 1887 году. В 1909 году осужден в Киеве по делу анархистской организации на 20 лет. В 1911 году из Риги переведен в Шлиссельбург, а в 1912 году — в Орел, оттуда — в Ярославль.

¹³ Тимошечкин Василий — рабочий, политкаторжанин. После протеста 1912 года в Шлиссельбургском центре переведен в Орел и там замучен тюремщиками (БС, л. 46).

¹⁴ Бурков Иван — петербургский рабочий, эсер-максималист. В 1910 году осужден по делу «63 максималистов». В 1912 году переведен в Орел, где был помилован и освобожден (БС, л. 7).

¹⁵ Бернштейн Илья — см. Ионов (стр. 258, прим. 16).

И. Н. Гамбург

ЗА КРЕПОСТНЫМИ СТЕНАМИ

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости.

Гамбург Иосиф Карлович (1887—1965) — член КПСС с 1904 го-

да. Активно участвовал в первой русской революции. Был делегатом Таммерфорской конференции Военных организаций большевиков. В марте 1907 года за принадлежность к РСДРП(б) и революционную работу в войсках гарнизона г. Либавы арестован, судим и в 1908 году Рижским военным судом приговорен к 6 годам каторги и вечной ссылке в Сибирь. Каторжный срок отбывал в Митаве, Смоленском, Псковском и Шлиссельбургском централах. С 1914 года — на поселении в селе Манзурке Иркутской губернии, с 1916 года — в Иркутске (БС, л. 9). После Великой Октябрьской социалистической революции — активный участник гражданской войны, соратник М. В. Фрунзе. Воевал на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах. В период социалистического строительства работал в ВСНХ УССР в Харькове и в ВСНХ СССР в Москве. В годы Великой Отечественной войны офицер Советской Армии. В 1943 году награжден орденом «Знак Почета». После 1946 года работал заместителем директора издательства «Большая советская энциклопедия», а затем заместителем директора Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В 1955 году в связи с 50-летием революционной и общественной деятельности награжден орденом Трудового Красного Знамени. С 1962 года — персональный пенсионер союзного значения. В 1965 году вышла в свет книга воспоминаний И. К. Гамбурга «Так это было...» с предисловием Ф. Н. Петрова.

¹ «Офицер конвойной команды, — писал о П. И. Черлениовском Н. Ростов, — он стал начальником каторжной тюрьмы исключительно из карьеристских побуждений. Его мечтой были жирные генеральские эполеты. Черлениовский сразу учел политическую обстановку и те способы, какими можно зарекомендовать себя в глазах высшего начальства. Для этого надо было быть откровенным черносотенцем и сколько возможно глумиться над революционерами, которые очутились в пределах его власти» (Н. М. Ростов. Три статьи Владимира Короленко. Воспоминания. В кн.: «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников». ГИХЛ, 1962, стр. 463).

² 6 ноября 1910 года Л. Н. Толстой, покинувший за несколько дней до того Ясную Поляну, умер в пути на станции Астапово. Правительство, десятилетиями травившее великого писателя, пыталось воспрепятствовать чествованию его памяти. Ответом было мощное политическое движение протеста, охватившее всю страну. «Смерть Льва Толстого, — писал В. И. Ленин, — вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих» (В. И. Ленин. Начало демонстраций. ПСС, т. 20, стр. 74).

³ Вдохновитель, организатор и идеолог помещичье-дворянской реакции П. А. Столыпин был убит 1 сентября 1911 года в здании Киевского оперного театра в присутствии Николая II Д. Г. Богровым (состоявшим в 1907—1910 годах платным агентом охраны) двумя выстрелами из револьвера. Современный исследователь отмечает: «И хотя эти выстрелы, будучи лишенными всякой организационной, идейной и тактической связи с практической борьбой революционных сил, и прозвучали неожиданно и одиноко, они все же на какое-то время потрясли самодержавие, воодушевили всех его противников» (Б. Ю. Майский. Столыпинщина и конец Столыпина. «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 135).

⁴ 14 ноября 1911 года начальник Псковской тюрьмы Черлениовский приказал выпороть группу политических заключенных за их выступление против поощряемого администрацией засилья уголовников-рецидивистов. 22 заключенных получили по 100 ударов розгами. В ответ 163 политкаторжанина Псковского центра объявили голодовку-протест.

⁵ 3 декабря 1911 года газета «Псковская жизнь» опубликовала статью под названием «В каторжной тюрьме», основанную на письме, которое его автору — участнику голодовки Н. Ростову — удалось по поручению других политических узников Псковского центра переслать в редакцию. Этот же материал при активном содействии В. Г. Короленко был использован и в столичной прессе.

⁶ В книге воспоминаний «Так это было...» один из участников протеста И. К. Гамбург привел требования заключенных, которые вынужден был удовлетворить палач Черлениовский: полностью прекратить телесные наказания; перевести всех провокаторов из общих камер в отдельную; вежливо обращаться с заключенными; разрешить больным, находящимся в тюремной больнице, покупать лекарства и продукты на свои средства; вернуть тетради и карандаши; никого не наказывать за голодовку (указ. соч., стр. 74).

⁷ Речь идет об узкоколейной железной дороге, соединявшей Охту с северной частью Шлиссельбургского уезда. В 39 верстах от Охты начиналась ветвь от Ириновки к Шлиссельбургу с конечной станцией Шереметевка на правом берегу Невы.

⁸ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — видный дворянский революционер, поэт и драматург. За участие в восстании 14 декабря 1825 года на Сенатской площади приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторжных работ и вечной ссылкой. После 10-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости выслан в Сибирь. Умер в Тобольске.

⁹ Жизни и борьбе за время двадцатилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости В. Н. Фигнер посвятила второй том своих известных воспоминаний «Запечатленный труд» (т. II. Когда часы жизни остановились. М., 1964).

¹⁰ Фроленко Михаил Федорович (1848—1938) — видный революционер, участник «хождения в народ», землевонец, народовонец. Готовил покушение на Александра II. Вскоре после 1 марта 1881 года был арестован. В 1882 году приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 1884 по 1905 год находился в Шлиссельбургской каторжной тюрьме.

¹¹ Ашенбреннер Михаил Юльевич (1842—1926) — видный участник революционного движения 1870—1880-х годов, один из руководителей военной организации партии «Народная воля». В 1884 году по делу о принадлежности к «социально-революционной партии» был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 лет оставался узником Шлиссельбургской крепости. Освобожден в сентябре 1904 года. До Февральской революции жил под надзором полиции. Умер в Москве.

¹² Аболин Иван Данилович — рабочий-каменщик, большевик. Вел революционную работу среди солдат либавского гарнизона. В 1908 году осужден на 8 лет каторги с последующей вечной ссылкой. Каторжный срок отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 2).

¹³ Наумов Яков Зиновьевич — большевик. 4 апреля 1908 года осужден на 8 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 32).

¹⁴ Звирбулис Людвиг (1881—1912) — член ЛСДРП с 1903 года, один из организаторов революционного движения в Риге. В 1908 году за участие в работе подпольной типографии приговорен к 12 годам каторги. Умер в Шлиссельбургской тюрьме от туберкулеза.

¹⁵ «Солдат» — газета, выпускавшаяся либавскими большевиками с 1 февраля 1906 года.

¹⁶ О Григории Моисеевиче Муравине см. стр. 269—270.

¹⁷ Строки из революционной песни «Смело, товарищи, в ногу».

¹⁸ Рысс Самуил Яковлевич (1883—1915) — из мещан, студент Киевского политехнического института, эсер-максималист. 10 июля 1908 года осужден на 5 лет каторги. Из Шлиссельбурга направлен больным на поселение в Иркутскую губернию, где и умер от туберкулеза (БС, л. 39).

¹⁹ Локацков Михаил Павлович (1883—1928) — родился в Уфимской губернии, рабочий-металлист. Будучи призванным в армию, в 1904 году стал членом Военной организации РСДРП(б). В июне 1908 года осужден на 6 лет каторги. С 12 декабря 1908 года — в Шлиссельбурге, с 1914 года — на поселении в Иркутской губернии (БС, л. 26). В годы Советской власти работал в партийном и государственном аппарате, избирался членом ЦКК.

²⁰ Нейман Альфред Адольфович (1881—1956) — родился в Ковенской губернии, сын пастора, студент Петербургского университета. С 1903 года — большевик, один из руководителей динамитной школы-мастерской РСДРП в Финляндии. В мае 1907 года был вместе с боевыми товарищами выдан провокатором и после двухлетнего предварительного заключения в Гельсингфорсском смирительном доме и «Крестах» осужден на 6 лет каторжных работ. В 1909 году переведен в Шлиссельбургский централ. «...Осужденный в каторжную тюрьму, — свидетельствует Ф. Н. Петров, — Альфред Нейман продолжал борьбу вместе со многими политическими заключенными, отстаивавшими свое человеческое достоинство, свое право не подвергаться унижительному каторжному режиму. Активность его в этой борьбе привлекала к Альфреду Нейману глубокие симпатии многих товарищей, участников этой настоящей войны с тюремщиками. В годы пребывания в Шлиссельбургской крепости Альфред Нейман много работал над повышением своих знаний. Он занимался математикой, химией, историей, философией, ему удалось прочесть книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которая нелегально была прислана в шлиссельбургскую каторгу. Нейман горячо и даже со страстью отстаивал философские взгляды В. И. Ленина. ...Каторга, кандалы, тюремный гнет не только не сломили волю к революционной борьбе у Альфреда Неймана, но, наоборот, закалили его» (Ф. Н. Петров. Предисловие. В рукописи: Е. Р. Нейман. Страничка из прошлого. Биографический очерк об А. А. Неймане. БП, краеведческий фонд, л. 2). В 1913 году А. А. Нейман был водворен на поселение в Иркутскую губернию. Активно участвовал в Октябрьской революции и гражданской войне. В 1924 году направлен на работу в органы ОГПУ. В течение многих лет работал за границей. В 1939 году по состоянию здоровья перешел на преподавательскую работу. В годы Великой Отечественной войны был пропагандистом в лагерях для немецких военно-

пленных. С 1944 года — персональный пенсионер. За активное участие в первой русской революции посмертно награжден орденом Ленина (там же, л. 135).

²¹ Лишев Николай Викторович (род. в 1886 г.), офицер, военный инженер, участник первой русской революции. В 1907 г. был арестован и в следующем году осужден к 6 годам каторги за принадлежность к Киевской военной организации эсеров. В 1911—1913 годах находился в Шлиссельбургском центральном.

²² Кузнецова (девичья фамилия — Шапир) Мария Сергеевна (партийные псевдонимы «Сестра Маруся», «Маша», «Скорбина») — родилась в 1895 году в Либаве. Дом, в котором она росла, был явкой либавской военной организации РСДРП(б). «Конспиративная квартира моих родителей, — вспоминает М. С. Кузнецова, — рано привела меня к работе в подпольном революционном движении... Семья наша была очень дружной, и мы, дети, глубоко хранили тайну прокламаций и оружия, которые были спрятаны в тихом домике на Луговой» (БП, краеведческий фонд, л. 19). После ареста И. К. Гамбурга и его товарищей 12-летняя Маруся стала связной между либавской организацией большевиков и узниками Либавской тюрьмы. Позднее вела тайную переписку с политическими заключенными Псковского и Шлиссельбургского централов. Преследуемая полицией, в 1913 году эмигрировала в Лондон. Оттуда продолжала переписку с политзаключенными Шлиссельбурга. Работала в библиотеке и столовой лондонской колонии большевиков. После Февральской революции возвратилась в Россию, в Петроград. В 1917 году состояла в партийной организации союза металлистов. После Великой Октябрьской социалистической революции направлена в Одессу с мандатом «члена коллегии по ревизии сейфов бежавшей буржуазии». В последующие годы работала в Народном комиссариате иностранных дел, в ИК Коминтерна, в ВЧК, в иностранном отделе ОГПУ, в советском посольстве в Вене; с 1935 года — в аппарате ЦК МОПР, в годы Великой Отечественной войны работала в госпиталях. В 1942 году лишилась зрения. С 1945 года живет в Риге. Ведет большую воспитательную работу среди комсомольцев и пионеров. С 1936 года является персональной пенсионеркой. В 1964 году партийная общность Риги тепло отметила 50-летие деятельности Марии Сергеевны Кузнецовой в рядах КПСС.

²³ В письме к автору комментариев М. С. Кузнецова вспоминает, что, например, в 1914—1915 годах писала в Шлиссельбург о забастовочном движении в России и за границей (по материалам «Правды»), о численности и основных направлениях деятельности РСДРП(б), о первомайской демонстрации английских рабочих в Гайд-парке (1914 год), о надвигающейся империалистической войне, о решениях Циммервальдской конференции и о других событиях.

²⁴ В. Ф. Гончаров (В. Градский), составивший по поручению своих товарищей список требований к тюремщикам «нового Шлиссельбурга», в 1924 году опубликовал этот список полностью:

1. Немедленная отмена навсегда телесного наказания.
2. Отмена для бессрочно-каторжных ношения ручных кандалов.
3. Немедленное увольнение помощника начальника Любенецкого и тюремного врача Шермана.

4. Отмена обращения администрации с каторжанами на «ты» и введение обязательной вежливости.

5. Отмена снятия шапок перед администрацией по команде.

6. Отмена ответа на приветствие в форме «здравия желаю».

7. Строгое применение закона о расковке окончивших кандалы срок.

8. Применение по закону «скидки» для разряда исправляющихся.

9. Улучшение постановки дела медицинской помощи.

10. Изоляция больных от здоровых в отдельные камеры и высылка туберкулезных в южные тюрьмы.

11. Допущение в библиотеку книг по беллетристике, общественным вопросам и журналов.

12. Увеличение прогулок до одного часа и введение еженедельной бани.

13. Отмена 30-суточного карцера и введение обязательного перевода на четвертые сутки в светлый карцер.

14. Выдача в карцер кандалного ремня, подкандалников, горячей воды и соли. Отопление карцера зимой.

15. Улучшение общей арестантской пищи.

16. Установление особого порциона для больных катаром желудка.

17. Немедленный вызов начальника Главного тюремного управления, если начальник тюрьмы не найдет для себя приемлемым удовлетворение настоящих требований» (В. Градский. Шлиссельбургская каторга. «Былое», 1924, № 27—28, стр. 215).

²⁵ См., например, «Речь», 1912, № 98, стр. 2; «Санкт-Петербургские ведомости», 1912, № 99, стр. 3 и т. д.

²⁶ 25 января 1913 г. Четвертая Государственная дума слушала запрос № 11 об избиениях в каторжных тюрьмах. Больше года спустя в третьем чтении этот запрос был принят Думой с формулой перехода «к очередным делам», указывавшей на неудовлетворенность думского большинства объяснениями правительства. В обстановке начавшейся вскоре империалистической войны помещичье-буржуазное большинство Думы сделало все, чтобы и этот запрос, подобно 143 другим о положении заключенных в царских тюрьмах, был предан забвению.

²⁷ Фамилии участников протеста 1912 года, высланных из Шлиссельбурга, приводит в своих воспоминаниях А. К. Кукобин (см. стр. 147). В уточнение комментируемых слов И. К. Гамбурга следует отметить, что выслали не 14 человек, а 15 и что все «зачинщики» должны были быть высланы именно в Орловский централ.

²⁸ Наряду с огромной волей к жизни и борьбе, проявленной Б. П. Жадановским, начавшийся у него легочный процесс был приостановлен благодаря заботам его сокамерника героя Севастопольского восстания Ивана Письменчука, который с материнской нежностью относился к больному другу и заботился о его питании, проявляя «в этом деле поистине матросскую изобретательность» (И. Вороницын. История одного каторжанина, стр. 174).

²⁹ Бруштейн Александра Яковлевна — родилась в 1884 году в Вильно. Советская писательница. Окончила историко-филологический факультет Бестужевских высших женских курсов. В 1907—1917 годах работала в нелегальной «Группе помощи узникам Шлиссельбурга». После Октябрьской революции была сотрудницей

Петроградского отдела народного образования. В годы гражданской войны состояла лектором фронтового театра политотдела 7-й армии. Пьесы А. Я. Бруштейн для детей и юношества приобрели широкую известность. Писательницей опубликованы книга театральных воспоминаний («Страницы прошлого») и повести для детей («Дорога уходит в даль...», «В рассветный час» и «Весна»), составившие автобиографическую трилогию.

³⁰ Бейлис Менахель-Мендель Тевьевич — родился в 1873 году, мещанин г. Васильчикова Киевской губернии, еврей. 3 августа 1911 года был арестован и привлечен к суду в связи с клеветническим обвинением в том, что он «из побуждений религиозного изуверства для обрядовых целей лишил жизни мальчика Андрея Ющинского, 13 лет». Организованный после двухлетней подготовки процесс над Бейлисом (25 сентября — 28 октября 1913 года) явился ярким выражением погромной политики царизма, направленной на подавление нового подъема революционного движения. Несмотря на прямое давление правительства, подбор лжесвидетелей и подтасовку фактов организаторами процесса, присяжные заседатели своим вердиктом оправдали Бейлиса.

Г. М. Муравин

ПЯТЬ ЛЕТ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

Печатается впервые. Подлинник, датированный 1961 годом, хранится в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости.

Муравин Григорий Моисеевич родился в 1883 году в городе Горки Могилевской губернии в семье служащего. Учился в сельскохозяйственном училище. С 1901 года — член местной организации искровцев. В 1905 году исключен из училища за организацию протеста против расстрела 9 января.

В августе 1905 года в поисках работы уехал в Екатеринослав (Днепропетровск), где примкнул к меньшевистской организации. В октябрьские дни 1905 года участвовал в баррикадных боях екатеринославских рабочих с полицией и казаками. Выполнял ответственные поручения объединенного Екатеринославского комитета РСДРП: принимал участие в организации побега Артема и т. д. После переезда в Самару в 1906 году работал секретарем Самарского комитета РСДРП. «Руководствуясь рекомендацией Заграничного центра РСДРП не уклоняться от военной службы, а идти в казарму, чтобы вести пропаганду среди военных, — пишет Г. М. Муравин, — я в сентябре 1906 года уехал на родину призываться в армию». Солдатом служил в Финляндии. В сентябре 1907 года за принадлежность к Выборгской военной организации РСДРП и революционную пропаганду среди солдат был арестован. В 1908 году по процессу 32 солдат Выборгской крепости приговорен к 10 годам каторжных работ с последующей ссылкой на вечное поселение в Сибирь. Под следствием находился 16 месяцев без выходов на прогулку на гауптвахте и 3 месяца в подземелье Выборгской крепости. Каторжный срок отбывал в Финляндии, Петербургской пересыльной тюрьме, в Псковском и Шлиссельбург-

ском централах. 3 марта 1917 года освобожден Февральской революцией из Иркутской пересыльной тюрьмы. В том же месяце кооптирован в исполком Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов. Принимал участие в работе Второго Всероссийского съезда Советов. В 1918 году был избран членом Архангельского губисполкома и губкомиссаром финансов. В 1919—1920 годах работал в советских и профсоюзных учреждениях в Вологде. В 1922 году опубликовал заявление об идеологическом разрыве с меньшевизмом. В последующие годы активно участвовал в социалистическом строительстве. С 1955 года — персональный пенсионер союзного значения. Живет в Москве.

¹ О декабрьской голодовке 1911 года в Псковском центре см. стр. 257, прим. 1.

² Волкенштейн Людмила Александровна (1857—1906) — видная революционерка 1870—1880-х годов. В 1883 году за участие в покушении на харьковского губернатора Кропоткина была арестована и военно-окружным судом приговорена к смертной казни, замененной при конфирмации приговора 15 годами каторжных работ. Каторгу отбывала в Шлиссельбурге (с октября 1884 года), откуда в 1897 году была отправлена на Сахалин. В 1906 году переехала во Владивосток и продолжала революционную деятельность. В том же году убита полицией при расстреле демонстрации владивостокских рабочих.

³ Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) — генерал-майор царской свиты. В 1896—1905 годах — московский обер-полицмейстер, один из вдохновителей зубатовщины. С 11 мая 1905 года — петербургский генерал-губернатор, с 24 мая того же года — товарищ министра внутренних дел.

⁴ Васильев Виктор — партийная кличка эсера Якова Борисовича Финкельштейна, казненного в Шлиссельбурге 19 сентября 1906 года за террористический акт над генералом Козловым, которого террорист ошибочно принял за Трепова.

⁵ Вместе с А. И. Ульяновым 8 мая 1887 года во дворе Шлиссельбургской крепости были казнены В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин и П. Я. Шевырев.

⁶ Рысс Соломон Яковлевич (партийные клички «Мортимер», «Иван Николаевич») — анархист-«коммунист». Накануне «экспроприации» на Фонарном переулке заявил о том, что Азеф является агентом охраны. Весной 1907 года был арестован в Юрьеве, доставлен в Петербург, а оттуда в Киев и 18 февраля 1908 года казнен.

⁷ Ястржембский Викентий Янович — родился в 1855 году, член Польской социалистической партии, инструктор боевой группы. Осужден 23 июля 1908 года на 8 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 51).

⁸ Богушевич С. К., инженер. Осужден как социалист. В Шлиссельбурге находился с 1914 года. После освобождения из тюрьмы в феврале 1917 года уехал на родину (БС, л. 6).

⁹ Егоров Яков Васильевич — родился в 1883 году, участник революционного движения в царской армии в годы первой русской революции. В 1908 году осужден на 6 лет каторги. В Шлиссельбурге находился с 1911 по 1914 год, затем был отправлен в Сибирь на поселение (БС, л. 14).

¹⁰ Роза Люксембург поддерживала В. И. Ленина в развернутой им борьбе против оппортунизма Каутского, с именем которого связаны «подмена интернационализма мещанским национализмом и переход на сторону реформизма, отречение от революции» (В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. ПСС, т. 37, стр. 292). Однако, решительно отвергая шовинистический лозунг защиты буржуазного правительства, Люксембург противопоставляла ему не призыв превратить империалистическую войну в гражданскую, а защищала «старую истинно-национальную программу патриотов и демократов 1848 года» — «Великогерманскую республику». Таким образом, Люксембург впала, по словам В. И. Ленина, в «чрезвычайно страшную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной ненациональной, войне!» (В. И. Ленин. О брошюре Юниуса. ПСС, т. 30, стр. 10).

¹¹ Гурвич Самуил Маркович — родился в 1888 году, меньшевик, председатель Ростово-Нахичеванского Совета рабочих депутатов в 1905 году. После первого ареста в 1907 году был приговорен (со снижением срока на одну треть по возрасту) к каторжным работам на 2 года и 8 месяцев с последующей ссылкой. В 1910 году бежал из ссылки, был вновь арестован и осужден за побег на 3 года каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 12).

¹² Пьяных Иван Емельянович (1863—1929) — крестьянин деревни Васютино Щигровского уезда Курской губернии. Самоучкой выучился грамоте, приобрел большой авторитет среди крестьян, защищая их интересы. С 1903 года принимал активное участие в революционном движении. Был избран депутатом Второй Государственной думы. Характеризуя отношение революционного крестьянства к помещикам в годы первой русской революции, В. И. Ленин использовал выступление И. Е. Пьяных во Второй думе: «...«крестьяне, сбросьте их» (помещиков) — говорил крестьянин Пьяных (с.-р.)...» (В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. ПСС, т. 16, стр. 372). После разгона Думы И. Е. Пьяных вернулся на родину и возглавил известную в истории первой русской революции Щигровскую крестьянскую республику. В 1907 году И. Е. Пьяных, его дочь и два сына вместе с группой крестьян в 88 человек были арестованы. После двухлетнего предварительного заключения И. Е. Пьяных и его сын Иван по обвинению в противоправительственной агитации, убийстве агента охранного отделения и поджоге помещичьих имений были приговорены к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 1914 года — в Шлиссельбургском центральном, откуда освобожден восставшим народом 28 февраля 1917 года. После Февральской революции был членом Учредительного собрания. Впоследствии по состоянию здоровья перешел на пенсию.

Пьяных Иван Иванович — родился в 1887 году. В 1909 году осужден по делу Щигровского крестьянского союза. Каторгу отбывал в Шлиссельбурге, откуда освобожден в феврале 1917 года (БС, л. 37).

¹³ Сафонов Михаил Владимирович (1878—1937) — активный участник революционного движения с 1899 года, когда принадлежал к группе организаторов политических выступлений студентов

Петербургского университета. В 1906 году примкнул к эсерам-максималистам. В октябре 1906 года арестован в Петербурге по делу о взрыве дачи Столыпина и «экспроприации» в Фонарном переулке. Приговорен к 12 годам каторги. Каторжный срок отбывал в тюрьмах Пскова, Смоленска и до февраля 1917 года в Шлиссельбургском центральном. С 1918 года — член Коммунистической партии (БС, л. 39). В годы Советской власти — видный военный деятель.

¹⁴ Виноградов Павлин Федорович (1890—1918) — рабочий, герой гражданской войны. В 1911 году, будучи рядовым 92-го Печерского полка, по революционным убеждениям отказался от присяги. Военный суд приговорил его к пяти годам каторги. В Шлиссельбургском центральном находился с 1913 по 1916 год. Освобожден Февральской революцией из Александровского централа. В 1917 году участвовал в штурме Зимнего дворца, в 1918 году возглавил оборону Архангельска. 8 сентября 1918 года был смертельно ранен в бою под Шидрово. Именем П. Ф. Виноградова названа главная улица Архангельска.

¹⁵ Имеется в виду сочинение А. Богданова об эмпириомонизме. (См. стр. 242, прим. 6).

¹⁶ Кулаев Семен Петрович — родился в 1887 году в Тамбовской губернии, конторщик. В 1910 году за принадлежность к организации эсеров-максималистов осужден на 6 лет каторги. В Шлиссельбурге находился в 1911—1915 годах, позднее (до Февральской революции) — на поселении в Иркутской губернии (БС, л. 25). В годы Советской власти — член Коммунистической партии.

¹⁷ Малиновский Иосиф Францевич — родился в 1888 году, член ППС. 18 июля 1908 года приговорен за участие в «экспроприации» к смертной казни, замененной при конфирмации приговора бессрочной каторгой. Освобожден из Шлиссельбурга Февральской революцией (БС, л. 28).

¹⁸ Речь идет об убийстве сербскими националистами наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его жены в Сараево — административном центре Боснии и Герцеговины 28 июня 1914 года. Это убийство было использовано австро-германскими и другими империалистами для развязывания первой мировой войны.

¹⁹ Суханов Н. (литературный псевдоним Николая Николаевича Гиммера) — родился в 1882 году, меньшевик, экономист-аграрник. В годы первой мировой войны объявил себя «нефракционным» социал-демократом интернационалистом. Свою позицию отстаивал в качестве одного из редакторов учреждений А. М. Горьким периодических изданий «Летопись» и «Новая жизнь». После Октября работал в советских экономических органах. В 1931 году осужден как руководитель подпольной меньшевистской организации.

²⁰ Жук Иустин Петрович (1887—1919) — крестьянин Киевской губернии. В начале своей революционной деятельности принадлежал к анархистам. 9 июня 1909 года за «сопротивление полиции и покушение на убийство чинов оной» приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Освобожден из Шлиссельбургского централа 28 февраля 1917 года. После освобождения работал на Шлиссельбургском пороховом заводе, где проявил себя видным организатором рабочих. Геройски погиб в Карелии в бою против войск Юденича (БС, л. 15).

²¹ Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник,

с 1892 года — в Отдельном корпусе жандармов, с 1909 года возглавлял контрразведку военного министерства. В декабре 1914 года, обвиненный в шпионаже и мародерстве во время войны, был приговорен военным судом к повешению. Историки не считают обвинения, предъявленные Мясоедову, доказанными.

²² Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — крестьянин села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии. В молодости — конокрад. На 30-м году жизни примкнул к секте «хлыстов», стал «пророчествовать», используя свою «святость» как средство для самого разнузданного разврата. Введенный в семью Романовых ректором Петербургской духовной академии, на протяжении целого десятилетия оказывал существенное влияние на государственную политику Николая II. Близость Распутина к царской семье вызывала возмущение не только в кругах либеральной буржуазии, но и среди монархистов. В декабре 1916 года Распутин был убит в петербургском дворце князя Ф. Юсупова.

²³ Пужак Казимир (1883—1950) — правый деятель партии польских социалистов. В 1906—1917 годах был в заточении в царских тюрьмах. Освобожден из Шлиссельбургского централа Февральской революцией. В 1917 году основал секцию ППС в России. В 1919—1935 годах — депутат польского сейма.

В. Ф. Гончаров

СВЯЗИ С ВОЛЕЙ

Печатается впервые по рукописи, представляющей одну из глав воспоминаний автора «Шлиссельбургская каторга». Подлинник хранится в городской библиотеке г. Петрокрепости. Передан в библиотеку вдовой автора Е. С. Гончаровой. В письме к автору комментариев Е. С. Гончарова датирует рукопись 1936 годом.

Гончаров Василий Федорович (литературные псевдонимы — В. Градский, В. Градов, В. Ф. Г.) родился в 1883 году в деревне Брюхачи Смоленской губернии в семье механика-самоучки, работавшего по найму. После скоропостижной смерти отца, оставившего шестерых детей, В. Ф. Гончаров в 1897 году ушел на заработки в Вязьму и там нанялся ломовым извозчиком. Через год перебрался в Петербург и стал учеником токаря на трубочном заводе «Северного общества» (ныне завод имени М. И. Калинина). Здесь В. Ф. Гончаров был вовлечен в революционную работу. В 1901 году его в первый раз арестовали за сбор денег в пользу бастовавших рабочих фабрики Максвеля (ныне прядильно-ткацкий комбинат «Рабочий»). Вскоре после этого В. Ф. Гончаров вступил в эсеровскую организацию. В 1903 году за распространение листовок был снова арестован, сослан в Пермскую губернию, но бежал из ссылки, вернулся в Петербург и стал профессиональным революционером. Ведал организацией нелегальных библиотек, руководил забастовками, участвовал в разоружении черносотенцев. В 1905 году рабочие трубочного завода избрали его депутатом в Петербургский Совет. В 1906 году В. Ф. Гончаров был арестован

в третий раз и осужден на 15 лет каторжных работ. Каторгу отбывал в Шлиссельбурге, Пскове, Орле и снова на каторжном острове. «В Шлиссельбурге, — вспоминает Г. М. Муравин, — тов. Гончаров много читал и учился, пользуясь книгами и учебниками тюремной библиотеки... В общетюремных протестах Василий Федорович постоянно был: в первых рядах «волынщиков», не однажды выдерживал длительные голодовки... пользовался большим доверием всех политзаключенных — ему доверялось самое сокровенное: «почтовый ящик», «замаскированные книги» и другие большие секреты. Еще на каторге Василий Федорович проявлял склонность к писательству: сочинял стихи и в нелегальном тюремном журнале занимал своими статьями львиную долю листов.

После революции писательский талант Гончарова развернулся...» («Воспоминания Г. М. Муравина», БП, л. 41). В годы Советской власти В. Ф. Гончаров работал в издательствах и в книжной торговле. В 1924—1925 годах опубликовал в журнале «Былое» несколько глав из своих мемуаров о шлиссельбургской каторге. В 1932 году по путевке Г. К. Орджоникидзе перешел в авиационную промышленность, где работал инженером по организации труда. Одновременно продолжал литературную работу. В 1936 году переработал свои воспоминания о Шлиссельбургском центре. В 1950 году за многолетнюю безупречную работу в авиационной промышленности был награжден орденом «Знак Почета». Умер в Москве в 1951 году.

¹ Статья 291 «Общей тюремной инструкции», утвержденной министром юстиции А. Хвостовым 28 декабря 1915 года (а фактически действовавшая с 1912 года; см. ИЦТ, т. 4, стр. 26), гласила: «Каторжным дозволяется переписка лишь с супругами, родителями, детьми и родными братьями и сестрами, как находящимися на свободе, так и содержащимися под стражей, а в особо уважительных случаях, с разрешения начальника мест заключения, и с дальними родственниками, если арестант не имеет более близких родных» («Тюремный вестник», 1916, № 2, приложение, стр. 85).

² «Сообразительностью, — свидетельствует И. П. Вороницын, — шлиссельбургские тюремщики вообще не отличались, и, зачеркивая часто совершенно невинные фразы, они пропускали в письмах... такие, например, места: «До сих пор мне никто не пишет, как поживает маленькая Домна... На днях ее должны были привезти к вам в Питер. Как она вообще чувствует себя? Прорезались ли у нее зубки, говорит ли она что-нибудь? Мне раньше писали, что у нее плохо действует левая ручка... Помнит ли она обо мне и о других дядях?.. Живет ли дядя Петр Столпинский все еще на Кабинетской улице? Мне кажется, что кто-то писал, что он хочет переехать со всей семьей с этой квартиры... Бросил ли дядя Петя пить (вино и др. напитки)?» Всякий, знакомый с политическими обстоятельствами того времени, поймет, что в приведенных отрывках говорится о созыве Думы, о составе и численности левых партий, о предполагавшейся отставке кабинета Столыпина, о приостановке действия военно-полевых судов («пить вино и др. напитки», т. е. кровь), но тюремщики не понимали ни задаваемых вопросов, ни приходивших с воли ответов в том же духе» (И. Вороницын. История одного каторжанина, стр. 113).

³ То есть адресов большевистских депутатов Четвертой Государственной думы.

⁴ Малиновский Роман Вацлавович (1878—1918) — из крестьян, депутат Четвертой Государственной думы, до мая 1914 года — председатель большевистской фракции депутатов, член ЦК РСДРП(б). Одновременно состоял секретным сотрудником департамента полиции, откуда весной 1914 года был уволен, причем ему был выдан заграничный паспорт и годовой оклад жалования (6000 руб.). Уехав за границу, прислал в большевистскую газету «Путь Правды» лживое письмо, в котором объяснял свой уход из Думы тем, будто «парламентские способы борьбы стали для него неприемлемы, а непарламентские невозможны для товарищей». В 1918 году вернулся в Петроград, отдался в руки советского суда и по приговору Верховного трибунала был расстрелян.

⁵ Своей провокаторской деятельностью Малиновский нанес огромный вред партии, революционному рабочему движению. Чтобы понять, почему Малиновский согласился передавать партийные материалы революционным узникам Шлиссельбурга, следует иметь в виду, что охранка в целях сохранения своего ценного сотрудника не запрещала ему «революционную деятельность». Как отмечал В. И. Ленин, махровый провокатор вынужден был участвовать и в борьбе «против оппортунизма меньшевиков», и в воспитании «десятков и десятков тысяч новых большевиков» своей думской деятельностью (В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ПСС, т. 41, стр. 28—29).

⁶ Жена А. А. Неймана Евгения Робертовна Нейман, девичья фамилия — Этер (1887—1965) — была близка социал-демократическому движению с 1904 года. В годы Советской власти учительствовала.

⁷ «Правительственный вестник» — еженедельная газета (выходила в 1896—1917 годах), отражавшая позицию царского правительства. В 1914—1915 годах при газете издавались «Последние известия» с военными телеграммами (утренний и вечерний выпуски).

⁸ «Русский инвалид» — ежедневная официальная газета, близкая военному министерству. Выходила в 1913—1917 годах.

⁹ «Призыв» — еженедельная газета, издававшаяся в Париже с октября 1915 года по март 1917 года. Орган меньшевиков и эсеров.

¹⁰ По-видимому, мемуарист считает Лурье и Ларина разными лицами, между тем как речь идет об одном и том же авторе, в годы мировой войны меньшевике-интернационалисте Михаиле Александровиче Лурье (1882—1932), писавшем и под псевдонимом Ю. Ларин. После июльских дней 1917 года М. А. Лурье вступил в большевистскую партию; впоследствии участвовал в национализации промышленности, организации монополии внешней торговли, разработке рабочего законодательства и др.

¹¹ Циммервальдская конференция — первая международная конференция социалистов. Состоялась в Швейцарии в деревне Циммервальд (близ Берна) в ноябре 1915 года. Упомянутая мемуаристом «резолуция» конференции, по всей вероятности, выработанный представителями 10 делегаций «Манифест Интернациональной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария)». В. И. Ленин отмечал, что итоговый документ конференции «страдает непоследовательностью и недоговоренностью», но что «было

бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед...» (В. И. Ленин. Первый шаг. ПСС, т. 27, стр. 41—42).

¹² Гучков Александр Иванович (1862—1936) — виднейший деятель русской империалистической буржуазии, один из организаторов «Союза 17 октября», защитник контрреволюционной политики Столыпина, в частности «военно-полевой юстиции». В годы первой мировой войны всемерно пытался усилить боеспособность царской армии. При Временном правительстве возглавлял военное министерство. 30 апреля 1917 года вынужден был уйти в отставку. После Великого Октября — организатор контрреволюционных заговоров против Советской республики.

Ф. А. Шавишвили

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Печатается впервые по машинописной копии с автографа, подписанного автором. Подлинник, датированный маем 1964 года, хранится в краеведческом фонде городской библиотеки г. Петрокрепости.

Шавишвили Федор Амбакович родился в 1890 году в Кутаисской губернии в крестьянской семье. В 1904 году приехал в Тбилиси и поступил учеником в одну из частных типографий. «В типографии, — вспоминает Ф. А. Шавишвили, — оказалась подпольная боевая группа большевиков. Они вовлекли меня в нелегальную работу. Выполнял задания старших товарищей, посещал тайные сходки, участвовал в политических демонстрациях, забастовках. В августе 1905 года при расстреле массового митинга рабочих и служащих в здании Тбилисской городской управы я был ранен...» В октябре 1905 года в Ростове принимал участие в вооруженных столкновениях с черносотенными бандами. В 1906—1907 годах входил в боевую дружину на Кубани. Участвовал в террористических актах над видными царскими сановниками. Дважды подвергался аресту, но бежал из-под стражи. В октябре 1907 года на конференции дружинников-боевиков Черноморья, Ставропольщины и Кубани в Екатеринодаре (ныне Краснодар) был арестован в третий раз. После трехлетнего предварительного заключения Кавказским военно-окружным судом приговорен к 15 годам каторжных работ. Из-за несовершеннолетия Ф. А. Шавишвили этот срок был сокращен на одну треть. Каторгу отбывал в Екатеринодаре, Вологде, Харькове и Шлиссельбурге (1915—1917 годы). После освобождения 28 февраля 1917 года из Шлиссельбургской крепости вел политическую работу в Шлиссельбурге на пороховом заводе. В июле 1917 года выехал на родину, где продолжал нелегальную революционную деятельность. В первые месяцы после установления Советской власти в Грузии (1921 год) руководил проведением земельной реформы в родном уезде. В последующие годы работал в органах юстиции Грузинской ССР, в ЦИК, партийной коллегии ЦК компартии республики. В 1940—1962 годах был главным редактором грузин-

ского издательства «Советский писатель». С 1962 года — персональный пенсионер. В связи с 50-летием революции 1905—1907 годов награжден орденом Трудового Красного Знамени. Награжден также медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В настоящее время закончил работу над книгой воспоминаний. Живет в Тбилиси.

¹ О «Крестах» см. стр. 247, прим. 18.

² Ошибочное утверждение. Еще со времен Людовика XIV крепость Бастилия стала тюрьмой для «важнейших государственных преступников». Отметим, например, что в Бастилии дважды (в 1717 и 1726 годах) отбывал заключение Вольтер.

³ Речь идет об особом виде административного ареста или административной ссылки. Точных данных о количестве секретных писем, разосланных в то или другое время, в литературе нет. Что касается царствования Людовика XIV, то есть сведения, что при нем было выпущено до 80 000 подобных приказов.

⁴ Симонович Вениамин Авелевич — родился в 1886 году в Виленской губернии, сапожник. С 1903 года участвовал в революционном движении. В 1907 году за принадлежность к организации анархистов-«коммунистов» был арестован и после трехлетнего предварительного заключения осужден к 8 годам каторги. Освобожден из Шлиссельбургского центра Февральской революцией (БС, л. 45). В 1934 году выпустил книгу воспоминаний «В „новом Шлиссельбурге“».

⁵ Об Иване Сергеевиче Мельникове см. стр. 278—279.

⁶ Уголовный заключенный Чайкин, специальностью которого были по преимуществу церковные кражи, имел в совокупности 43 года каторги. Последней кражей Чайкина было нашумевшее похищение иконы «казанской божьей матери», с которой он снял все драгоценности, а саму икону разрубил и сжег. Петербургский митрополит пытался уговорить арестованного отказаться от своих показаний, дабы, подделав икону, объявить верующим о новом чудесном появлении «святыни», но Чайкин категорически отверг эти предложения и был замучен в 1914 году шлиссельбургскими тюремщиками.

⁷ По-видимому, Соколов Василий Алексеевич. Осужден в апреле 1908 года на 8 лет каторги, которую отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 43).

⁸ Ремизов Михаил Петрович — рабочий-металлист, член РСДРП (большевик). В 1915 году осужден Петроградским военно-окружным судом на 8 лет каторги, которую до Февральской революции отбывал в Шлиссельбурге (БС, л. 38).

⁹ Еленев Михаил Александрович — помещик, земский начальник Ельнинского уезда Смоленской губернии. В 1905 году примкнул к эсерам, в годы реакции — член эсеровской боевой организации во Пскове. Арестован по делу об убийстве тюремщика Бородулина и осужден к 12 (а не к 8, как пишет мемуарист) годам каторги. Умер в Шлиссельбургской тюрьме 15 ноября 1915 года (БС, л. 14).

¹⁰ Мардалейшвили Павел Иосифович — член большевистской партии с 1904 года. Вел революционную работу среди крестьян в Чиагурах, входил в боевую группу, руководимую Камо, продолжал работу в подполье в годы реакции. В 1914 году по обвинению в попытке освободить из тюрьмы политических заключенных был приговорен к бессрочной каторге. Из Шлиссельбургской

крепости освобожден 28 февраля 1917 года. Вернувшись в Грузию, стал военным инструктором Тифлисского комитета РСДРП(б). В марте 1921 года после зверских пыток был заживо сожжен тифлисскими белогвардейцами. Посмертно награжден орденом Красного Знамени Грузии. Именем П. И. Мардалейшвили названы улицы в Кутаиси и Тбилиси.

¹¹ Адодип Аверкий (а не Аркадий, как по ошибке пишет мемуарист) Иванович (1883—1927) — родился в Воронежской губернии, фельдшер. В 1909 году был арестован как эсер-максималист и за «экспроприацию» и хранение взрывчатых веществ осужден на 10 лет каторги. Освобожден из Шлиссельбурга Февральской революцией. После 1917 года — член Коммунистической партии.

¹² Фомичев Тимофей Иванович (1889—1918) — родился в Херсонской губернии в крестьянской семье. В начале революционной деятельности — анархист-«коммунист», после 1917 года — большевик. В апреле 1910 года осужден на 10 лет каторжных работ и заточен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден из Шлиссельбургского централа 28 февраля 1917 года (БС, л. 48). Погиб Т. И. Фомичев не под Петроградом, как утверждает мемуарист, а на врангелевском фронте.

¹³ Об истории появления манифеста В. И. Ленина «Война и российская социал-демократия» на «каторжном острове» см. стр. 249, прим. 45.

¹⁴ Этот снимок («Группа шлиссельбуржцев, освобожденных 28 февраля 1917 г.») сохранился в краеведческом фонде библиотеки г. Петрокрепости.

И. С. Мельников

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРГИ

Впервые опубликовано в 1931 году (см.: Ив. Мельников. Последние дни Шлиссельбурга. М., Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев). Для настоящего издания И. С. Мельников заново отредактировал свои воспоминания. Подлинник хранится в краеведческом фонде городской библиотеки г. Петрокрепости.

Мельников Иван Сергеевич родился в 1893 году в Тульской губернии. Накануне первой мировой войны вел в родном селе Мясиново и в Белевском уезде Тульской губернии активную агитацию против правительства. Во время мобилизации отказался идти на призывной пункт по идейным мотивам, заявив, что «считает для себя позором носить мундир солдата царской армии». В 1914 году Петроградским военно-окружным судом был приговорен к 8 годам каторги. В Шлиссельбурге находился с начала 1915 года по 28 февраля 1917 года. После Великой Октябрьской социалистической революции свыше 45 лет отдал трудовому воспитанию детей и подготовке кадров учителей по труду. В 1957—1965 годах преподавал методику трудового обучения в Московском областном педагогическом институте имени Н. К. Крупской. И. С. Мельникову присвоено звание отличника народного просвещения Российской Феде-

рации. С 1965 года И. С. Мельников — персональный пенсионер. Живет в Москве.

¹ Распутин был убит князем Ф. Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем и черносотенным депутатом Государственной думы В. Пуришкевичем 17 декабря 1916 года. Замечание мемуариста о смерти «старца» как о роковой грани в истории самодержавия, несомненно, преувеличивает значение Распутина. В действительности его влияние могло быть успешным только потому, что отвечало сокровенным чаяниям тех «мастодонтов и ихтиозавров» придворной камарильи, которые «обыкновенно выбиваются из всех сил, чтобы, пользуясь своим придворным всемогуществом, захватить в свое полное и безраздельное владение и официальное правительство — кабинет министров» (В. И. Ленин. Третья Дума. ПСС, т. 16, стр. 140—141). Их сопротивление было сломлено массовыми революционными действиями пролетариата в восьмидневном вооруженном восстании 23 февраля — 2 марта 1917 года.

² О братьях Колосовских см. стр. 255, 260.

³ Речь идет о роскошном офицозном издании «Трехсотлетие (1613—1913) дома Романовых. Исторические очерки с 124 иллюстрациями». Изд. товарищества А. М. Остроумова. Москва (без указ. года).

⁴ По-видимому, автор имеет в виду статьи В. Г. Короленко против смертной казни и разгула царской военно-полевой юстиции. 8 ноября 1914 года В. Г. Короленко писал дочери:

«...Цензура запретила «Бытовое явление», «Черты военного правосудия», «Дело Глускера», «О свободе печати» и судебную речь по поводу последней статьи. Можно сказать, что из моей публицистики вынули душу» (В. Г. Короленко. Собрание сочинений в десяти томах, т. 9. М., ГИХЛ, 1955, стр. 755—756).

⁵ Чураков Алексей Андрианович — родился в 1877 году, рабочий-модельщик. Член РСДРП, позднее — эсер-максималист. В мае 1910 года за участие в «экспроприациях» приговорен к смертной казни, замененной 10 годами каторги. В Шлиссельбургском центре находился с 1912 года. Освобожден 28 февраля 1917 года. В 1920-х годах был исключен из Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльпоселенцев, поскольку выяснилось, что он подавал из тюрьмы прошение царю о помиловании (БС, л. 49).

⁶ И. С. Мельников ошибся в имени Дорофеева. Георгий Степанович Дорофеев родился в 1880 году в Орловской губернии в крестьянской семье. Призванный в армию, служил минно-машинным квартирмейстером дивизии Черноморского флота. По делу о Севастопольском восстании осужден «за мятежное сопротивление властям и грабеж казенного имущества» на 20 лет каторги. В Шлиссельбурге находился с 29 декабря 1906 года по 28 февраля 1917 года.

⁷ Никитин Иван Никитич — родился в 1888 году в Воронежской губернии в семье батрака, рабочий. 18 июля 1910 года за участие в убийстве городского приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги, которую в течение шести с лишним лет отбывал в Шлиссельбурге.

⁸ Уместно отметить несостоятельность приведенной аналогии второй русской революции с революцией XVIII века во Франции. И по объективному содержанию, и по своим движущим силам Февральская революция 1917 года в России коренным образом

отличалась от буржуазных революций XVII—XIX веков в Западной Европе.

⁹ Грубая ложь тюремщика. Ворота Шлиссельбургского центра были открыты без какого-либо участия Временного комитета Государственной думы. Узники тюрьмы были освобождены восставшими рабочими Шлиссельбурга.

¹⁰ В действительности обманутые эсеро-меньшевистскими лидерами депутаты Петроградского Совета санкционировали образование буржуазного Временного правительства только 2 марта.

¹¹ В тот же день на митинге рабочих порохового завода Иустин Жук говорил: «Не надо строить иллюзий. Буржуазия без боя не сдаст своих позиций. Нам придется пролить немало крови, прежде чем мы укрепим за собой политическую власть». По выходе из Шлиссельбурга И. П. Жук стал признанным вожакom шлиссельбургских рабочих. Принял активное участие в Октябрьской революции. В первые месяцы Советской власти И. П. Жук реализовал на Шлиссельбургском пороховом заводе свои проект производства винного сахара из древесины. Уже после героической гибели И. П. Жука на Карельском фронте В. И. Ленин запрашивал Петросовет: «Говорят, Жук (убитый) делал сахар из опилок?»

Правда это? Если правда, надо обязательно *найти его помощников*, дабы продолжить дело. *Важность гигантская*» (В. И. Ленин. ПСС, т. 51, стр. 74). Ныне промышленное гидролизное производство сахара налажено на Канском гидролизном заводе.

¹² В «Списке освобожденных (из Шлиссельбургской тюрьмы.— Ю. М.), поступивших работать на Шлиссельбургский пороховой завод», значатся 109 человек (БП. Материалы по ликвидации Шлиссельбургской каторжной тюрьмы на острове Ореховом в 1917 году. Переданы в краеведческий фонд в 1959 году Ф. А. Шавишвили, лл. 15—18).

¹³ Член Ревкома Шлиссельбурга Иван Никитич Никитин вспоминает о заседании, на котором было принято вопреки противодействию контрреволюционного Временного правительства это постановление: «Остановились на том, что... тюрьму надо сжечь. Каким-то путем в Петрограде об этом немедленно узнали. Получаем оттуда телеграмму Чхеидзе: «Прежнюю тюрьму сжигать не разрешаю. Она должна остаться как исторический памятник». Насколько память не изменяет, до получения телеграммы мнения расходились: кто говорил, что надо сжигать, а кто был против. С получением же телеграммы сразу решили — тюрьму сжечь» (ГАОРСС ЛО, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 105). В действительности в адрес шлиссельбургских рабочих были направлены не одна, а две телеграммы — от Чхеидзе и от Керенского, пытавшихся удержать их от революционных действий. А. И. Вересову недавно удалось обнаружить подлинники обеих телеграмм (А. Вересов. Шлиссельбургские повести. Лениздат, 1965, стр. 320—321).

¹⁴ «Что касается тюремного архива, — вспоминал И. Н. Никитин, — то дела решили уничтожить, так как ни у кого не было уверенности, что не арестуют вновь» (ГАОРСС ЛО, ф. 507, оп. 1, д. 11, л. 105).

¹⁵ В «Ликвидационной комиссии освобожденных шлиссельбургцев», по свидетельству ее казначея Ф. А. Шавишвили, были составлены описи «вещей и материалов», переданных для рабочих Шлиссельбургского порохового завода, а также сданных в «лавку общества потребителей» и розданных местному населению. (Копии этих списков см. в «Материалах по ликвидации Шлиссельбургской каторжной тюрьмы на острове Ореховом», лл. 7—10.)

¹⁶ Палаческие заслуги Зимберга перед русской контрреволюцией не были, однако, забыты Временным правительством: летом 1917 года бывший начальник «Острова мертвых» был выпущен из тюрьмы и бежал за границу. Дальнейшая судьба его неизвестна.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ВОСПОМИНАНИЙ О «НОВОМ ШЛИССЕЛЬБУРГЕ» (1907 — 1917 гг.)

- «Вместо венка на могилу павших». Сборник, посвященный памяти павших на защите подступов Красного Петрограда от белых банд 18 октября — 5 ноября 1919 года. Шлиссельбургский завод, 1922.
- И. П. Вороницын. Из мрака каторги. Харків, 1922.
- А. Н. Рябинин. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911). Госиздат, 1922.
- И. И. Гепкин. По тюрьмам и этапам. Пгр., 1922.
- А. Кукобин. Протест в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. В книге: «Из эпохи борьбы с царизмом». Сб. (2), Киев, 1924.
- В. Градский. Шлиссельбургская каторга. «Былое», 1924, № 25, 26, 27/28; 1925, № 29/30, 31.
- И. П. Вороницын. Первое мая в Шлиссельбурге. В книге: «Первое мая в тюрьме и ссылке». М., 1926.
- И. П. Вороницын. История одного каторжанина. М.—Л., 1926.
- Н. Н. Билибин. История одного протеста. (Памяти В. О Лихтенштадта.) «Каторга и ссылка», 1925, т. XVIII.
- В. Румянцев. В Шлиссельбургской крепости в 1917 г. (Воспоминания.) «Красная летопись», М.—Л., 1927, № 1.
- В. К. Воробьев. Я вспоминаю. М.—Л., 1927.
- Г. Ивашенко. Освобождение из Шлиссельбургской тюрьмы. В сборнике: «На волю!». М., 1927.
- В. Румянцев. Товарищи пришли! (Воспоминания об освобождении из Шлиссельбурга.) В сборнике: «На волю!». М., 1927.
- В. Симопович. Из Шлиссельбургской крепости на волю. (Воспоминания об освобождении.) В сборнике: «На волю!». М., 1927.

- Г. М. Кофф. Когда сбили оковы. «Капдальный звон», Одесса, 1927, № 7.
- И. Мельников. По требованию народа. (Из воспоминаний о Шлиссельбурге.) В сборнике: «Девятый вал», 1927.
- И. И. Генкин. Среди политкаторжан. М., 1930.
- И. Мельников. Последние дни Шлиссельбурга. М., 1931.
- Н. М. Ростов. За той стеной. Повесть о минувшем. М., 1934.
- Ф. А. Шавишвили. Последний день Шлиссельбургской крепости. «Литературная Грузия», 1957, № 3.
- Ф. Н. Петров. 65 лет в рядах ленинской партии. (Воспоминания.) Госполитиздат, 1962.
- Александра Бруштейн. Вечерние огни. М., 1963.
- И. К. Гамбург. Так это было... (Воспоминания.) М., 1965.
- И. Мельников. Последние дни Шлиссельбурга. «Наука и жизнь», 1966, № 5.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(курсивом отмечены страницы, содержащие биографические сведения о данном лице, а также имена литературных персонажей)

- Аболин И. Д. 151, 265
Аввакумов А. 208
Адодин А. И. 203, 204, 278
Азеф Е. Ф. 97, 173, 231, 251—252
Аксельрод Л. И. 60, 242
Аксенов К., уголовный 39, 233
Александр II 6, 51, 228, 266
Александр III 6
Алеша см. Чураков А.
Алтунов 162
Андерсон Ж. А. 143, 262
Андреев Л. И. 244
Андрюшкин П. И. 270
Анна Иоанновна 116, 257
Анохин П. Ф. 233
Антопенко П. Г. 231
Антоша см. Мазин А. М.
Арбузов, жандарм. генерал 58
Арпан П. И. 261
Аристова А. А. 261
Аронович Я. С. 40, 48—50, 53, 54, 233
Арте́м 269
Аснин С. 206
Ауре Р. К. 233
Ашенбреннер М. Ю. 151, 265
Байрон Д. 30, 155
Баканов Ф. Я. 59, 241
Бакунин М. А. 118, 257
Балмашев С. В. 7, 118, 127, 258
Барышев М. С. 128, 259
Бах А. 81, 249
Бейлис М. Т. 165, 269
Беленький Д. М. см. Ростов П.
Белинский В. Г. 251
Бенуа А. И. 17
Бердяев П. А. 242
Бернштейн И. см. Понов П. И.
Бернштейн Э. 79, 248
Бестужев М. А. 6
Бестужев П. А. 6, 118, 151, 258
Бибергаль 133
Билибин П. И. 123, 147, 258—259, 283
Бирон Э. 116, 258
Богданов, уголовный 249

Богданов А. 60, 61, 81, 82, 179,
180, 242, 248

Богданов-Бельский И. И. 17

Боголепов Н. П. 231

Богров Д. Г. 264

Богучарский В. Я. 244

Богушевич С. К. 174, 185, 270

Бодлер Ш. 100, 253

Бокин, комендант крепости 117

Бонапарт Луи 250

Бонч-Бруевич В. Д. 135, 261

Борис см. Жаdanовский Б. П.

Бородулин, тюремщик 277

Браудо Л. И. 246, 260

Бруштейн А. Я. 10, 16—18, 162,
246, 260, 261, 268—269, 283

Будин Л. 81, 82, 249

Бузинный А. А. 199

Бурков И. 147, 263

Бутин Д. 240

В. Ф. Г. см. Гончаров В. Ф.

Вандервельде Э. 79, 248

Васильев Виктор см. Финкель-
штейн Я. Б.

Вейнингер О. 100

Вересов А. И. 10, 18, 262, 280

Виллен Р. 259

Виноградов П. Ф. 10, 178, 179,
185, 186, 272

Владимир Ильич см. Ленин В. И.

Владимир Осипович см. Лихтен-
штадт В. О.

Власов, вахмистр 49

Власов 32

Волкенштейн Л. А. 6, 69, 270

Володя см. Лихтенштадт В. О.

Вольтер Ф. 277

Воробьев В. К. 233, 282

Вороницын И. П. 10, 14, 15, 35,
47, 49, 50, 52, 56, 58, 88—105,
123, 128, 154, 167, 174, 178, 180,
182, 185, 196, 232, 234, 236, 239,

250—251, 253, 268, 274, 282

Вороницына Е. И. 239

Воронова М. П. 98, 252

Гамбург И. К. 9, 10, 13, 15, 18,
149—167, 169, 170, 174, 176—
178, 233, 263—264, 266, 268,
283

Гамлет 72

Гегель Г. 31, 229

Геллер П. И. 17

Гельвеций 251

Генералов В. Д. 270

Генкин И. И. 49, 52, 236, 238,
240, 257, 283

Герасимова Ю. И. 232

Гернет М. Н. 10—13, 16, 225,
228, 260, 261

Герцен А. И. 30, 33, 230, 250,
257

Гершкович Л. Л. 49, 238

Гершуни Г. А. 34, 231

Гессен С. Я. 225, 232, 248

Гете И. 30, 78, 79, 81, 82, 160,
247

Гладков А. И. 232

Глузман А. М. 118

Глускер 279

Гоголь Н. В. 243

Гончаров В. Ф. 8, 10, 12, 14,
189—196, 246, 252, 262, 267—
268, 274—275, 283

Гончарова Е. С. 18

Голубев 172

Голубинский Е. Е. 129

Гордов, нач. Смоленской тюрь-
мы 165

Горький А. М. 184, 247, 259, 272

Градов см. Гончаров В. Ф.

Градский В. см. Гончаров В. Ф.

Гранат А. 179, 259

Гранат И. 179, 259

Грибоедов А. С. 253

- Гросман М. Л. см. Лихтенштадт М. Л.
- Грюнштейн К. И. 45, 47—51, 54, 56—58, 236, 240
- Гудема, тюремщик 190, 214—216
- Гурамов И. В., тюремщик 91, 96, 98, 251, 256
- Гуревич С. М. 178, 271
- Гусейнов см. Орджоникидзе Г. К.
- Гучков А. И. 196, 276
- Даль В. И. 76, 102, 247
- Декарт Р. 61, 242
- Демидов Е., уголовный 99, 233
- Дергачев, надзиратель 175
- Детлов Э. П. 233
- Диккенс Ч. 155
- Дмитрий Павлович, вел. кн. 279
- Долгорукие 116, 257
- Долгорукий В. Л. 257
- Домна 274
- Дорофеев Г. С. 211, 212, 279
- Дорофеев Т. см. Дорофеев Г. С.
- Достоевский Ф. М. 203, 247
- Дронов-Соловьев А. М. 47, 48, 238
- Друганов Б. Ф. 56, 240
- Дубровин И. Ф. 232
- Егоров Я. В. 174, 175, 270
- Екатерина II 257
- Еленев М. А. 203, 277
- Елизавета Петровна 117
- Есипов Г. 257
- Жадановский Б. П. 10, 23, 24, 29, 37, 40, 49, 51, 53, 55, 93, 101, 122, 123, 147, 160, 180, 229
- Жданов 29
- Железнов В. Я. 8, 82, 248
- Жорес Ж. 129, 259
- Жук И. И. 10, 186, 199, 205, 206, 220, 222, 255, 272, 280
- Жуков Н. Н. 107, 109, 110, 255
- Закгейм М. Д. 10, 136, 178, 261
- Захаров С. И. см. Семенчиков Р. М.
- Звирбулис Л. 151, 238, 267
- Звягина-Лихтенштадт М. М. 70, 72, 77, 80, 246
- Земляника 243
- Земмель, адвокат 48
- Зилоти А. И. 17
- Зимберг В. И., нач. Шлиссельбургского централа 9, 26, 47, 89, 90, 92, 104, 107, 109, 110, 111, 114, 120, 137, 152, 156, 159, 169, 171, 175, 176, 187, 196, 210, 214, 222, 224, 243
- Зингис 57, 90, 237
- Иван VI Антонович 116, 118, 145, 170, 257
- Иван Петрович см. Вороницын И. П.
- Иващенко Г. 282
- «Иваны» 109, 256
- Иисус 51
- Ильин Н. Н. 233
- Ильина 261
- Ильич см. Ленин В. И.
- Ильмас В. Я. 10, 15, 18, 106—112, 254
- Имханицкий И. С. 233
- Ионов Н. И. 123, 147, 258
- Иосиф Карлович см. Гамбург И. К.
- Иудушка см. Стефанович
- Калашников В. И. 166, 233
- Калашников Д. 53, 240

- Калашников Ф. В. 13, 46, 53, 110, 237
 Калинин М. И. 273
 Каляев И. П. 118, 258
 Канатчикова В. Р. 18
 Кани П. Я. 236
 Кант И. 230
 Канторович Н. Л. 42, 48—51, 56, 90, 95, 204, 205, 234
 Каплан Я. М. 17, 247, 261
 Каразин В. Н. 6
 Кареев Н. И. 80, 81, 248
 Карл, король Швеции 72
 Карлович П. В. 34, 46, 231, 237
 Каутский К. 81, 82, 176, 271
 Качалов В. И. 17
 Керенский А. Ф. 280
 Кириллов 47, 57, 238
 Киршенштейн Я. 49, 56, 241
 Клименко-Чекмарев В. И. 233
 Клинке-Лалаянц см. Лалаянц И. Х.
 Ключевский В. О. 77, 248
 Книппер-Чехова О. Л. 17
 Князь см. Гурамов И. В.
 Коган Н. М. см. Ростов Н.
 Козлов, генерал 270
 Колосовская 133
 Колосовский Валентин В. 107, 138, 255
 Колосовский Виктор В. 10, 15, 56, 107, 132—139, 210, 212, 260, 261
 Колчак А. В. 227
 Кононов М. И. 80—82, 248
 Конопляникова З. В. 7, 118, 127, 170, 258
 Конуп А. Х. 8, 34, 47, 110, 123, 147, 232
 Кораблев Ю. И. 10, 232, 233, 236
 Короленко В. Г. 244, 256, 264, 265, 279
 Коротков И. Я. 147, 263
 Котов, надзиратель 111
 Кофф Г. М. 283
 Кох 56
 Красиков П. А. 260
 Краснобродский А. 40, 46, 54, 55, 205, 234
 Краузе П. 233
 Крсчетов Ф. В. 6
 Крживицкий 81, 83, 249
 Кристина, королева Швеции 246
 Критские 6
 Кропоткин, губернатор 270
 Кругликов А. Н. 53, 240
 Кругликова 133
 Круглой И. 117, 257
 Крупская П. К. 278
 Кузнецова М. С. 13, 18, 157, 158, 176, 177, 267
 Кукобин А. К. 10, 15, 140—147, 262, 268
 Кулаев С. П. 180, 181, 272
 Купченко Е. Ф. 147, 263
 Курлов П. Г. 40, 53, 102, 234, 240
 Курочкин Г. 147, 263
 Кустодиев Б. М. 17,
 Кюхельбекер В. К. 6, 151, 265
 Лалаянц И. Х. 42, 233, 234, 245
 Лансере Е. Е. 17
 Ларин Ю. см. Лурье М. А.
 Лацис Я. 235
 Левтонов В. П. 9, 12, 136, 261—262
 Левтонова М. А. 18
 Лейбниц Г. 230
 Ленин В. И. 5, 7, 9, 13, 14, 15, 25, 30, 32, 161, 179, 180, 193, 204, 208, 225, 230, 232, 233, 235, 242—244, 250, 251, 253, 257, 259, 264, 266, 267, 271, 275, 276, 277, 280

- Лермонтов М. Ю. 203
 Лесгафт П. Ф. 21
 Летурно Ш. 82, 249
 Лихтенштадт В. О. 10, 13, 15, 18, 25, 36, 37, 40, 70—87, 100, 101, 123, 124, 128, 133, 138, 154, 159, 160, 161, 162, 174, 177, 179, 181, 182, 183—185, 187, 196, 199, 201, 206, 209, 210, 213, 216, 217, 220, 221, 222, 245, 247, 250, 253
 Лихтенштадт М. Л. 16, 38, 70—87, 128, 133, 160, 161—163, 179, 183, 210, 246, 247, 261
 Лишев Н. В. 155, 267
 Локацков М. П. 155, 233, 243, 266
 Лукасиньский В. 6, 117
 Лукс К. Я. 143, 144, 147, 262
 Луначарский А. В. 61, 242
 Лурье М. А. 196, 275
 Лучинский Н. Ф. 27, 122, 229
 Любенецкий, тюремн. инспектор 121, 122, 158, 268
 Людовик XIV 199, 277
 Люксембург Р. 176, 271

 Мазин А. М. 47, 50, 52, 98, 237, 239, 240
 Маклаков, уголовный 47, 238
 Маковский И. И. 146, 263
 Масквель 273
 Малашкин В. Д. 133, 137, 178, 195, 206, 213, 217, 220, 260
 Малиновский И. Ф. 183, 272
 Малиновский Р. В. 192, 193, 275
 Манкевич А. 107, 254
 Марголин Р. З. 51
 Марголина С. З. 260
 Мардалейшвили 203, 206, 233, 277—278
 Марина Львовна см. Лихтенштадт М. Л.
 Марк см. Семенчиков Р. М.
 Маркс А. 79
 Маркс К. 32, 230, 243, 250, 253, 257
 Мартинсон 182
 Мартов Л. 250
 Маруся см. Звягина-Лихтенштадт М. М.
 Маслов П. П. 81, 212, 250
 Мах Э. 100
 Мельников И. С. 15, 166, 199, 209—224, 278—279, 283
 Мельников М. М. 34, 231
 Менделеев Д. И. 22
 Меринг Ф. 81, 82, 249
 Метерлинк М. 81, 249
 Мещеряков В. Н. 233
 Милль Д. 82, 249
 Мин Г. А. 258
 Мирбах, вице-губернатор 46, 54, 103, 104
 Мирович В. Я. 116, 257
 Миша см. Кононов М. И.
 Молодов А. В. 48, 58, 91, 238
 Морган Л. 81, 249
 Морозов Н. А. 21, 22, 151, 169, 228, 229, 245
 Мортимер см. Рысс Соломон Я.
 Муравин Г. М. 10, 13, 15, 18, 77, 153, 158, 166—188, 241, 248, 266, 269—270, 275
 Мутер 180
 Мюллер И. П. 233
 Мясоедов С. Н. 187, 272—273

 Нансен Ф. 110, 255—256, 257
 Наполеон 250
 Наумов Я. З. 151, 266
 Начальник см. Зимберг В. И.
 Нейман А. А. 155, 156, 174, 185, 195, 233, 266—267
 Нейман Е. Р. 195, 266, 275
 Неман Мария см. Нейман Е. Р.

Пекрасов И. А. 147, 263
Пикандров, надзиратель 107
Пикитин И. Н. 213, 279, 280
Пиколаев А. Н. 233
Пиколай II 8, 98, 118, 205, 209,
216, 217, 258, 264, 273
Пиколай Николаевич, всл. кн.
263
Новиков Н. И. 6
Новорусский М. В. 228
Новых Г. Е. см. Распутин Г. Е.

Обломов 75
Оболеникий, кн. 205
О'Бриен де Ласси, уголовный
139, 201, 251
Олейничук С. 6
Орджоникидзе Г. К. 9, 10, 13,
14, 17, 19, 25, 81, 84, 126, 127,
130, 161, 162, 174, 178, 180—
182, 185, 192, 193, 200, 203,
204, 226, 233, 245, 249, 275
Орджоникидзе З. Г. 13, 226
Орлов, уголовный 108, 110, 201,
255
Ортодокс см. Аксельрод Л. И.
Осипанов В. С. 270
Остроумов А. М. 279

Павленков Ф. Ф. 43, 234
Паслов, уголовный 27, 238
Пауль Я. К. 233
Пелезнев, надзиратель 186, 187
Петр I 26, 116
Петр III 257
Петров Ф. Н. 9, 10, 15, 17, 20—
33, 56, 110, 122, 124, 154, 162,
167, 174, 177, 178, 180, 182,
185, 226, 227, 230, 233, 243,
264, 266, 283
Письменчук И. В. 8, 34, 48, 52,
55, 57, 124, 232
Плеве В. К. 231

Плеханов Г. В. 82, 180, 196, 242
Поджио И. В. 6
Познер Е. В. 261
Познер О. С. 261
Покровский М. Н. 128, 129, 259
Потапов, надзиратель 40, 205
Потресов А. Н. 250
Прибылева Р. Л. 245
Пришвин М. М. 244
Прудкой М. В. 8, 50, 55, 56, 88,
239

Пугавко С. А. 176
Пужак К. 188, 273
Пумпянская 133
Пуришкевич В. М. 279
Пушкин А. С. 30, 203
Пушин И. И. 6
Пьяных И. Е. 178, 185, 187, 200,
271
Пьяных И. И. 16, 178, 271
Пьяных Н. И. 16

Р. С. см. Семенчиков Р. М.
Разин 95
Распутин Г. Е. 187, 209, 274, 279
Рахметов 32
Ребане, надзиратель 97
Рейнфельд К. Я. 143, 262—263
Ремизов М. П. 202, 208, 277
Романов С. М. 50, 54, 93, 239
Романовы, династия (см. также
по именам) 126, 210, 211, 222,
279
Ростов Н. 10, 15, 113—131, 154,
180—181, 256, 264, 266, 283
Рубинштейн Л. Н. 10, 15, 45—
57, 59, 88, 232, 233, 235, 239—
240, 243
Руванцев-Тюпалов К. Ф. 98, 99,
253
Румянцев В. Д. 233, 282, 283
Рысс М. А. 173, 261
Рысс Самуил Я. 154, 266

Рысс Соломон Я. 172, 173, 270
Рябинин А. П. 241, 243, 244, 245

С., анархист 99

Савченко, ст. надзиратель 214

Садовский П. М. 17

Сазонов Е. С. 34, 231

Самойлов Ф. Н. 249

Сафонов М. В. 10, 12, 178, 179,
187, 199, 271—272

Секриер И. И. 45, 56, 236

Селицкий В. Н. 233

Семевский В. И. 118, 258

Семенчиков Р. М. 10, 12, 15, 48,
50, 51, 53, 54, 58, 69, 233,
240—241, 242, 245

Сементовский, тюремн. инспек-
тор 103

Сергеев, надзиратель 162

Серго см. Орджоникидзе Г. К.

Серебряков, пом. нач. Астрахан-
ской тюрьмы 234

Серов В. А. 17

Сидоров, жандарм 68

Сидоров Сергей 168, 169

Сикорский С. В. 34, 231

Симоненко Н. С. 47, 54, 59, 60,
110, 237

Симонович В. А. 10, 199, 232,
263, 277, 283

Сипягин Д. С. 231, 258

Скуя А. К. 45, 46, 49, 52—54,
57, 58, 59, 236

Сметанников Михаил 47, 237

Сно Е. 256

Сойкин П. П. 261

Соколов В. А. 201, 202, 233, 277

Соловьев В. С. 71, 246

Сологуб Ф. 251

Сперанский Б. Ф. 41, 48, 49, 53,
102, 233

Спиноза 230

Станиславский К. С. 17

Степанов-Скворцов И. И. 248

Стефанович, надзиратель 186

Столыпин П. А. 99, 154, 245,
252—253, 261, 263, 272, 274

Странда К. С. 233

Струве П. Б. 242, 251

Суханов Н. 184, 272

Сухоруков А. И. 127, 180, 181,
206, 259

Тамара см. Аронович Я. С.

Терентьева Н. А. 261

Тер-Оганесов С. М. см. Рома-
нов С. М.

Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф.

Тимофеев Н. Т. 233

Тимошечкин В. 147, 263

Толстой Л. Н. 30, 71, 150, 244,
264

Трепов Д. Ф. 170, 270

Трилиссер Д. А. 9—11, 14, 22,
34—44, 80, 230, 233

Трилиссер М. А. 9, 22, 77, 78,
154, 185, 228—229, 233, 243,
248

Туган-Барановский М. И. 82, 249

Тургенев И. С. 30

Уайльд О. 155

Ульянов А. И. 7, 151, 170, 270

Ульянов В. И. см. Ленин В. И.

Фауст 32

Федосеев Н. Е. 234

Фельдман М. 46, 53, 57, 236

Фигнер В. Н. 8, 128, 151, 265

Финкельштейн Я. Б. 170, 270

Фирсов, жандарм 194

Фишер К. 30, 31, 230

Фламмарин К. 32, 230

Фомичев Т. И. 204, 278

Фохт О. М. 261

Франц-Фердинанд, принц 272

Фроленко М. Ф. 7, 151, 170, 265
Фрунзе М. В. 177, 264

Хвостов А. Н. 274
Ходотов Н. Н. 17
Ходяков Ф. И. 107, 254—255
Хрулев С. С. 263

Цедзинский И. 46, 47, 53, 54, 237
Циома З. С. 8, 48, 50—52, 58,
123, 147, 160, 238, 239

Чайкин, уголовный 201, 277
Частник С. П. 232
Черлениовский П. И., нач.
Псковской тюрьмы 264, 265
Чернов В. М. 82, 249
Чехов А. П. 217
Чупров А. И. 31, 32, 81, 230,
248
Чураков А. А. 212, 279
Чхендзе Н. С. 281

Шавишвили Ф. А. 10, 15, 197—
208, 221, 233, 276—277, 280—
283

Шапир Маруся см. Кузнецова М. С.
Шарапа К. Е. 50, 55, 56, 199,
239

Шевырев П. Я. 270

Шекспир 72, 202

Шенсон М. Д. 147, 263

Шергунд 29

Шерер, нач. Астраханской тюрьмы 234

Шерман, тюремный врач 29, 121,
267

Шессер Ю. 235

Шмидеберг 46, 50, 52, 55, 237

Шмидт В. 147, 170

Шмидт К. см. Штирнер М.

Шмидт П. П. 231, 232

Штейн Я. М. 233

Штирнер М. 101, 253

Штрикунов И. И. 49, 55, 199,
208, 232

Щегловитов И. Г. 46, 237

Эйхгольц Е. Р. 27, 28, 129, 163,
164, 165, 181, 182, 221, 235

Энгельгардт М. К. 43, 176, 235

Энгельс Ф. 81, 230, 244, 250, 253,
257

Этер Е. Р. см. Нейман Е. Р.

Эрнест см. Грюнштейн К. И.

Юденич Н. Н. 160, 231, 245, 255

Юниус см. Люксембург Р.

Юрчевская Л. А. 18

Юсупов Ф. 273, 279

Ющинский А. 269

Яковлев А. А. 56, 107, 240

Яницкий Н. Ф. 18

Ярковский И. О. 69, 245

Ястржембский В. Я. 174, 180,
270

Ясунинские 241

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Г. К. Орджоникидзе.</i> «Друг, мужайся! День настанет!..» . . .	19
<i>Ф. Н. Петров.</i> В Шлиссельбургской крепости	20
<i>Д. А. Трилиссер.</i> «Новый Шлиссельбург»	34
<i>Л. Н. Рубинштейн.</i> Дневник каторжанина	45
<i>Р. М. Семенчиков (С. Захаров).</i> Моя тетрадь	58
<i>В. О. Лихтенштадт.</i> Из дневника и писем (1908 — 1917 гг.) .	70
<i>И. П. Вороницын.</i> Шлиссельбургская каторга (1908—1909 гг.)	88
<i>В. Я. Ильмас.</i> В шлиссельбургском заточении	106
<i>Н. Ростов.</i> За той стеной	113
<i>В. В. Колосовский.</i> Наша библиотека	132
<i>А. К. Кукобин.</i> Протест 1912 года	140
<i>И. К. Гамбург.</i> За крепостными стенами	149
<i>Г. М. Муравин.</i> Пять лет в Шлиссельбургском централье . . .	168
<i>В. Ф. Гончаров.</i> Связи с волей	189
<i>Ф. А. Шавишвили.</i> Незабываемое	197
<i>И. С. Мельников.</i> Последние дни шлиссельбургской каторги .	209
Перечень сокращений при ссылках на источники в предисловии и комментариях	225
Комментарии	226
Выборочная библиография воспоминаний о «новом Шлиссельбурге» (1907 — 1917 гг.)	282
Именной указатель	284

„НА КАТОРЖНОМ ОСТРОВЕ“

Редактор Д. И. Жеребкина

Художники издания Р. М. Яхин, Т. М. Кофьян

Художник-редактор О. И. Масланов

Технические редакторы А. И. Сергеева, Г. В. Шиманарева

Корректоры Л. М. Ван-Заам, Л. В. Берендюкова

В книге использованы документальные фотографии

Сдано в набор 23/VIII 1966 г. Подписано к печати 9/XII 1966 г.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага тип. № 2. Физ. печ. л. 9,25.
Уч.-изд. л. 16,57. Усл. печ. л. 15,54. Тираж 50 000 экз. М-12001.
Заказ № 1281.

Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 40

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского
Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 66 коп.

*К 50-летию Великой Октябрьской
социалистической революции*

ЛЕНИЗДАТ ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ:

- 1. БИБЛИОТЕЧКА ОКТЯБРЯ** (10 брошюр, в которых последовательно, месяц за месяцем, освещаются важнейшие события 1917 года в Петрограде).
- 2. ГЕРОИ ОКТЯБРЯ** (биографии активных участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде).
- 3. ПЕТРОГРАД В ДНИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ** (воспоминания участников).
- 4. М. Н. Потехин. ПЕРВЫЙ СОВЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ.**

*ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
В ЛЕНИЗДАТЕ*

**Е. Ф. ЕРЫКАЛОВ
ОКтябрьское вооруженное восстание
в петрограде**

**С. В. КРАСНИКОВ
С. М. КИРОВ в лЕНИНГРАДЕ**

ГОРЯТ КОСТРЫ ПАРТИЗАНСКИЕ
(Сборник воспоминаний ленинградских партизан)

**П. Д. ГРИЩЕНКО
МОИ ДРУЗЬЯ ПОДВОДНИКИ**

**Д. Е. СЛАВЕНТАНТОР
НА ПОРОГЕ АТОМНОГО ВЕКА**

**Р. А. КАЗАКЕВИЧ, Ф. М. СУСЛОВА
МИСТЕР ПАЙПС ФАЛЬСИФИЦИРУЕТ ИСТОРИЮ**